

ISSN 2619-0648
Научный журнал

Ex jure

1

2025

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя
и издателя:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
юридический факультет

Тел. (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Урал-пресс»
[https://www.ural-press.ru/
catalog/97266/8650364/?
sphrase_id=396140](https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrase_id=396140).

Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мечиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой семейного и жилищного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Еришова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, зам. декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., доцент, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российской государственного университета правосудия, г. Москва.

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068

Address of the Editorial
Staff and Editorial Office:

Faculty of Law,
15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068
Phon.+7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Gongalo Bronislav Mechislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Family and Housing Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapol'skyi Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich – Professor, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief)

– Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm;

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm;

Kaplunov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadievich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кузнецова О. А., Любимова Е. В. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Иван Александрович Антропов	7
---	---

Щенникова Л. В. О династиях, звездном небосклоне преподавателей и вечной любви к факультету	37
---	----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Милинчук Д. С. Диptyх. Часть 1. Толкование права: способ предотвращения или причина коллизий?	43
---	----

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Василькова С. В. Особенности регулирования и практики строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Республике Беларусь	57
---	----

Соловьев А. А. Французский опыт регламентации этических вопросов при выполнении магистратами управленческих функций и осуществлении взаимодействия с органами государственной власти	72
--	----

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Афанасьев А. Б. Финансовые сделки в доктрине и законодательстве: терминологический диссонанс	84
--	----

Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования	98
--	----

Формакидов Д. А. О правилах пользования жилыми помещениями: переосмысление законодательных конструкций	113
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Афанасьева С. И. Применение технологии веб-конференции в судебной деятельности	126
--	-----

Машинникова Н. О. Уголовно-процессуальные отношения: конфликтологический и антропологический подходы	142
--	-----

Новиков Р. В. Назначение наказаний несовершеннолетнему по уголовному праву Франции	157
--	-----

Щепетильников В. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием технологий искусственного интеллекта	172
--	-----

Правила направления и опубликования научных статей в EX JURE	184
--	-----

CONTENTS

TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE LAW FACULTY AT PERM UNIVERSITY

<i>Kuznetsova O. A., Lubimova E. V. The First Twelve: Ivan A. Antropov, Professor at Perm University</i>	7
--	---

<i>Shchennikova L. V. About Dynasties, the ‘Starry Sky’ of Lecturers and Eternal Love for the Faculty</i>	37
---	----

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Milinchuk D. S. Diptych. Part 1. Interpretation of Law: A Method of Preventing or a Cause of Conflicts?</i>	43
--	----

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Vasilkova S. V. Peculiarities of Regulation and Practice of Construction of Energy Facilities by Foreign Companies in the Republic of Belarus</i>	57
--	----

<i>Solovyev A. A. French Experience in the Regulation of Ethical Issues for Magistrates When Acting in Their Administrative Capacity and Interacting with Public Authorities</i>	72
--	----

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Afanasev A. B. Financial Transactions in the Doctrine and Legislation: Terminological Dissonance</i>	84
---	----

<i>Kazantsev D. A. Tort Liabilities Arising from Actions of Artificial Intelligence: Problems and Prospects for Legal Regulation</i>	98
--	----

<i>Formakidov D. A. On Rules for the Use of Residential Premises: Rethinking Legislative Constructions</i>	113
--	-----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Afanaseva S. I. The Use of Web Conference Technology in Judicial Activities</i>	126
--	-----

<i>Mashinnikova N. O. Criminal Procedural Relations: Conflictological and Anthropological Approaches</i>	142
--	-----

<i>Novikov R. V. Sentencing of a Minor under French Criminal Law</i>	157
--	-----

<i>Shchepetilnikov V. N. Criminal Law Mechanisms to Counteract Crimes Perpetrated Using Artificial Intelligence</i>	172
---	-----

<i>Rules of Submission and Publication of Scientific Articles in EX JURE</i>	185
--	-----

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-7-36

Двенадцать первых:
профессор Пермского университета
Иван Александрович Антропов

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Е. В. Любимова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

© Кузнецова О. А., Любимова Е. В., 2025

Аннотация: юридическому факультету Пермского университета в 2026 году исполнится 110 лет. Настоящей статьей мы открываем цикл, посвященный двенадцати первым профессорам, создавшим факультет и заложившим основу его научной школы в суровые послереволюционные годы и годы Гражданской войны (1916–1920). Статья посвящена профессору Ивану Александровичу Антропову (1888–1938), его биографии, географии жизненного пути (Казань, Уфа, Омск, Иркутск, Свердловск) и сохранившемуся научному наследию. И. А. Антропов являлся профессором Пермского университета с 1 июля 1918 г. по 14 февраля 1920 г., при этом он никогда не был в Перми. В статье приводится уточненный список его научных работ и иных публикаций.

Ключевые слова: пермская научная юридическая школа; первые пермские профессора-юристы; профессор И. А. Антропов; сталинские репрессии

The First Twelve:

Ivan A. Antropov, Professor at Perm University

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Institute of the Federal Penal Service of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, 614012, Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

E. V. Lubimova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

Abstract: the Faculty of Law of Perm University will celebrate its 110th anniversary in 2026. This article launches a series of articles dedicated to the first twelve professors who created the faculty and laid a foundation for its scientific school in the harsh post-revolutionary years and the years of the Civil war (1916–1920). The article is dedicated to Professor Ivan Alexandrovich Antropov (1888–1938), his biography, his life geography (Kazan, Ufa, Omsk, Irkutsk, Sverdlovsk) and scientific heritage. I. A. Antropov was a professor of Perm University since July 1, 1918 until February 14, 1920, although he

never visited Perm. The article provides an updated list of his scientific works and other publications.

Keywords: Perm scientific law school; the first Perm law professors; Professor I. A. Antropov; Stalin repressions

Иван Александрович Антропов родился в городе Елабуге Вятской губернии 16 апреля 1888 г. В 1894 году, после смерти родителей, его взяла на воспитание тетя, и он переехал к ней в город Чистополь Казанской губернии. В 1906 году был зачислен на юридический факультет Казанского университета; летом 1907-го перевелся в Петербургский университет, рассматривая эту поездку как «научную командировку». В 1910 году вернулся в Казанский университет, который закончил в 1912-м (диплом первой степени № 29152 от 1 июня 1912 г.). В 1911 году удостоился высокой награды – золотой медали – за студенческое исследование «Отношение суда к закону в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената по договорам имущественного и личного найма». 25 июля 1912 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права и судопроизводства.

В 1913–1914 годах И. А. Антропов находился в научной командировке в Берлинском университете, где подготовил на немецком языке рукопись магистерской диссертации на тему «Суд и закон о договорах имущественного и личного найма в классическом римском и современном германском и французском праве»; там же он подготовил работу «Sublocatio rei¹ в классическом римском и в современном русском праве». Обе рукописи «были забыты» в Берлине, так как молодому ученому пришлось спешно покинуть Германию и вернуться в Россию через Швецию и Финляндию из-за начавшейся в 1914 году Первой мировой войны: «не смог вывести с собой ни одной строчки написанной там работы о договоре поднайма»². После сдачи экзаменов на степень магистра гражданского права и судопроизводства и проведения двух пробных лекций, признанных юридическим факультетом «вполне удовлетворительными», занимал должность приват-доцента Казанского университета с весеннего семестра 1916 года по конец весеннего семестра 1918-го, читал курс гражданского процесса. В 1916–1918 годах работал также в Казанском народном университете.

¹ Sublocatio rei (*лат.*) – возможность сдавать в наем арендованную вещь.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

Будучи приват-доцентом Казанского университета, Иван Александрович опубликовал наиболее известную свою работу «К вопросу об общедогматической конструкции института экспертизы современного гражданского процесса»³. Там же, в Казани, в 1918 году вышли его лекции по кооперативному праву⁴.

Осенью 1917-го от профессоров Пермского университета И. А. Антропов получил приглашение выставить свою кандидатуру на конкурс по кафедре гражданского процесса и 27 ноября того же года обратился с заявлением об участии в конкурсе на должность профессора по кафедре гражданского процесса в Пермский университет. 3 марта 1918 г. юридический факультет, а 9 апреля – Совет Пермского университета на заседании избрали И. А. Антропова исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре гражданского процесса с 1 июля 1918 г. Отзывы о его научных работах для участия в конкурсе дали профессора Пермского университета В. Ф. Глушкин и А. Н. Круглевский⁵. Стремление переехать работать в Пермь у Ивана Александровича было: 10 июля 1918 г. он запросил у Пермского университета 1500 рублей на переезд, 31 июля ему было выделено 800 рублей. Однако в Пермь он так и не прибыл, о чем 25 сентября 1918 г. ректор Пермского университета сообщил ректору Казанского университета⁶. В *curriculum vitae*⁷ Иван Александрович пишет: «Однако в Пермь к началу учебного 1918/1919 г. я не попал, оказавшись отрезанным от нее фронтом начавшейся тогда гражданской войны»⁸. Вместо этого он оказался в Уфе.

30 сентября 1918 г. И. А. Антропов стал председателем Юридического совещания при Уфимской дирекtorии (Временное Всероссийское правительство), которое было создано «для разработки по поручению Временного Всероссийского правительства законопроектов и других актов, исходящих от верховной власти, и для дачи заключений по законопроектам, восходящим на рассмотрение Временного Всероссийского правительства», а «председатель Юридического совещания пользовался правом непосредственного доклада

³ Антропов И. А. К вопросу об общедогматической конструкции института экспертизы современного гражданского процесса // Памяти Александра Владимировича Завадского: сб. ст. по гражд. и торг. праву и гражд. процессу. Казань: Юрид. об-во при Казан. ун-те, 1917. С. 182–224.

⁴ Он же. Лекции по русскому кооперативному праву: крат. пособие для слушателей. Казань: Казанский союз потреб. о-в, 1918.

⁵ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

⁶ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 3. Л. 22.

⁷ *Curriculum vitae* (*лат.*) – жизнеописание.

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 65.

Временному Всероссийскому правительству и присутствовал на заседаниях правительства при обсуждении законопроектов. Юридическое совещание через своего председателя сносилось с министрами и главноуправляющими и имело право требовать от них необходимые сведения и справки⁹. 31 октября 1918 г. И. А. Антропова назначили помощником Управляющего делами Временного Всероссийского правительства с оставлением в должностях и председателя Юридического совещания, и профессора Пермского университета. А еще до того, 9 октября, в связи с наступлением частей Красной армии, Уфимская директория переехала в Омск. Вместе с ней был эвакуирован и И. А. Антропов.

В автобиографии Иван Александрович пишет, что после военного переворота 18 ноября 1918 г., когда власть перешла к А. В. Колчаку, а Совет министров Директории преобразовался в Совет министров Российского правительства (оно же Омское правительство, Правительство Колчака), он стал юрисконсультом Управления делами Омского правительства: «на эту должность был “перечислен” вместе со всеми участниками упомянутого Юридического совещания»¹⁰. На заседании членов Юридического совещания 22 ноября 1918 г. было принято Положение об Юридическом совещании при Совете министров, оформившее переход совещания под юрисдикцию Омского правительства, и этот орган в составе Управления делами Совета министров Российского правительства действовал до 6 декабря 1918 г.

В том же году, 19 ноября, И. А. Антропов был утвержден юрисконсультом юрисконсультской части Управления делами Совета министров, входящего в структуру Управления делами Российского правительства А. В. Колчака¹¹. Заметим, что работал он в колчаковском правительстве до его падения в Иркутске в январе 1920 г.

13 мая 1919 г. И. А. Антропова назначили членом комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительском собрании учредительского характера и областных представительных учреждениях (из пермских

⁹ Юридическое совещание при Временном Всероссийском правительстве, гг. Уфа, Омск. 1918 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/859160>.

¹⁰ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 68.

¹¹ Насибуллин Р. А. Профессор И. А. Антропов – «вражеский глашатай на научной кафедре»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 70. См. также: Журнал заседаний № 8 Совета министров Российского правительства от 19.11.1918 г. // Совет Министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. документов: в 2 т. / сост. и науч. ред. В. И. Шишkin. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. С. 25.

профессоров в состав этой комиссии вошел также Н. В. Устрялов¹²), а 13 июня – старшим юрисконсультом Управления делами Российского правительства с оставлением в должности члена комиссии и профессора Пермского университета (без сохранения содержания по последней должности)¹³.

С 26 сентября 1919 г. И. А. Антропов участвует в заседаниях Совета министров в качестве временно исполняющего обязанности товарища Главноуправляющего делами Верховного правительства и Совета министров. В этом статусе он заседал 29 и 30 сентября, 2–3, 6–7, 10, 13, 15, 17, 20, 21, 24–25 и 28 октября, а с 30 октября уже участвовал в работе как старший юрисконсульт на правах товарища Главноуправляющего делами. В этом же качестве принимал участие в заседаниях 20, 24, 29 и 30 ноября, 2, 5, 9, 12, 13, 15, 21–23, 26 и 27 декабря 1919 г., состоявшихся после эвакуации колчаковского правительства в Иркутск¹⁴.

Сохраняя статус профессора Пермского университета, осенью 1918 года Иван Александрович читает курс кооперативного права в Омском политехническом институте, в апреле 1919-го по приглашению декана кооперативного факультета Омского сельскохозяйственного института становится до января 1920 года исполняющим обязанности ординарного профессора этого института. В его личном деле имеется доверенность от 29 января 1919 г., выданная им в Омске исполняющему обязанности декана юридического факультета Пермского университета В. Ф. Глушкову на получение последним в университете жалования с июля по декабрь 1918 года¹⁵.

После падения колчаковского правительства И. А. Антропов решает вернуться к преподавательской деятельности. 30 января 1920 г. он обратился к декану юридического факультета Иркутского университета (Иргосун) с заявлением о желании перейти из Пермского в Иркутский университет на кафедру торгового права. 14 февраля того же года Советом Иркутского университета И. А. Антропов, экстраординарный профессор по кафедре гражданского права

¹² Журнал заседаний № 96 Совета министров Российской правительства от 13.05.1919 г. // Совет Министров Российской правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Т. 1. С. 673.

¹³ Журнал заседаний № 111 Совета министров Российской правительства от 13.06.1919 г. // Там же. Т. 2. С. 47.

¹⁴ Совет Министров Российской правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Т. 2. С. 485 и след.

¹⁵ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 3. Л. 28.

и судопроизводства¹⁶ Пермского университета, избран на должность экстраординарного профессора по кафедре торгового права¹⁷. Работавший до него на этой кафедре профессор М. М. Агарков перешел на кафедру теории и истории философии права. Сразу после зачисления в Иргусун профессор И. А. Антропов приступил к чтению лекций по торговому праву для студентов третьего курса¹⁸.

В Иркутске профессор И. А. Антропов возобновляет научную и активную преподавательскую деятельность. Уже 2 февраля 1920 г. в помещении Народбанка им был сделан доклад на тему «Юридическая природа и правовое положение кооперации по законодательству Временного правительства и по советскому праву», обзор которого впоследствии был опубликован¹⁹. А 29 марта 1921 г. в Иркутском университете он выступил с докладом «Правовая природа профсоюзов при капитализме и в эпоху диктатуры пролетариата в связи с дискуссией о профсоюзах». В газетной заметке об этом докладе сообщалось, что «докладчик стал на точку зрения, весьма близкую к коммунистической»²⁰. Текст самого доклада не публиковался.

5 апреля 1920 г. функционирование юридического и второго факультета – историко-филологического в Иркутском университете было приостановлено, а с 14 июня начал работу гуманитарный факультет, состоявший из шести отделений: общественно-правового, философско-педагогического, экономического, исторического, филологического и восточного. В 1920/21 учебном году И. А. Антропов – председатель историко-общественной коллегии гуманитарного факультета, заведующий кабинетами публичного права и социальной политики²¹. С конца июля 1920-го И. А. Антропов – секретарь гуманитарного факультета.

¹⁶ Здесь, вероятно, ошибка: кафедры гражданского права и судопроизводства в Пермском университете не было. И. А. Антропов был экстраординарным профессором кафедры гражданского процесса.

¹⁷ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 24.

¹⁸ Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Юридический факультет Иркутского государственного университета в 1918–1920 гг.: свидетельства учебной повседневности // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 186.

¹⁹ М. К. Кооперативное законодательство (доклад проф. Антропова) // Известия Иркутского губернского революционного комитета. 1920. 5 марта. С. 1. В своей автобиографии, хранящейся в личном деле, И. А. Антропов сформулировал тему этого доклада как «Юридическая природа и правовое положение кооперации по законодательству Временного правительства и по советскому праву». Между тем автор обзора указывает, что профессор Антропов сделал доклад на тему о кооперативном законодательстве советской власти.

²⁰ К неделе профдвижения // Власть труда. 1921. 31 марта. С. 2.

²¹ Иркутский государственный университет. 27.Х.1918 – 27.Х.1921: сб. ко дню трехлетия существования университета / ред. Г. Ю. Маннс, К. Н. Миротворцев. Иркутск: Гос. изд-во. Иркутское отд-ние, 1921. С. 22.

1 июня 1921 г. гуманитарный факультет был преобразован в факультет общественных наук (ФОН), имевший правовое отделение (с административным и судебным циклами, а позднее – с кооперативным), экономическое отделение и восточное отделение внешних сношений. Комиссию по переорганизации гуманитарного факультета в ФОН возглавил И. А. Антропов.

С февраля 1922 года И. А. Антропов входил в состав президиума и комитета ФОНа. В научных источниках указывается, что он был назначен председателем правового отделения ФОН²². Однако сам профессор сообщает в автобиографии, что был председателем восточного отделения внешних сношений в 1921 году и председателем экономического отделения в 1921–1922 годах, а также председателем правовой предметной комиссии ФОН²³. На правовом отделении ФОН работали кафедры гражданского, хозяйственного, международного права, гражданского, уголовного судопроизводства, социологии, истории социализма, введение в учение о праве.

В 1921/22 учебном году профессору И. А. Антропову поручалось читать следующие предметы: введение в учение о праве; структуру государственного управления (включая РСФСР); теорию и практику кооперации; общее учение о суде (включая РСФСР); правовую организацию снабжения; административную юстицию; право торговли; кооперативное право; толкование и применение права; судебное право; право государственного управления²⁴. Тогда же И. А. Антропов являлся председателем экономического отделения факультета общественных наук и читал на нем курс «Право производства, обмена и распределения»²⁵. Кроме того, в 1921 году он читал курсы «Кооперативное законодательство» и «Продовольственное законодательство до натурналога» на кооперативно-продовольственных курсах при Иркутском губкоме Р.К.П.²⁶ Следует также заметить, что в литературе встречается информация о работе И. А. Антропова в Дальневосточном государственном

²² Зипунникова Н. Н., Калинина А. В., Елисова Н. С. От юридического факультета Иркутского университета к Сибирскому институту советского права: иркутские корни вузовской истории (посвящение 100-летию Уральского государственного юридического университета) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 8. С. 11–28.

²³ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 67.

²⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-71. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 2. Цит. по: Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Учебно-методическая работа преподавателей в юридическом вузе (историко-правовой этюд о развитии факультета для подготовки юристов Иркутского государственного университета, 1918–1920-е гг.) // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 186.

²⁵ Иркутский государственный университет. 27.Х.1918–27.Х.1921... С. 23, 30.

²⁶ См.: Власть труда. 1921. 11 авг. С. 4.

_____ К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
университете в 1920–1922 годах (в период Дальневосточной республики) и преподавании им там гражданского права²⁷.

В 1922/23 учебном году профессор И. А. Антропов среди прочих предметов читал курс «Социально-хозяйственное право. Часть II. Право обмена и распределения». Сохранился составленный им в октябре 1922 года план преподавания этого курса: введение (о предмете, задачах, методах и системе новой науки социально-хозяйственного права как права обобществленного хозяйства; публичное и частное право при капитализме и социализме; основные принципы капиталистического права обмена – промышленно-торгового права), раздел «Право обмена и распределения Великой Российской Революции»²⁸. По справедливому замечанию Н. Н. Зиппуновой и А. В. Калининой, «такой план заслуживает специального рассмотрения»²⁹ и был бы интересен современным преподавателям предпринимательского права.

7 июля 1923 г. на торжественном собрании Иркутской кооперации И. А. Антроповым был сделан доклад на тему «Основные черты сходства и различия кооперации Западной Европы и СССР и взаимные уроки Советсикооперации и кооперации капиталистических стран»³⁰. В. Н. Казарин упоминает также, что в период с 1920 по 1923 год профессор читал в Иргосуне введение в учение о праве, структуру государственного управления, теорию и практику кооперации, социальное право, общее учение о суде, административную юстицию, кооперативное право³¹.

Осенью 1924 года вместо факультета общественных наук в Иркутском университете был создан факультет права и местного хозяйства (хозправфак), который сначала состоял из одного правового отделения с двумя циклами – правовым и административно-хозяйственным, а в 1925-м был разделен на два отделения – правовое и местного хозяйства. На отделении местного хозяйства с 1927 года действовало два цикла (аналог современной специализации) – кооперативно-торговый и финансовый.

²⁷ Курилов В. И., Сонин В. В. Флагман юридического образования на Дальнем Востоке России // Правоведение. 1998. № 2. С. 4.

²⁸ Зиппунникова Н. Н., Калинина А. В. Учебно-методическая работа преподавателей в юридическом вузе... С. 189.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 70.

³¹ Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: времена, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3. С. 21–22.

В 1926 году И. А. Антропов был проректором Иркутского университета: в его личном деле имеется мандат, выданный 2 июня этого года ему как проректору «для представительства по всем делам университета»³².

8 ноября 1927 г. на торжественном заседании, посвященном 10-летию Иркутского университета, профессор И. А. Антропов сделал доклад (речь) на тему «Октябрьская революция и право», краткое содержание которого было опубликовано в газете «Власть труда»³³, а в 1929-м доклад вышел в полном объеме и отдельным изданием³⁴. К сожалению, именно этой работе суждено было сыграть главную роль в трагической судьбе ученого.

В анкете 1927 года И. А. Антропов указывает, что за истекшие семь лет работы в Иргосуне им было прочитано тринадцать курсов, в частности курсы промышленно-торгового права, теории права, гражданского процесса, права производства, обмена и распределения, права внутреннего советского управления, хозяйственного права, кооперативного права, продовольственного права, основ гражданского и промышленно-торгового права, основ социально-хозяйственного права, истории и теории кооперации, судоустройства, трудового права³⁵.

В 1928 году, будучи профессором хозправфака, И. А. Антропов второй и последний раз в жизни оказался заграницей: его командировали в Германию, в Торговое представительство СССР в Берлине, с тем чтобы получить фотоаппаратуру для нужд Иркутского университета.

В этом же году под авторством И. А. Антропова в Иркутске выходит работа «Спутник научного работника»³⁶, представляющая собой по большей части систематизацию нормативных и политических материалов об организации работы секции научных работников. В книге ученый фактически выступил научным редактором-систематизатором и автором небольшого предисловия и довольно объемного отдела I «Основные даты (К истории секции научных работников)», которые датировал 25 ноября 1927 г.

³² ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 48.

³³ Антропов И. А. Октябрьская революция и право // Власть труда. 1927. 10 дек. (начало); 11 дек. (окончание).

³⁴ Он же. Октябрьская революция и право // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Т. XVI, вып. 1. Факультет права и местного хозяйства. Правовое отделение. Иркутск: тип. изд. «Власть труда», 1929. С. 5–36.

³⁵ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 65.

³⁶ Спутник научного работника. Иркутск: [Изд-во Иркутск. секции науч. работников Рабпроса], 1928.

К концу 1929 года хозправфак Иргосуна вновь ждали значительные перемены, закончившиеся созданием Сибирского института советского права. «10 декабря 1929 г. в Наркомпросе РСФСР, – пишет В. Н. Казарин, – обсуждался вопрос о реорганизации факультета права и местного хозяйства ИГУ. Решение состоялось, и фактически с 1 января 1930 г. началась реорганизация факультета, которую необходимо завершить к 1 сентября этого же года»³⁷. В первой половине 1930 года в документах Иргосуна и органов советской власти обсуждалось преобразование *отделения советского строительства и права при экономическом факультете*, в том числе по причине его предметной «отдаленности» от других отделений экономического факультета³⁸. Как отмечал, будучи в статусе «заведующего отделением советского строительства и права», доцент Клейман в докладе 29 марта 1930 г., «в конце 1929 г. ставились вопросы о полной ликвидации факультета советского права, но по решению центральных органов таковой был переорганизован в экфак с отделением советского строительства и права»³⁹. Однако уже во второй половине 1930 года в документах Иргосуна фигурирует *факультет советского строительства и права*, возглавляемый «зав. факультетом тов. Позаном»⁴⁰. Известно также, что на факультете действовало два отделения – советского строительства и судебное и на них были утверждены цифры приема на 1930/31 учебный год (по 60 человек на каждое)⁴¹. Возможно, возникновение «факультета» вместо «отделения при экфаке» было связано с тем, что «на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 11 августа 1930 г. был издан приказ Народного комиссариата финансов СССР об открытии на базе экономического цикла факультета права и местного хозяйства (вероятно, речь должна идти об экфаке, так как в начале 1930 года факультет был уже «переорганизован»

³⁷ Казарин В. Н. Становление и эволюция экономического образования в Иркутском государственном университете. 1918 – начало 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2021. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. С. 86.

³⁸ Зипунникова Н. Н. Истоки СЮИ – УрГЮА: как из университетского факультета вырастал институт // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 204–210.

³⁹ Протокол заседания расширенного Пленума Иркутского окружного суда от 29 марта 1930 г. // Зипунникова Н. Н. Истоки СЮИ – УРГЮА: как из университетского факультета вырастал институт. С. 204.

⁴⁰ Позан Юрий Михайлович (1899–1938) – будущий первый директор Сибирского института советского права. При нем и с ним институт был переведен в Свердловск. 9 апреля 1938 г. был арестован и обвинен в создании в институте контрреволюционной террористической организации, спустя четыре месяца расстрелян. В 1958 году Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор и прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления.

⁴¹ Зипунникова Н. Н., Калинина А. В., Елисова Н. С. Указ. соч.

в экфак. – Авт.) Сибирского финансово-экономического института»⁴². Интересно, что в авторитетных исследованиях истории Иргосуна, Сибирского института советского права и его преемника Свердловского юридического института не упомянут факт исторического существования между факультетом права и местного хозяйства и факультетом советского строительства и права отделения советского строительства и права при экономическом факультете Иргосуна⁴³.

Начало 1930-х в советской России ознаменовалось активным поиском идеологических врагов советской власти, в том числе среди ученых, которые «так и не поняли идей Сталина и Ленина и не освоили методологию материалистической диалектики». Как упоминал сам И. А. Антропов, на общественном смотре кафедры теории права в январе 1931 года была «развернута критика» его позиций относительно примата права над государством, предмета теории права, характера советского права и некоторых других вопросов⁴⁴.

В апреле 1931 года факультет советского строительства и права Иркутского университета был разделен на два института – Сибирский институт советского строительства и Сибирский институт советского права (с двумя отделениями – судебно-прокурорско-следственным и исправительно-трудовым). Согласно приказу № 2 от 1 июня 1931 г. И. А. Антропов был зачислен в Институт советского права профессором по кафедре теории права и государства, а к Институту советского строительства был прикреплен по совместительству⁴⁵. Профессорская зарплата И. А. Антропова в институте составляла на июль 1931 года 400 рублей в месяц (для сравнения: доцент получал 335, ассистент – 280 рублей)⁴⁶.

⁴² Казарин В. Н. Становление и эволюция экономического образования в Иркутском государственном университете... С. 86.

⁴³ См., например: Лякутина Ю. П. История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири: 1918–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009.

⁴⁴ Антропов И. Письмо в редакцию // На советской стройке: журнал Восточно-Сибирского крайисполкома Советов, Сибирского института советского строительства и Сибирского института советского права (Иркутск). 1932. № 4–5. С. 32.

⁴⁵ Протокол № 1 заседания Межинститутской комиссии по реорганизации факультета советского строительства и права от 2 июня 1931 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 26–26об. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Иркутский (Сибирский) институт советского права: нелегкое начало большого пути // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 196.

⁴⁶ Список наличного состава профессорско-преподавательского персонала Сибирского института советского права по состоянию на 15 июля 1931 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 938. Л. 3. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Иркутский (сибирский) институт советского права... С. 209.

Приказом по Институту советского права от 27 июня 1931 г. на 1931/32 учебный год профессору И. А. Антропову были даны следующие поручения: «Общая теория /методология/ права» на третьем курсе и «Учение о праве и государстве – на первом»⁴⁷. Заметим, что в документах института 1931 года кафедра теории права и государства именуется по-разному: так, 17 июня И. А. Антропова отправляют в отпуск как профессора *по кафедре теории права*, 29 июля институт зачисляет аспиранта на *кафедру учения о советском государстве*, 21 ноября в расширенном заседании учебно-методического сектора участвует *кафедра теории права и государства*⁴⁸. Ясно одно, что Иван Александрович Антропов работал в этот период на теоретико-правовой кафедре.

20 сентября 1931 г. И. А. Антропов был включен в состав методического сектора института, организованного «в целях улучшения методического руководства работой преподавательского состава Института Советского Права», принимал активное участие в его заседаниях 27 сентября и 3 октября⁴⁹. 25 сентября 1931 г. профессорско-преподавательскому составу института было предложено «проработать программы, в которых отразить актуальные проблемы социалистического строительства, последние решения ВКП/б/, а также борьбу на два фронта с механическими и идеалистическими извращениями марксизма-ленинизма», а Ивану Александровичу поручили

⁴⁷ Приказ № 10 по Институту советского права от 27 июня 1931 г. // Архив Уральской государственной юридической академии (Арх. УрГЮА). Ф. 2143-р. Оп. 1-Л. Ед. хр. 1. Л. 4об–5. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Институтские будни: учебная и учебно-методическая работа в 1931 г. // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 203.

⁴⁸ См. об этом подробнее: Зипунникова Н. Н. Институтские будни: научная деятельность и профили подготовки специалистов (1931 г.) // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 191–204. Отметим, что в документах института название кафедры продолжает перманентно меняться и в 1932 году: 19 апреля аспиранта зачисляют на кафедру общей теории государства и права, 2 июня другого аспиранта утверждают по кафедре «Ленинское учение о праве и государстве», 3 июля И. А. Антропова отправляют в отпуск как профессора кафедры теории права, 27 июля аспиранта зачисляют на кафедру общей теории права, 21 октября товарища Мартысевича зачисляют доцентом по кафедре теории права и государства, 23 октября выделено два места для научных выдвиженцев по кафедре «Учение о праве и государстве». См.: Зипунникова Н. Н. О задаче «выковывания воинствующих советских юристов» и научно-исследовательской работе в Сибирском (Иркутском) институте советского права в 1932 г. // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 184–206.

⁴⁹ Приказ № 42 по Институту советского права от 20 сент. 1931 г. // Арх. УрГЮА. Ф. 2143-р. Оп. 1-Л. Ед. хр. 1. Л. 16. Цит. по: Зипунникова Н.Н. Институтские будни: учебная и учебно-методическая работа в 1931 г. С. 211.

«проработать» программы по предметам «Азбука советского права» и «Теория права»⁵⁰.

С 1920 по 1931 год И. А. Антропов совмещал с преподаванием практическую юриспруденцию, а именно работал заведующим юридическим отделом в Иргубпродкоме (1920), консультантом кооперативного отдела Иргубпродкома (1920), юрисконсультом Иркутского губернского союза потребительских обществ (1921–1923), консультантом Иргубкустпромкома (1921–1922), юрисконсультом Иркутской конторы Якутгосторга (1924–1931), а кроме того, был членом Иркутской коллегии защитников (1922–1925).

11 ноября 1931 г. приказом № 62 по Институту советского права И. А. Антропов был назначен заведующим кафедрой хозяйственного права и одновременно освобожден от должности профессора по кафедре теории права и государства⁵¹. Заметим, что на расширенном заседании кафедр института 21 ноября 1931 г. участвовали кафедры экономических дисциплин, уголовно-правовой политики, теории права и государства, теории советского судебного процесса, тогда как кафедра хозяйственного права еще не участвовала⁵². Но из дальнейших событий и дат документов следует, что И. А. Антропов в институте продолжал вести занятия по общей теории государства и права до середины весны 1932 года.

В самом начале 1932-го, спустя три (!) года после публикации работы И. А. Антропова «Октябрьская революция и право», на нее была дана резкая, в худших традициях советско-идеологической репрессивной стилистики, рецензия, автор которой негодовал, что И. А. Антропов до сих пор не подверг критике в печати указанную работу, называемую рецензентом «лохмолями буржуазной идеологии»⁵³. В вину ученыму ставилось игнорирование при определении государства такого признака, как «орудие угнетения одного класса

⁵⁰ Протокол заседания треугольника Института советского права от 25 сент. 1931 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 3–Зоб. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Иркутский (Сибирский) институт советского права: нелегкое начало большого пути. С. 218.

⁵¹ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 135, 139.

⁵² Протокол расширенного заседания учебно-методического сектора от 21 нояб. 1931 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 14–15. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Институтские будни: научная деятельность и профили подготовки специалистов. С. 198–199.

⁵³ Петров-Немиров Л. Буржуазная идеология под прикрытием цитат Маркса и Ленина // На советской стройке: журнал Восточно-Сибирского крайисполкома Советов, Сибирского института советского строительства и Сибирского института советского права (Иркутск). 1932. № 2–3. С. 23–24.

другим», а при определении права – признака «форма политики господствующего класса». По мнению рецензента, «Антропов совершенно не понял Ленина», сущности диктатуры пролетариата и национального вопроса. Завершалась критика словами: «Просто удивительно, как на тридцати страницах можно было нагромоздить столько ветоши буржуазной идеологии, как можно было в стремлении понять Октябрьскую революцию и право так оппортунистически извратить, изуродовать марксистко-ленинскую теорию государства и права, историю, стратегию и тактику пролетариата и, наконец, политику партии»⁵⁴. И. А. Антропов, уже хорошо понимая, что относительно вегетарианские времена советского строя прошли, вынужден был 16 апреля 1932 г. оправдываться в ответе на эту рецензию, признать ее «вполне правильной» и согласиться с тем, что ряд его научных позиций являлись «неверными, механистическими, антимарксистскими»⁵⁵.

Интересно отметить, что на техническом совещании научных работников Сибирского института советского права 19 марта 1932 г. И. А. Антропов при утверждении плана научно-исследовательской работы, составленного Сибирским отделением Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников, с негодованием говорит о том, что общество «не продумало и не поставило в план научно-исследоват[ельской] работы вопросы хоз[аяственного] права»⁵⁶, а свой ответ от 16 апреля на вышеуказанную рецензию он заканчивает: «В целях полного завершения своей марксистско-ленинской переподготовки и активного участия за генеральную линию партии, я одновременно подаю заявление о принятии меня в члены Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников»⁵⁷. Нашим современникам трудно, а может, и недопустимо давать какую-либо оценку реакции ученого на грубую, агрессивную, безграмотную рецензию. Будучи «буржуазным» профессором, получившим образование в дореволюционной России, и занимая высокие должности в правительстве А. В. Колчака, он прекрасно осознавал риски иного ответа в 1930-х годах, положивших начало активной «чистке советских рядов».

⁵⁴ Петров-Немиров Л. Указ. соч.

⁵⁵ Антропов И. Письмо в редакцию. С. 32–33.

⁵⁶ Протокол технического совещания научных работников Сибирского института советского права от 19 марта 1932 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 21–22. Цит. по: Зипунникова Н. Н. О задаче «выковывания воинствующих советских юристов»... С. 195–196.

⁵⁷ Антропов И. Письмо в редакцию. С. 33.

Несмотря на «комплиментарный» ответ рецензенту, профессора И. А. Антропова «сняли» с кафедры теории права фактически в середине весеннего семестра 1932 года, не дав довести четыре из шести занятий⁵⁸. Но он сохранил должность заведующего кафедрой хозяйственного права и его продолжали привлекать к учебно-методической работе: к ноябрю 1932 года учебной частью института ему были поручены разработка учебного плана на судебно-следственном отделении и представление программ по спецдисциплинам⁵⁹. Отметим также, что И. А. Антропов входил в состав директората института: на его заседании 13 марта 1932 г. он обратил внимание на необходимость согласования научно-исследовательских тематик с органами юстиции, арбитражем и краевым отделом народного образования, а также предложил открыть кабинет экономической политики и хозяйственного права⁶⁰.

Иван Александрович Антропов заведовал кафедрой хозяйственного права Сибирского института советского права с 11 ноября 1931 г. до перевода института в Свердловск летом 1934-го. В последний иркутский учебный год (1933/34) возглавляемая им кафедра обеспечивала курсы советского хозяйственного права, совхозно-колхозного права, трудового права и международного права⁶¹. Учебная нагрузка И. А. Антропова в этот период составляла 448 часов⁶². 27 августа 1933 г. И. А. Антропова включили в учебно-методический совет института. В апреле 1934-го, к Первомаю, он был премирован «грамотой ударника» за высокие качественные показатели в педагогической деятельности и активное участие в общественной работе.

⁵⁸ В Восточно-Сибирский краевой отдел народного образования (УМС) (отчет, без даты) // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 15–16об. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Совершенствование учебного процесса и учебно-методической работы в Сибирском (Иркутском) институте советского права в 1932 г. // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 208.

⁵⁹ План работы учебной части на октябрь – декабрь 1932 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 167. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Совершенствование учебного процесса и учебно-методической работы в Сибирском (Иркутском) институте советского права в 1932 г. С. 212.

⁶⁰ Протокол заседания директората Института советского права от 13 марта 1932 г. // ГАСО. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 20–20об. Цит. по: Зипунникова Н. Н. Совершенствование учебного процесса и учебно-методической работы в Сибирском (Иркутском) институте советского права в 1932 г. С. 194–195.

⁶¹ Приказ № 56 по Институту советского права от 5 июля 1933 г. // Архив Уральского государственного юридического университета (Арх. УрГЮУ). Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 4. Л. 40об–41. Цит. по: Зипунникова Н. Н. «Правильный путь вискании новых методов преподавания» и «фактически состав стабилен, летунов нет»: Сибирский (Иркутский) институт советского права в 1933 г. // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 199–200.

⁶² Приказ № 66 по Институту советского права от 20 июля 1933 г. // Арх. УрГЮУ. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 3. Л. 32. Цит. по: Зипунникова Н. Н. «Правильный путь вискании новых методов преподавания» и «фактически состав стабилен, летунов нет»... С. 201.

1 августа 1934 г. Сибирский институт советского права был переведен в Свердловск⁶³ и с 1 сентября 1934 г. стал называться Свердловским институтом советского права, с 5 марта 1935 г. – Свердловским правовым институтом, а с 17 сентября 1936 г. – Свердловским юридическим институтом (СЮИ). Вместе с институтом в Свердловск переехали пятнадцать преподавателей во главе с директором Ю. М. Позаном⁶⁴. Среди них был и Иван Александрович Антропов, возглавивший одну из трех кафедр – кафедру хозяйственного права и гражданского процесса, на которой читались советское хозяйственное право, аграрное право, трудовое право, гражданский процесс⁶⁵. С 1 октября 1934 г. И. А. Антропов также был назначен на должность заведующего сектором по заочно-правовому образованию и занимал ее до 1 мая 1935 г.⁶⁶

Усиление репрессий после убийства С. М. Кирова в конце 1934 года и последовавшая за ним активизация поиска вредителей и врагов не могли не затронуть работу ученого в СЮИ. На заседании парткома института 11 января 1935 г. рассматривался вопрос о «социально-классовом лице научных работников». И. А. Антропов был назван в числе тех, кто требует «постоянного наблюдения», «усиления контроля за его преподаванием»⁶⁷; более того, был поднят вопрос о необходимости заменить его на должности заведующего кафедрой хозяйственного права, «поставив на его место коммуниста». Директор Ю. М. Позан принял решение «оставить проф. Антропова только на преподавательской работе, освободив от должности заведующего кафедрой и заочного сектора».

⁶³ Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди. С. 29.

⁶⁴ Свердловский юридический институт. 1931–1981: 50 лет / [В. В. Баженов, Н. Н. Ансимов, Л. Ф. Богер, В. В. Горланов; отв. ред. Д. Д. Остапенко]. М.: Юрид. лит., 1981. С. 6.

⁶⁵ Зипунникова Н. Н. Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 5. С. 153. На момент перевода в Свердловск в Сибирском институте советского права было шесть кафедр – экономических дисциплин, уголовно-правовой политики, теории права и государства, судебного права, хозяйственного права, диалектического материализма. В Свердловске возобновили работу три кафедры, в том числе возглавляемая И. А. Антроповым кафедра хозяйственного права.

⁶⁶ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 145.

⁶⁷ Насибуллин Р. А. «Секретаря парткома Мартысевича за гнилой либерализм к троцкисту Гордееву с работы секретаря и члена парткома снять и объявить строгий выговор»: эпизоды из жизни доцента Иосифа Демьяновича Мартысевича (1905–1990 гг.) и Свердловского правового института в 30-е годы XX века // Проблемы истории, общества, государства и права: сб. науч. тр. / гл. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: Изд-во УРГЮА, 2020. Вып. 9. С. 143.

4 мая 1935 г. «в связи с малочисленностью состава работников» кафедра хозяйственного права была упразднена и создана объединенная кафедра теории государства и права и хозяйственного права. На нее перевели хозяйственно-правовые дисциплины: советское хозяйственное право, аграрное право, трудовое право⁶⁸. Однако такое кафедральное «объединение», судя по всему, длилось недолго: в том же году, в сентябре, кафедра хозяйственного права возобновила свою самостоятельную работу. Так, в середине 1936 года в работе возглавлявшего тогда Свердловский правовой институт директора Ю. М. Позана указывается, что «в текущем учебном году» (1935/36. – Авт.) по сравнению с прошлым годом число кафедр возросло с двух до пяти, среди них кафедры уголовного права и процесса, хозяйственного права, государства и права, социально-экономических наук, военных наук и физкультуры⁶⁹. За кафедрой хозяйственного права числились следующие дисциплины: гражданское и хозяйственное право, трудовое право, земельно-колхозное право, гражданский процесс, транспортное право, финансовое право, система арбитража и арбитражный процесс, международное частное право.

В личном деле И. А. Антропова имеется приказ № 103 от 4 сентября 1935 г. по Свердловскому правовому институту об освобождении «профессора Антропова от работы в институте с 5 сентября за отсутствием поручений»⁷⁰. Однако вскоре такие «поручения», видимо, нашлись. Документального оформления причин и времени «возвращения» профессора в СЮИ после приказа о его увольнении обнаружить не удалось. Известно, что он продолжил вести занятия в институте, завершив свою преподавательскую карьеру в должности профессора кафедры советского гражданского права и процесса в июле 1937 года. Вероятно, возвращение И. А. Антропова в институт было вызвано острой нехваткой преподавательских кадров. К примеру, 20 ноября 1935 г. на обсуждении парткома института отмечалось, что не обеспечены преподавателями как раз «хозяйственно-правовые дисциплины»: бюджетное право, арбитраж, международное право, а на третьем курсе преподает только один

⁶⁸ Приказ № 44 от 4 мая 1934 г. по Свердловскому правовому институту // Зипунникова Н. Н., Колпяев Н. О., Краснов Г. С., Перфильева Т. Д. Летопись СЮИ – УРГЮА: студенческий исследовательский проект // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 3. С. 33.

⁶⁹ Позан Ю. М., Мошкович Т. С. За кадры советских юристов (к 5-летию Свердловского правового института). Свердловск: Свердл. правовой ин-т, 1936.

⁷⁰ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 144.

постоянный преподаватель – М. В. Хорохорин⁷¹. Достоверно известно, что в 1936/37 учебном году И. А. Антропов работал в институте и читал лекции – во всяком случае, стенограмма на одну из них, прочитанную в декабре 1936-го на тему «Кредитно-расчетные правовые отношения», впоследствии сыграла печальную роль в его судьбе.

Уже в начале 1937 года кафедра хозяйственного права была преобразована в кафедру советского хозяйственного и гражданского права, вскоре переименованную в кафедру советского гражданского права и процесса. В. А. Бублик по этому поводу пишет: «Следует помнить сложный этап для цивилистики в 1930-х годах. Было время, гражданское право в Свердловском юридическом институте не преподавалось. Занятия по буржуазному гражданскому праву – преимущественно в сравнительно-наследственном ключе – проводились по кафедре хозяйственного права. 1937 г. – период полного и окончательного возрождения цивилистики в нашем институте. Кафедра гражданского права и процесса в том году была полностью восстановлена»⁷². Первым заведующим кафедрой стал М. В. Хорохорин, а с 1939 года ее возглавил выдающийся отечественный цивилист Б. Б. Черепахин.

На кафедре советского гражданского права и процесса И. А. Антропов занимал должность профессора и заведующего кабинетом, и расширенное заседание именно этой кафедры 19 мая 1937 г. признало «невозможным в дальнейшем работу проф. Антропова в Институте, требующую политического доверия»⁷³.

Повод и процесс уничтожения преподавательской карьеры, а впоследствии и жизни содержательно, детально, с большой эмпатией к Ивану Александровичу, с глубоким пониманием несправедливости и неизбежности

⁷¹ Насибуллин Р. А. «Секретаря парткома Мартысевича за гнилой либерализм к троцкисту Гордееву с работы секретаря и члена парткома снять и объявить строгий выговор»: эпизоды из жизни доцента Иосифа Демьяновича Мартысевича (1905–1990 гг.) и Свердловского правового института в 30-е годы XX века. С. 123.

⁷² Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: кафедре гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковleva – 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2024. С. 7–8.

⁷³ Постановление кафедры советского гражданского права и процесса Свердловского юридического института по вопросу о работе проф. Антропова. // ГАСО. Ф. 2143. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 82–83. Цит. по: Насибуллин Р. А. «Рецидивы прошлой реакционной деятельности профессора Антропова налицо и не случайны. Политическое доверие оказано быть не может»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 71.

случившего с ним описаны в ряде статей Р. А. Насибуллина⁷⁴. Мы лишь приведем голую хронологию этих событий.

8 мая 1937 г. в областной газете вышла статья студента СЮИ «Вражеский глашатай на научной кафедре», в которой профессор И. А. Антропов был назван «неразоблаченным буржуазным идеологом», «глашатаем антимарксистских взглядов», «вражеским толкователем теории государства и права», проповедником «троцкистской правореволюционной контрабанды». В вину ему была поставлена и работа в Уфимской дирекции, и служба юрисконсультом в правительстве А. В. Колчака, и уже ранее подвергнутая критике работа «Октябрьская революция и право», опубликованная в 1929 году. Реакция кафедры на выход газетной статьи оказалась незамедлительной. На кафедру была представлена рецензия на стенограмму лекции И. А. Антропова, в которой рецензент увидел вредные, антимарксистские формулировки, извращающие марксистско-ленинское учение. 19 мая 1937 г. состоялось внеочередное расширенное заседание кафедры, на котором присутствовали директор института и студенты. Заметку признали правильной. И. А. Антропов в целом отрицал обвинения автора газетной статьи, указывал на неверное стенографирование своей лекции, частично раскаялся. Но «никто за Антропова не вступился. Мгновенно и totally возникла зона отчуждения вокруг “помеченного”»⁷⁵. Со 2 июля 1937 г. профессор был уволен из института в связи с тем, что им «был допущен в преподавании ряд политических ошибок». Иван Александрович пытался обжаловать увольнение, обращался с соответствующим заявлением в Свердловский областной совет профессиональных союзов, однако последний постановил «признать увольнение правильным»⁷⁶. Постановление было принято 13 ноября 1937 г.

⁷⁴ Насибуллин Р. А. Профессор И. А. Антропов – «вражеский глашатай на научной кафедре»: 1937 год в Свердловском юридическом институте. С. 68–81; Он же. «Рецидивы прошлой реакционной деятельности профессора Антропова налицо и не случайны. Политическое доверие оказано быть не может»: 1937 год в Свердловском юридическом институте. С. 58–72; Он же. «Решительным образом бороться за ликвидацию в кратчайший срок всех последствий контрреволюционных извращений на теоретическом правовом фронте...»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 67–78.

⁷⁵ Он же. «Рецидивы прошлой реакционной деятельности профессора Антропова налицо и не случайны. Политическое доверие оказано быть не может»: 1937 год в Свердловском юридическом институте. С. 63.

⁷⁶ ГАСО. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Д. 51. Л. 24.

Свердловский период И. А. Антропова не был отмечен научными публикациями. Директор института Ю. М. Позан в ходе вышеописанного кафедрального обсуждения высказался по этому поводу очень резко: «Мы в лице проф. Антропова имеем дело с человеком с тяжелым грузом прошлого. <...> Старые извращения Антропов повторил, помимо всего прочего, в новой, пассивной форме... он не написал не только ни одной научно-исследовательской работы, но и статьи в течение целых десяти лет во избежание разоблачения повторения старых извращений»⁷⁷. Однако Иван Александрович дал более здоровое объяснение: «не пишу научную работу ввиду перегрузки педагогической работой»⁷⁸. Верно и замечание Р. А. Насибуллина, что «в сталинские 30-е годы в безопасности был тот учёный, который не высказывается по насущным юридическим вопросам, а не тот, кто критикует, находясь на переднем крае борьбы с неправильными юристами»⁷⁹.

После увольнения из института Иван Александрович недолгое время работал начальником юридического отдела Свердловского треста «Оргэнерго». 19 марта 1938 г. был арестован. По одному делу с ним проходили первый директор СЮИ Ю. М. Позан, доцент П. А. Гордеев и председатель профкома В. П. Мартиросян. Все четверо 9 августа 1938 г. приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР «за участие в контрреволюционной террористической троцкистской организации» по статьям 58⁶, 58⁸, 58¹¹ УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу. Расстреляны в тот же день⁸⁰. Иван Александрович реабилитирован (справка Комитета государственной безопасности СССР, Управление по Свердловской области № 16/К-231 от 11.04.1997).

Наиболее известная и цитируемая работа Ивана Александровича Антропова – «К вопросу об общедогматической конструкции института экспертизы современного гражданского процесса». В ней предпринята попытка выявить

⁷⁷ Насибуллин Р. А. «Рецидивы прошлой реакционной деятельности профессора Антропова налицо и не случайны. Политическое доверие оказано быть не может»: 1937 год в Свердловском юридическом институте. С. 69–70.

⁷⁸ Там же. С. 62.

⁷⁹ Насибуллин Р. А. «Буржуазного специалиста Кечекьяна надо использовать в преподавании при надлежащем идеологическом контроле коммунистов»: штрихи и факты к портрету профессора Степана Фёдоровича Кечекьяна (1890–1967 гг.) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. Вып. 9. С. 80.

⁸⁰ Он же. «Секретаря парткома Мартысевича за гнилой либерализм к троцкисту Гордееву с работы секретаря и члена парткома снять и объявить строгий выговор»: эпизоды из жизни доцента Иосифа Демьяновича Мартысевича (1905–1990 гг.) и Свердловского правового института в 30-е годы XX века. С. 189, 234.

процессуальный статус и роль эксперта в гражданском судопроизводстве на основе статьи 515 Устава гражданского судопроизводства, которая определяла его как сведущего человека, обладающего особыми учеными, техническими или хозяйственными сведениями.

И. А. Антропов выделил шесть способов «разрешения трудной судебской задачи – необходимости для судьи быть как бы всезнающим несмотря на человеческую ограниченность». Во-первых, собрание всего народа, так как древняя народная община сама была хранительницей как права, так и всех иных накопленных ее опытом специальных (весьма примитивных) навыков и сведений. Во-вторых, сословные и профессиональные суды, обладающие специальной юрисдикцией. В-третьих, третий судья, в роли которого может выступить специалист по фактической стороне и юридическим обстоятельствам. В-четвертых, частный эксперт, который может быть судьей не права и факта, а только факта и избирается гражданами вне процесса. В-пятых, особое жюри экспертов, решению которого должно подчиняться судебное установление. В-шестых, фигурирующее в процессе сведущее лицо, чьи показания служат предметом свободной оценки со стороны суда.

Большой заслугой И. А. Антропова является описание теоретических представлений о статусе эксперта, которые либо «сливают экспертов со свидетелями, либо возводят в ранг судебских помощников». Он заметил, что лишь один средневековый ученый развил самостоятельный взгляд на экспертизу – Durandus (XIII в.), увидевший двойственную природу экспертизы (средство доказательства и помочь судье).

И. А. Антропов писал, что первая серьезная, но так и не удавшаяся попытка дать конструкцию экспертизы была предпринята в 1801 году: Гоннер (Gonner) считал, что эксперты (сведущие люди) или занимаются оценкой таких фактов, которые судья из-за недостатка специальных сведений не в состоянии оценить (то есть принимают участие в том, что принадлежит к сфере судебской деятельности, так как их действие есть вывод о факте правового спора), или используются как «вооруженные глаза судьи» при личном осмотре объектов. Эксперт есть судья факта. Однако врач, удостоверивший на суде, что такая-то доза яда считается в науке смертельной, не может быть признан, по теории Гоннера, экспертом, поскольку он не дал никакого заключения, никакой оценки фактическим обстоятельствам дела, а лишь сообщил свое специальное знание.

Все другие обнаруженные И. А. Антроповым теории о сущности экспертизы исходят из положения, что экспертиза есть одно из средств доказательства. При этом в Средние века эксперт отождествлялся обычно со свидетелями. При другом подходе экспертиза рассматривалась как «личный осмотр объекта»: лучший способ удостовериться в истине – отправиться лично на спорную землю, собственными глазами осмотреть интересующий предмет. Эксперт является как бы инструментом в руках судьи, а экспертиза – увеличительным стеклом при личном осмотре судьи. Однако И. А. Антропов верно заметил, что данная теория однобока, так как экспертиза может быть проведена в отсутствие судьи и может обойтись без местного осмотра.

Наибольшее количество научных направлений «собрало» представление о том, что экспертиза – это особое самостоятельное средство доказательства, отличающееся прежде всего от показаний свидетеля. И здесь И. А. Антропов обнаружил следующие семь основных подходов:

1. В отличие от эксперта, свидетель сообщает о своих восприятиях, не делая никаких выводов и заключений. При доказательстве через свидетелей основание доказательственной силы лежит в допущении, что всякий, кто имеет здоровыми свои внешние чувства, в состоянии наблюдать факты. Если наблюдатель опирается на результат чувственных восприятий, то его показания заслуживают доверия. При этом должны отбрасываться свидетельства, базирующиеся лишь на вере и мнении свидетеля или на слухах. А при доказательстве через эксперта решающим является только его мнение. Однако свидетель, сообщая даже о простом факте, на самом деле сообщает суждение о факте, поэтому разница между ним и экспертом при таком подходе лишь количественная (эксперт сообщает более сложные суждения, а свидетель – простые).

2. Эксперт сообщает о настоящем, а свидетель – о прошлом: лицо, показывающее, что по фасаду дома находятся три окна, следует считать экспертом, пока дом стоит, а если дом сгорел – то свидетелем.

3. Эксперт сообщает о том, что он узнал во время процесса, а свидетель – о том, что он воспринял до процесса и вне процесса: тот, кто сообщает о своих допроцессуальных восприятиях, всегда является свидетелем. Однако, замечает И. А. Антропов, в уголовном процессе понятые, полицейские выступают свидетелями относительно сведений, полученных в ходе процесса.

4. Эксперт производит на суде наблюдение, проверку и подготовку мнения о материале, предоставленном ему судьей: для производства исследования требуется судебное поручение.

5. Судебное решение – продукт логических операций. Эти операции заключаются в подведении под норму права как под большую посылку фактов, установленных судом, в виде малой посылки. Факты устанавливаются через собственное непосредственное восприятие либо через сообщения посторонних очевидцев. Судье, кроме норм права, известна еще совершенно особая категория норм – нормы жизненные (правила жизни и опытные положения), которые он может получить двумя путями: вывести их сам посредством индукции или обратиться к специалистам.

Здесь И. А. Антропов обращает внимание на то, что Устав гражданского судопроизводства поместил нормы об экспертизе не под рубрикой «доказательства», а под особой рубрикой «о поверке доказательств»: поверка доказательств есть не что иное, как убеждение судьи в истинности или неистинности чего-либо – например, в подлинности платежной расписки. Но средство убеждения судьи в истинности чего-либо есть не что иное, как доказательство, поэтому экспертиза, будучи частным случаем такой поверки, тоже есть доказательство.

6. Эксперт дает суду необязательно лишь опытные, но и априорные положения, например, математики при инженерно-строительной или бухгалтерской экспертизе (эксперт сообщающий). Также эксперт может представить суду свое заключение о фактических обстоятельствах дела без ссылки на общие положения науки (эксперт судящий). Суд вправе поручить эксперту произвести самостоятельное исследование с целью установления нового факта. В этом случае суд получает от эксперта только показание о его личном восприятии (эксперт воспринимающий). Экспертиза проводится без суда, и только ее результат в письменной форме передается в канцелярию суда. Такой вид экспертизы прямо был предусмотрен французским законодательством. Российский закон допускал возможность производства экспертизы без суда в специальных кабинетах научно-судебной экспертизы.

7. Эксперт и свидетель отличаются основанием, по которому каждый из них обязан давать показания. Свидетель и эксперт имеют общую целевую функцию в процессе: оба выступают в качестве посторонних субъектов. Однако

свидетель имеет основанием специальное, индивидуальное отношение – отношение наличности восприятия. Основанием участия эксперта является генеральное отношение, то есть отношение, указывающее лишь на принадлежность к общему классу (способность, в силу обладания особыми сведениями в определенной области, к передаче нужных для дела результатов специальных знаний). Это генерально-рациональное отношение особых сведений и делает соответствующих лиц способными давать показания в названных направлениях. В связи с этим эксперты являются лицами заменимыми, замещаемыми. В порядке критики И. А. Антропов заметил, что эта теория основана на немецком процессуальном праве и не имеет общедогматического характера. В российском процессуальном праве имеется институт окольных людей (особый вид свидетелей), о которых явно нельзя сказать, что они «определенны индивидуально».

В качестве вывода И. А. Антропов заключил, что единого отличия между свидетелем и экспертом нет; что общая догма современного процесса под именем свидетелей объединяет обширную электическую группу.

Лица как средства доказательства выступают в процессе в образе или самих тяжущихся сторон, или же не заинтересованных в его исходе лиц. Вторая группа может быть поделена еще на две: 1) лица, индивидуально определенные до их введения в процесс естественным течением жизни (простые свидетели и сведущие свидетели); 2) лица, индивидуально не указанные, а избираемые судом (простые позванные свидетели и лица, которые обладают специальными сведениями).

Сведущие свидетели – лица, сообщающие о таких восприятиях фактов или состояний прошлого, которые удалось получить лишь благодаря их специальным знаниям или особому умению (например, врач, описывающий характер и течение болезни умершего, или инженер-механик, осматривавший погибший аэроплан перед его взлетом).

Простые позванные свидетели – лица, которые допрашиваются о полученных ими восприятиях при данном процессе: свидетели, участвовавшие при личном осмотре судьей; понятые, присутствовавшие при утверждении судьей списка окольных людей; судебный пристав или рассыльный, носивший тяжущимся какую-либо повестку.

Лица, обладающие специальными сведениями, распадаются на две разновидности в зависимости от того, призываются они судом ввиду обладания ими специальными сведениями или по иной причине. Если они фигурируют в деле не в связи с присущими им специальными знаниями, то условно их можно назвать позванными (сведущими) свидетелями.

Эксперт – это тот, кто, не будучи стороной в данном процессе и не являясь до своего введения в него индивидуально определенным лицом, ввиду обладания специальными сведениями или особым умением назначается судом играть роль средства доказательства. Эксперт – это прежде всего одно из личных средств доказательства, независимо от того, «доставляет» он общетеоретическое или частное суждение о факте; это индивидуально неопределенное лицо, из чего вытекает его заменимость. Отличие эксперта от сведущего свидетеля в том, что последний фигурирует в деле в связи с наличием у него специальных воспоминаний о восприятии фактов прошлого, которые он мог сделать только благодаря специальным знаниям. Сведущий свидетель является индивидуально определенным лицом, а эксперт нет.

Рассмотренная статья И. А. Антропова «К вопросу об общедогматической конструкции института экспертизы современного гражданского процесса», первая опубликованная им научная работа, была издана в сборнике 1917 года, посвященном памяти его учителя профессора А. В. Завадского.

Иван Александрович Антропов являлся профессором Пермского университета с 1 июля 1918 г. по 14 февраля 1920 г., вплоть до перевода его в Иркутский университет. При этом, в силу обстановки военного времени, он никогда не был в Перми. Должность профессора Пермского университета он сохранял, работая в этот период в правительстве А. В. Колчака. В этот «профессорский пермский период» возможности заниматься научной деятельностью у него, очевидно, не было. Лишь по немногочисленным опубликованным работам по гражданскому процессу и кооперативному праву мы можем судить о его научном таланте, раскрыться которому сначала не позволили революция и Гражданская война, впоследствии постоянное идеологическое давление и преследование за работу в «колчаковском правительстве» и в конце концов физическое уничтожение советской властью.

Список научных работ и публикаций
профессора И. А. Антропова

Антропов И. А. Отношение суда к закону в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената по договорам имущественного и личного найма. Казань, 1911. (Рукопись студенческого исследования, отмеченного золотой медалью).

Антропов И. А. Суд и закон о договорах имущественного и личного найма в классическом римском и современном германском и французском праве. Берлин, 1913–1914. (Рукопись магистерской диссертации на немецком языке, не найдена).

Антропов И. А. Sublocatio rei в классическом римском и в современном русском праве. Берлин, 1913–1914. (Рукопись, не найдена).

Антропов И. А. К вопросу об общедогматической конструкции института экспертизы современного гражданского процесса // Памяти Александра Владимировича Завадского: сб. ст. по гражд. и торг. праву и гражд. процессу. Казань: Юрид. о-во при Казан. ун-те, 1917. С. 182–224.

Антропов И. А. Лекции по русскому кооперативному праву: крат. пособие для слушателей. Казань: Казанский союз потреб. о-в, 1918. 99 с.

Антропов И. А. Юридическая природа и правовое положение кооперации по законодательству Временного правительства и по советскому праву (доклад). Обзор доклада опубликован: М. К. Кооперативное законодательство (доклад проф. Антропова) // Известия Иркутского губернского революционного комитета. 1920. 5 марта. С. 1.

Антропов И. А. Курс кооперативного права. Иркутск, 1920–1922. (Рукопись, подготовлена к печати, не найдена).

Антропов И. А. Октябрьская революция и право (отчет о докладе) // Власть труда. 1927. 10 дек. (начало); 11 дек. (окончание).

Антропов И. А. Октябрьская революция и право // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Правовое отделение. Иркутск: тип. изд. «Власть труда», 1929. Т. XVI, вып. 1. С. 5–36.

Антропов И. А. Основные даты (К истории секции научных работников) // Спутник научного работника. Иркутск: [Изд-во Иркутск. секции научных работников Рабпроса], 1928. 397 с.

Антропов И. А. Письмо в редакцию // На советской стройке: журнал Восточно-Сибирского крайисполкома Советов, Сибирского института советского строительства и Сибирского института советского права (Иркутск). 1932. № 4–5. С. 32–33.

Антропов И. А. Рецензия на главу IV Курса советского хозяйственного права под ред. Мих. Доценко. Т. 2. М.: Советское законодательство, 1935. (Рукопись, Свердловск, 1936–1937, не найдена).

Библиографический список

Антропов И. А. К вопросу об общедогматической конструкции института экспертизы современного гражданского процесса // Памяти Александра Владимировича Завадского: сб. ст. по гражд. и торг. праву и гражд. процессу. Казань: Юрид. о-во при Казан. ун-те, 1917. С. 182–224.

Антропов И. А. Лекции по русскому кооперативному праву: крат. пособие для слушателей. Казань: Казанский союз потреб. о-в, 1918.

Антропов И. А. Октябрьская революция и право (отчет о докладе) // Власть труда. 1927. 10 дек. (начало); 11 дек. (окончание).

Антропов И. А. Октябрьская революция и право // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Правовое отделение. Иркутск: тип. изд. «Власть труда», 1929. Т. XVI, вып. 1. С. 5–36.

Антропов И. А. Основные даты (К истории секции научных работников) // Спутник научного работника. Иркутск: [Изд-во Иркутск. секции научных работников Рабпроса], 1928.

Зипунникова Н. Н. Институтские будни: научная деятельность и профили подготовки специалистов (1931 г.) // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 191–204.

Зипунникова Н. Н. Институтские будни: учебная и учебно-методическая работа в 1931 г. // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 199–227.

Зипунникова Н. Н. Иркутский (Сибирский) институт советского права: нелегкое начало большого пути // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 192–220.

Зипунникова Н. Н. Истоки СЮИ – УРГЮА: как из университетского факультета вырастал институт // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 202–222.

Зипунникова Н. Н. О задаче «выковывания воинствующих советских юристов» и научно-исследовательской работе в Сибирском (Иркутском) институте советского права в 1932 г. // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 184–206.

Зипунникова Н. Н. Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 5. С. 151–176.

Зипунникова Н. Н. «Правильный путь вискании новых методов преподавания» и «фактически состав стабилен, летунов нет»: Сибирский (Иркутский) институт советского права в 1933 г. // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 174–209.

Зипунникова Н. Н. Совершенствование учебного процесса и учебно-методической работы в Сибирском (Иркутском) институте советского права в 1932 г. // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 187–216.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Учебно-методическая работа преподавателей в юридическом вузе (историко-правовой этюд о развитии факультета для подготовки юристов Иркутского государственного университета, 1918–1920-е гг.) // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 179–195. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_179.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Юридический факультет Иркутского государственного университета в 1918–1920 гг.: свидетельства учебной повседневности // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 178–188.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В., Елисова Н. С. От юридического факультета Иркутского университета к Сибирскому институту советского права: иркутские корни вузовской истории (посвящение 100-летию Уральского государственного юридического университета) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 8. С. 11–28. DOI: 10.25136/2409-868x.2018.8.26607.

Зипунникова Н. Н., Коптяев Н. О., Краснов Г. С., Перфильева Т. Д. Летопись СЮИ – УРГЮА: студенческий исследовательский проект // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 3. С. 23–49.

Иркутский государственный университет. 27.Х.1918–27.Х.1921: сб. ко дню трехлетия существования университета / ред. Г. Ю. Маннс, К. Н. Миротворцев. Иркутск: Гос. изд-во. Иркутское отд-ние, 1921.

Казарин В. Н. Становление и эволюция экономического образования в Иркутском государственном университете. 1918 – начало 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2021. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. С. 75–90.

Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3. С. 19–29.

Курилов В. И., Сонин В. В. Флагман юридического образования на Дальнем Востоке России // Правоведение. 1998. № 2. С. 3–10.

М. К. Кооперативное законодательство (доклад проф. Антропова) // Известия Иркутского губернского революционного комитета. 1920. 5 марта. С. 1.

Лякутина Ю. П. История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири: 1918–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009.

Насибуллин Р. А. «Буржуазного специалиста Кечекьяна надо использовать в преподавании при надлежащем идеологическом контроле коммунистов»: штрихи и факты к портрету профессора Степана Фёдоровича Кечекьяна (1890–1967 гг.) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. Вып. 9. С. 22–110.

Насибуллин Р. А. Профессор И. А. Антропов – «вражеский глашатай на научной кафедре»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 68–81. DOI: 10.25136/2409-868X. 2018.2.22836.

Насибуллин Р. А. «Решительным образом бороться за ликвидацию в кратчайший срок всех последствий контрреволюционных извращений на теоретическом правовом фронте...»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 1. С. 67–78. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.22790.

Насибуллин Р. А. «Рецидивы прошлой реакционной деятельности профессора Антропова налицо и не случайны. Политическое доверие оказано быть не может»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 4. С. 58–72.

Насибуллин Р. А. «Секретаря парткома Мартысевича за гнилой либерализм к троцкисту Гордееву с работы секретаря и члена парткома снять и объявить строгий выговор»: эпизоды из жизни доцента Иосифа Демьяновича Мартысевича (1905–1990 гг.) и Свердловского правового института в 30-е годы XX века // *Проблемы истории, общества, государства и права: сб. науч. ст. / гл. ред. А. С. Смыкалин*. Екатеринбург: Изд-во УРГЮА, 2020. Вып. 9. С. 111–244.

Петров-Немиров Л. Буржуазная идеология под прикрытием цитат Маркса и Ленина // На советской стройке: журнал Восточно-Сибирского крайисполкома Советов, Сибирского института советского строительства и Сибирского института советского права. 1932. № 2–3. С. 23–24.

Позан Ю. М., Мошкович Т. С. За кадры советских юристов (к 5-летию Свердловского правового института). Свердловск: Свердл. правовой ин-т, 1936 (тип. треста «Полиграфкнига»).

Свердловский юридический институт. 1931–1981: 50 лет / [В. В. Баженов, Н. Н. Ансимов, Л. Ф. Богер, В. В. Горланов; отв. ред. Д. Д. Остапенко]. М.: Юрид. лит., 1981.

Совет министров Российской правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. документов: в 2 т. / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016.

Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: кафедре гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева – 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2024.

Информация для цитирования

Ex jure

Кузнецова О. А., Любимова Е. В. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Иван Александрович Антропов // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 7–36. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-7-36

Kuznetsova O. A., Lubimova E. V. The First Twelve: Ivan A. Antropov, Professor at Perm University. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 7–36. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-7-36

УДК 34

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-37-42

О династиях, звездном небосклоне преподавателей и вечной любви к факультету

Л. В. Щенникова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Аннотация: автор, вспоминая студенческие годы, проведенные на юрфаке Пермского государственного университета, рассказывает о династии преподавателей, которая сложилась в ее семье. О творческой атмосфере, царившей во время учебы на факультете. О незабываемых эмоциях, радости и вере в свое профессиональное будущее его выпускников. Слова благодарности звучат в адрес преподавателей С. Г. Михайлова, В. А. Похмелкина, Е. А. Головановой и других.

Ключевые слова: воспоминания; династии; наука гражданского права; творчество; лекции; глубокие знания; добросовестные студенты

About Dynasties, the 'Starry Sky' of Lecturers
and Eternal Love for the Faculty

L. V. Shchennikova

Kuban State University
149, Stavropol'skaya st., Krasnodar, 350040, Russia

E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Abstract: the author, recalling her student years spent at the law faculty of PSU, talks about the dynasty of teachers that has formed in her family. It is talked about the creative atmosphere that prevailed in those years at the Faculty of Law. Words of gratitude are addressed to the teachers S. G. Mikhailov, V. A. Pokhmelkin, E. A. Golovanova. About unforgettable emotions, joy and faith in the professional future of graduates.

Keywords: memories; dynasties; the science of civil law; creativity; lectures; profound knowledge; conscientious students

Б годы моей юности в стране очень приветствовались династии шахтеров или, например, металлургов. Их чествовали, показывали по телевизору, просто гордились. Я же решила продолжить дело своих родителей и стать преподавателем юридического факультета. Да, необычно, совсем не модно и шло в разрез с политикой партии в то время. Не нравился этот выбор даже моей маме. Она говорила твердо: на юридический «через мой труп», только в медицинский – благородная профессия. Но я, хотя и была послушной дочерью, пошла все же по избранному пути, поступив на родной юридический в числе двадцати пяти других выпускников школ. Поступить на наш факультет было тогда чрезвычайно сложно, конкурс был самый высокий, но, окончив школу с отличием, я этот барьер преодолела достойно.

Факультет для меня был родным, поскольку попала на него я буквально с пеленок. Моя мама, Елена Михайловна Широкова, вынужденно вышла на работу, когда мне исполнилось всего несколько месяцев, и, как мне рассказывали очевидцы, в перерывах между кормлениями я проводила время в какой-то маленькой комнате. Вот так с молоком матери я впитала любовь и к работе, и к юридическому факультету Пермского университета.

На факультете преподавал, а какое-то время был еще и деканом факультета мой отчим, Иван Михайлович Кислицын. Приехал он на работу в Пермь после окончания МГУ имени Ломоносова. Учился в главном вузе страны он будучи героем, инвалидом Великой Отечественной. С одной левой рукой вернулся с фронта – и сразу учиться. Интересно, что распределение мой любимый Ван Мих, как я его называла, получил тоже на преподавательскую работу. Звезды моей жизни, как видно, сходились не случайно. Иван Михайлович Кислицын был для меня эталоном. Со своей одной левой рукой он умел и делал абсолютно все. В доме нашем была отличная библиотека. Я выросла в окружении книг и «деда» (так мы тоже его называли, когда у меня родилась дочка), сидящего за печатной машинкой. Именно он, преподаватель ПГУ, научил меня

дисциплине и привил волю к научному труду. Поэтому и сегодня я провожу отпуск на море если и не с грудой бумаг, то уж, конечно, с компьютером. А вот печатная машинка деда стоит в нотариальной конторе моей дочки, Анны Евгеньевны Клячиной, на самом почетном месте, в витрине, рядом с его научными трудами.

На факультете в годы моего студенчества царила необыкновенно творческая атмосфера. Мы ходили в библиотеки и засиживались за книгами часами. Уже на первом курсе каждый хотел проявить себя на занятиях с лучшей стороны: мы конкурировали, кто лучше и глубже раскроет поставленный в методичке вопрос. Сегодня мои одногруппники занимают солидные посты в государственных и коммерческих структурах, иные дослужились до генералов. А тогда, еще мальчишки, они на Восьмое марта сочинили мне стишкы: «Кто не знает нашей Лары – говорит она все “пары”! Хочется ей пожелать “автоматы” получать, но хоть немножечко молчать».

Да, времени тратили мы на учебу много, но и отдача была, как говорится, немаленькая. На втором курсе я стала лауреатом конкурса студентов всей страны по общественным наукам. Работа была написана по политической экономии и посвящена учению Карла Маркса о собственности. Писали мы этот труд вместе с Верой Адамовной Чугаевой. Как много терпения было у этой удивительной женщины! Терпения и таланта педагога! Мы сидели в ее крохотной квартире вечерами и говорили об отношениях собственности. Трудов разных авторов было изучено огромное количество. Но и результат оказался достойный – звание лауреата науки в категории общественных наук. Нас собирали в Москве, чествовали, подарили именные часы, красивые книги о столице. А через полгода пригласили вновь, уже на итоговую конференцию стран социалистического содружества. Здесь были студенты из многих стран. И все мы выступали с докладами. Я говорила, конечно же, о собственности и была удивлена тем вниманием, с которым меня слушали ровесники из таких разных стран мира. И тогда я очень гордилась и собой, и страной, и, конечно же, университетом, в котором училась.

Как часто успех в молодости завершается застоем и грустным концом, но только не в Пермском государственном университете. Преподаватели активно искали учеников, убеждали их в важности выбора того или иного пути в профессии. В этом отношении повезло и мне, поскольку меня выбрал Сергей Георгиевич Михайлов. Он был заведующим кафедрой гражданского права и процесса и, хотя на нашем курсе лекций по гражданскому праву не читал,

активно занимался развитием студенческой науки. Да, мы много разговаривали – о жизни, о перспективах его любимой науки. И я, дочка конституционалистов (мои родители занимались правом государственным), стала проникаться все большим вниманием, а потом и настоящей любовью к праву гражданскому. Так начинался новый этап моей жизни, который продолжается до сих пор. Как много внимания, терпения и сил вложил в меня Сергей Георгиевич! Труд преподавателя невозможно переоценить. Мы вместе возвращались домой из университета, поскольку жили неподалеку, и говорили о ней, науке гражданского права.

Я стала ездить на научные конференции, выступать с докладами, окончательно утвердившись в правильности своего выбора. Именно благодаря желанию работать, которое у меня проснулось в те далекие студенческие годы, я с удовольствием писала и защищала свои диссертации. И они были по гражданскому праву, которому я не изменяла никогда.

При этом формировали нас, тогдаших студентов, буквально все преподаватели, работавшие на факультете. Это была команда профессионалов, с удовольствием выполнявшая свои трудовые функции. Да, работали наши учителя не по обязанности, а с каким-то особым артистическим чувством. До сих пор в глазах образ Евгении Александровны Головановой, преподававшей нам трудовое право. Она брала микрофон, окидывала нас своим внимательным взглядом – и начинался авторский концерт. Это было не просто интересно, мы наслаждались трудовым правом! Сколько примеров из судебной практики нам запомнилось именно потому, что те представляли собой мини-спектакли. Сама Евгения Александровна являлась автором многих научных работ, разрабатывала практикумы. И еще она была... просто яркой, всегда хорошо одетой женщиной.

И эту высокую планку брали практически все, кто тогда работал на юридическом.

Нельзя не вспомнить Валерия Андреевича Похмелкина. Он читал лекции по уголовному процессу. Красивый, интеллигентный, подтянутый, он завораживал своим обаянием. В него невозможно было не влюбиться! Его обожали все поколения студентов-юристов! Помню, с каким восхищением говорила о нем моя дочка, когда слушала его лекции, и как она плакала, когда узнала, что Валерий Андреевич умер.

Административному праву нас учил Демьян Николаевич Бахрах. Он не был так ярок, как Похмелкин, но свой предмет доносил очень понятным и

доступным языком. Он всегда читал лекции с улыбкой и сумел выстроить собственную систему изложения курса. Мы ухватили эту систему, поэтому могли с уверенностью сказать, что административное право знаем хорошо. Мой одногруппник женился на дочери Демьяна Николаевича, потом все они уехали жить в Свердловск, ныне Екатеринбург. Уже будучи аспиранткой МГУ и встречая Демьяна Николаевича в Москве, я всегда радовалась возможности пообщаться с этим человеком.

Лекции по теории государства и права читал нам Александр Семенович Бондарев. Вот тут форма и содержание не совпали, поэтому свои глубокие знания он не сумел передать нам, своим добросовестным студентам. А ведь лекции мы тогда не пропускали, от слова «совсем». Сидели на своих ставших уже привычными местах. Трудно вообразить, сколько реально часов я просидела рядом со своей соседкой по парте Мариной Родионовой. Обе отличницы со школьной скамьи, мы не представляли себе, как можно прогулять лекцию, причем независимо от того, нравился нам преподаватель или нет. Интересно, что замуж мы с Мариной вышли почти одновременно за своих одногруппников на последнем курсе. И, замечу, в свадебное путешествие не поехали по очень простой причине – не могли пропустить «пары». Поэтому Александр Семенович, хотя и не «корел» в лекторском мастерстве, был нами добросовестно записан. И эти лекции нам очень даже пригодились. А потому я всегда говорю уже своим ученикам: только добросовестный студенческий труд может принести свои плоды в будущем.

Помню, вызвали меня неожиданно в деканат. Декан, Андрей Васильевич Рыбин, с присущей ему хитроватой улыбкой обратился ко мне: «А вот мы тут решили выдвинуть вашу кандидатуру на стипендию имени Ленина. Вы же у нас круглая отличница». Неожиданно для себя самой я отказалась: «Нет, не хочу. А вдруг я четверку получу – и что тогда? Позор!» Но стипендию мне утвердили, и я получила свои первые сто рублей. Инженер в то время получал зарплату сто двадцать рублей, а студенту за отличную учебу государство выплачивало сто. Конечно, для меня это были большие деньги, которые я положила в красивый кошелек и... благополучно забыла его в 74-й аудитории. Так я поделилась своими большими деньгами с ровесниками. Кошелек мне вернули и «по справедливости» оставили в нем пять рублей. Я была счастлива, что с кошельком вернулись мои документы, включая удостоверение депутата районного Совета народных депутатов. Да, именно в студенческие годы меня избрали в этот важный государственный орган, в котором мне нашлась

ответственная работа секретаря комиссии по законности и охране общественного порядка. Там я, будучи студенткой, проверяла работу (например, с жалобами) руководителей крупных предприятий нашего района. И что важно, к студенчеству у них было очень уважительное отношение. Так мы укрепляли авторитет родного юридического факультета.

Но при всей нашей учебной и общественной активности мы были просто юношами и девушками. Страдали, влюблялись, просто радовались студенческой жизни! Это были незабываемые эмоции, которые нередко выливаются в стихи. Да, те стихи, которые писали мне ребята в то далекое время, я и сегодня помню наизусть... Представьте нашу аудиторию амфитеатром. С одной стороны, так сложилось, сидели мы, «зеленые» выпускники школ, с другой – уже солидные ребята, прошедшие армию и рабфак. Смотрели мы тогда друг на друга с интересом. И вот однажды в перерыве я получаю записку со стишком:

Легло пространство между нами в пределах двадцати шагов,
Но импульс, посланный глазами твоими, я поймаю вновь.
Поймаю, как вратарь в паденье, парирует штрафной удар, –
Твои глаза мне вдохновение дают и отнимают речи дар.
А денег функции (вот скука!) потом придется изучать.
Конечно, нужная наука, но мне важней твой взгляд поймать.

Это было время успехов, радости, восторгов и огромной веры в свое профессиональное будущее и человеческое счастье. И все это сполна дал нам юридический факультет Пермского государственного университета!

Информация для цитирования

Щенникова Л. В. О династиях, звездном небосклоне преподавателей и вечной любви к факультету // Ex jure. 2025. № 1. С. 37–42. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-37-42

Shchennikova L. V. About Dynasties, the ‘Starry Sky’ of Lecturers and Eternal Love for the Faculty. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 37–42. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-37-42

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.13

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-43-56

Диптих. Часть 1. Толкование права: способ предотвращения или причина коллизий?

Д. С. Милинчук

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права

Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

Заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Институт современного образования
и информационных технологий
109439, Россия, г. Москва, Волгоградский пр-т, 138, корп. 3

E-mail: dmilinchuk@hotmail.com

Аннотация: цель исследования – определить, какова роль толкования для последующего правоприменения и является ли оно исключительно средством предотвращения юридических коллизий. В работе представлено авторское осмысление сущности юридической коллизии. Критике подвергается классический подход к пониманию юридической коллизии, в рамках которого она связывается исключительно с противоречием норм права. Эмпирическую базу составляет судебная практика: с опорой на нее показано, что толкование правовых норм судьями не всегда помогает устраниить существующую коллизию, а, напротив, может ее порождать. Научная новизна работы заключается в исследовании толкования права как причины юридической

© Милинчук Д. С., 2025

коллизии. В результате анализа судебной практики выявлено, что отсутствие в российском законодательстве положения, определяющего судебное решение в качестве формы права, порождает проблемы, связанные с невозможностью создания унифицированной правоприменительной практики из-за различий в толковании права. С одной стороны, правоприменительная практика, в которой судьи не связаны решениями друг друга, дает возможность личного толкования и принятия более справедливого решения; с другой стороны, неоднозначность решений по сходным делам способна привести к невозможности установить смысл правовой нормы.

Ключевые слова: толкование права; юридическая коллизия; коллизионная норма; судебный прецедент; форма права; источник права; юридический конфликт

Diptych. Part 1. Interpretation of Law: A Method of Preventing or a Cause of Conflicts?

D. S. Milinchuk

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
153/2, bld. 1, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia

Institute of Modern Education and Information Technology
138, bld. 3, Volgogradskij prospekt, Moscow, 109439, Russia

E-mail: dmilinchuk@hotmail.com

Abstract: the purpose of the study is to determine the role of interpretation for subsequent law enforcement and whether it is exclusively a means of preventing legal conflicts. The paper presents the author's understanding of the essence of a legal conflict. The classical approach to understanding a legal conflict is criticized, within the framework of which researchers associate it exclusively with the contradiction of legal norms. The empirical basis is judicial practice, with the help of which it is shown that the interpretation of legal norms by judges does not always help to eliminate the existing conflict, but can give rise to them. The scientific novelty of the work lies in the study of the interpretation of law as a cause of legal conflict. As a result of the analysis of judicial practice, it was revealed that the absence in Russian legislation of a provision defining a court decision as a form of law gives rise to problems associated with the impossibility of creating a unified law enforcement practice caused by differences in the interpretation of law.

Law enforcement practice, in which judges are not bound by each other's decisions, on the one hand, provides an opportunity for personal interpretation and making a fairer decision, on the other hand, the ambiguity of decisions on similar cases can lead to the impossibility of establishing the meaning of the legal norm.

Keywords: interpretation of law; legal collision; conflict of laws rule; judicial precedent; form of law; source of law; legal conflict

Толкование права в том или ином виде неразрывно связано с правоприменением. Любая форма реализации права осуществляется через субъективное толкование предписаний самими участниками правоотношений. Безусловно, не каждым способом и видом толкования можно выяснить истинный смысл норм права. Обыденное толкование и профессиональное могут совпадать или не совпадать. Однако степень достоверности результатов такого толкования различна.

Помимо того что толкование служит главным средством уяснения буквы закона, определяя при этом ее соответствие духу закона, оно призвано стать смысловой константой нормы права, унифицирующей ее понимание и исключающей последующие разнотечения предписаний. Однако далеко не всегда результатом толкования является формулирование позиции, определяющей дальнейшее единообразное применение норм права. Случается, что толкование само становится причиной разнотолков и юридических коллизий. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы необходимо решить следующие задачи: уяснить понятие юридической коллизии; определить, какие виды толкования права могут оказывать влияние на юридические коллизии и каким образом; проанализировать судебную практику.

Юридическая коллизия: понятие и сущность

Современное право развивается в пространстве, в котором беспрестанно появляются новые возможности, усложняющие правовые системы. Например, динамика гражданско-правовых и брачно-семейных отношений обуславливает активное участие трансграничных элементов в соответствующих отраслевых правоотношениях. Изменения в банковском, финансовом, налоговом праве напрямую связаны с политической и экономической обстановкой в стране. А перемены в общественных отношениях, вызванные созданием искусственного интеллекта и цифровизацией общества, находят отражение буквально во всех отраслях права, включая трудовое, информационное, избирательное.

Все эти изменения общественной жизни, политической и экономической ситуации в стране и правового пространства порождают новые разновидности правовых противоречий, традиционно называемых юридическими коллизиями. На протяжении двух десятилетий сложился консервативный подход к пониманию юридической коллизии, которую в науке чаще всего определяют как складывающееся противоречие между несколькими нормами права, регулирующими одно и то же общественное отношение. Такой подход поддерживается многими современными исследователями¹. Однако данная точка зрения видится нам слишком узкой и обусловлена, вероятно, позитивистским правопониманием. Представляется, что сущность юридических коллизий не сводится лишь к противоречию норм права, что на самом деле это более сложная философско-юридическая материя, основанная на иных количественных и качественных показателях.

В частности, совершенно другая модель юридической коллизии предстанет перед нами, если мы посмотрим на это правовое явление с позиции социологической юриспруденции. Деление права на «живое», которое рассматривается не как продукт воли законодательных органов, а как совокупность норм, сформулированных в обществе с учетом его потребностей и интересов, и «мертвое», то есть искусственное, исходящее от государства и им санкционированное, исключает концепцию определения юридической коллизии только через призму противоречия правовых норм². Разработанная Р. Иерингом и поддержанная иными представителями социологической школы концепция представления права как защищенного государством интереса³, безусловно, кладет отпечаток на все правовые явления.

Таким образом, в рамках правопонимания социологической юриспруденции юридическая коллизия должна представлять собой противоречие интересов. Возможно ли брать такой критерий в качестве определяющего

¹ См., например: Арзуманян А. Э. Конкуренция норм российского права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8–9; Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2009. С. 68; Борискова И. В. Юридические коллизии // Территория науки. 2014. № 3. С. 91; Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225.

² См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гречцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. С. 623–630.

³ См.: Иеринг Р. Интересъ и право. Ярославль: Тип. губ. зем. управы, 1880. С. XIII; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. М.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 36, 227; Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступ. ст., коммент. Ю. И. Гречцова. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 40–41.

сущность юридической коллизии? И если да, как будет выглядеть такая юридическая коллизия на практике? Существуют ли подобные примеры в современном праве? Примеры существуют!

Наиболее ярко это может быть проиллюстрировано в ситуации столкновения публичных и частных интересов. Достаточно вспомнить события, происходившие в г. Сочи в преддверии Олимпиады. Воспользовавшись предусмотренным пунктом 3 статьи 55 Конституции РФ⁴ правом ограничения прав и свобод человека и гражданина, органы государственной власти издали Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который узаконил право государства на изъятие земель у частных лиц в целях размещения на них олимпийских объектов (п. 15 ст. 15). При этом данный пример понимается именно как разновидность юридической коллизии, а не как правовой конфликт.

Профессор В. Н. Кудрявцев определил юридический конфликт как «любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия»⁵. Иными словами, юридический конфликт представляет собой разногласие сторон по поводу права. Таковым, в частности, является спор сторон относительно причиненного имущественного ущерба: он основан не на противоречии норм права, а на взаимодействии сторон, имеющих разные социально-правовые притязания. Понятие правового конфликта шире понятия юридической коллизии.

Юридическая коллизия также может служить причиной правового конфликта. В. В. Денисенко отмечает, что «неразрешенная коллизия правовых актов может зачастую привести к конфликтной ситуации»⁶. Профессор

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

⁵ Юридический конфликт: сферы и механизмы / под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Изд-во РАН, 1994. С. 7.

⁶ Денисенко В. В. Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект): моногр. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 29.

Ю. А. Тихомиров определяет юридический конфликт как наиболее острую форму юридической коллизии⁷.

Таким образом, правовой конфликт отличается наличием взаимодействия между субъектами правоотношения по поводу своих притязаний, а коллизия – это противоречие норм права, правопорядков, правопониманий, законных интересов и т.п. При этом не каждая юридическая коллизия неизбежно приводит к юридическому конфликту, однако потенциально любая коллизия может стать причиной юридического конфликта.

Новой разновидностью юридических коллизий являются хай-тек коллизии, представляющие собой правовые противоречия, которые возникают в результате использования в различных производственных процессах инновационных ИТ-технологий и ЭВМ. Как в международном частном праве юридические коллизии обусловлены наличием какого-либо иностранного элемента в общественном отношении, так и хай-тек коллизия возникает в силу наличия ИТ-технологий. Иллюстрацией может служить бронирование мест или билетов через информационные системы.

Информационные технологии позволяют делать бронь гостиничных номеров, не выходя из дома и не обращаясь к посредникам. На сегодняшний день существует ряд популярных информационных систем бронирования отелей в сети Интернет, которые выполняют функции посредника между арендодателем и арендатором. Однако вследствие технического несовершенства или сбоя в работе информационной системы бронирование одного и того же номера может быть осуществлено дважды разными субъектами. При этом и действия арендодателя, и действия нескольких арендаторов, забронировавших один и тот же номер, будут добросовестными. В подобной ситуации, с одной стороны, у арендаторов возникают права на защиту своих интересов в соответствии с Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»; с другой стороны, арендодатель может защищать свои права, ссылаясь на невозможность исполнения обязательств по причине возникших форс-мажорных обстоятельств. Таким образом, «ошибка» информационной системы создает ситуацию, в которой одни и те же обстоятельства будут квалифицироваться по-разному.

Аналогичный пример – услуга приобретения железнодорожных билетов в женские/мужские купе. Практика показывает, что применяемая для исполнения указанной услуги информационная система тоже допускает ошибки,

⁷ Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. С. 14.

в результате чего в купе, предназначенных только для мужчин или женщин, попадают пассажиры обоих полов. Очевидно, что такое «соседство» может оказаться совершенно неприемлемым по внутренним убеждениям, а возможности взять другие билеты или поменять транспортное средство, чтобы успеть в пункт назначения в срок, может не быть по многим объективным причинам. Подобные примеры также связаны с проблемой выбора нормы права, поскольку возникает ситуация, в которой есть основания для применения нескольких норм одновременно. А потому необходимо выработать механизм разрешения таких коллизий, а не игнорировать их, исключая из понятия юридических коллизий.

Таким образом, сущностью юридической коллизии является противоречие как самих норм права, так и отдельных элементов правовой системы, включая субъективные интересы, правопорядки, разные судебные решения по одинаковым фабулам и т.п.

Толкование права: значение для предотвращения юридических коллизий

Исследование вопросов толкования права является весьма важным, особенно для правоприменителей. В науке не существует монистического подхода к определению понятия «толкование». Профессор А. Ф. Черданцев указывает, что «термин “толкование” многозначен и сам требует разъяснения»⁸. В настоящем исследовании под толкованием права мы понимаем «изложенное в письменной форме научное мнение, имеющее решающее влияние при принятии решения по какому-то вопросу»⁹, а под коллизионным толкованием – совокупность правил и принципов коллизий, установленных в актах толкования¹⁰.

Толкование права, с одной стороны, используется непосредственно для разрешения юридических коллизий; с другой стороны, оно может, заранее разъясняя смысл нормы права, способствовать предотвращению коллизий и даже унифицировать правоприменительную практику. Мы не будем останавливаться на исследовании роли толкования права для разрешения противоречий в праве, оставив это для следующего раза; нами будет рассмотрен вопрос

⁸ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 56.

⁹ Bellet P. Rapport de synthèse // Travaux Assoc. H. Capitant. T. XXXI. Paris, 1980. Р. 11.

¹⁰ См.: Чуличкова Е. А. Коллизионное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 5. С. 49.

о том, какова превентивная функция толкования права и всегда ли оно оказывает позитивное влияние и способствует бесколлизионности права.

Толкование права связано с интерпретацией нормы права, а также с соотношением духа и буквы закона в процессе этой интерпретации. Ведь диссонанс между ними отрицательно сказывается на восприятии права в качестве надежного регулятора общественных отношений, а кроме того, подрывает авторитет законодательной, исполнительной и судебной власти в социуме.

Результатом толкования права должно быть уяснение смысла правовой нормы и дальнейшее ее единообразное применение различными субъектами права. Главная задача толкования – достижение единообразного правоприменения в рамках определенной правовой системы с целью одинаковой реализации правовых норм всеми субъектами права. Ведь единообразное применение правовых норм способствует бесколлизионности права.

Необходимость единообразного применения права получила и законодательное закрепление. Так, в статье 308.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹¹ закреплено, что подлежат отмене или изменению судебные постановления, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиумом Верховного Суда Российской Федерации будет установлено, что обжалуемое постановление нарушает единообразие в применении или толковании судами норм права. В подпункте д пункта 8 Резолюции 2205 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1966 г. указывается на необходимость толкования права с целью содействия прогрессивной унификации права и единообразного применения международных конвенций и законов. Особое место в системе способов и видов толкования с целью устранения юридических коллизий отводится толкованию, предложенному Конституционным Судом РФ. Так, например, Д. А. Басангов отмечает, что на осмысление отдельных правовых коллизий значительное влияние оказывает такая форма доктринального толкования, как отдельное мнение судей Конституционного Суда¹².

Подчеркнем, что субъектом толкования в данном случае является именно судья. При разрешении юридических коллизий значение имеет окончательная позиция судьи, выраженная в судебном акте. Причем под судьей

¹¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (ред. от 08.08.2024).

¹² См.: *Басангов Д. А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 150–176.*

мы понимаем исключительно соответствующий статус в процессе, а не профессиональную принадлежность участников спора.

Один из сложных вопросов – определение места судебного толкования в системе источников права¹³. С одной стороны, толкование является разновидностью доктрины, которая, безусловно, важна, особенно в правотворческой деятельности. Прогностическая функция, сравнительно-правовой анализ, эмпирические данные, полученные в рамках научного познания, имеют большое значение, поскольку выступают хорошей базой для любого закона. Вместе с тем непосредственно в правоприменительной деятельности доктрина в Российской Федерации, по общему правилу, не может быть применима, поскольку не является источником права. Однако же доктринальное толкование, созданное судебными органами, имеет особый статус, поскольку может быть использовано для преодоления и предотвращения коллизий.

С другой стороны, любой судебный акт вышестоящих судов, в том числе постановления Президиума Верховного Суда РФ и определения Конституционного Суда РФ, формируется в рамках решения конкретного спора. Теоретически российская юридическая доктрина не признаёт судебный прецедент в качестве источника (формы) права, фактически же практика вышестоящих судов активно учитывается нижестоящими судами. В частности, в материалах дел А41-38716/11, А41-16127/12 содержатся неоднократные ссылки на Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № ВАС-6536/10 и Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июня 2009 г. № 525/09, принятые по делам А49-3937/2009 и А31-333/2008-8 соответственно. Стало быть, формирование судебной практики на основе ранее принятого судебного акта отвечает признакам судебного прецедента.

В ряде зарубежных стран с развитой демократией толкование права разносторонне используется на разных стадиях правоприменения. Так, например, в статье 1156 Французского гражданского кодекса указано, что «при рассмотрении соглашений нужно исследовать в первую очередь, каково было обоюдное намерение договаривающихся сторон, а не останавливаться на буквальном смысле выражений»¹⁴.

¹³ См., например: Иерархия источников права России: анализ законодательства и доктрины через сравнительно-правовую призму болгарского права / А. В. Васильев, С. Грайсман, Я. Стоилов, Ю. В. Печатнова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 3 (61). С. 390–402.

¹⁴ Наполеон Б. Гражданский кодекс / [пер. с фр. И. С. Перетерского]. М.: Эксмо, 2013. С. 266.

Для того чтобы уяснить смысл нормы права, могут применяться различные методы толкования: языковые (грамматический, лексический, семантический анализ), логический, исторический, систематический и т.д. Помимо толкования нормативных правовых актов, для установления стабильности необходимо и одинаковое толкование индивидуально-правовых актов, поскольку именно они чаще всего направлены на регулирование общественных отношений между субъектами с учетом их индивидуальных особенностей. В частности, М. В. Захарова в своей монографии отмечает, что «в контексте раскрытия проблемы толкования права не следует... забывать и об интерпретации индивидуальных правовых актов, место которой находится в рамках как публичного, так и частного права»¹⁵. Отчетливое понимание того, что два правонарушения с одинаковым составом и набором отягчающих и смягчающих обстоятельств будут истолкованы аналогично друг другу, дает уверенность в стабильности права и правоприменения. В той же работе М. В. Захарова указывает на различные принципы при интерпретации норм права и индивидуальных правовых актов публичного и частного права, однако при этом подчеркивает, что в целом концепция толкования права ориентирована на гражданское право, хотя «в настоящее время подвергается нюансировке и адаптируется к требованиям различных отраслей права»¹⁶.

Таким образом, вне зависимости от того, к какой из форм права будет отнесено толкование, его целью является создание единообразного правоприменения в рамках национальной правовой системы и способствование одинаковой реализации правовых норм всеми субъектами права.

Судебная практика: возможности для предотвращения и разрешения юридических коллизий

Конституционный Суд Российской Федерации – это орган, который осуществляет официальное толкование. В соответствии со статьей 106 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» «толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных

¹⁵ Захарова М. В. Французская правовая система: теоретический анализ: моногр. М.: Проспект, 2014. С. 138.

¹⁶ Там же. С. 138–140.

и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Очевидно, что с помощью судебного толкования возможно разрешить сложившуюся коллизию в регулировании общественных отношений и тем самым даже предотвратить в будущем аналогичные противоречия. Однако всегда ли такое толкование является благом? Мы уже отметили, что коллизия представляет собой не только столкновение между двумя и более нормами права, регулирующими одно и то же общественное отношение. Существуют и другие виды коллизий, выражющиеся в противоречии иных правовых явлений. Так, в основе юридической коллизии могут быть и отраженные в судебных актах разные мнения судей по одинаковым юридическим составам.

Р. Давид отмечал, что «издание закона или регламента – дело властей. Однако практическое значение закона зависит от способа его применения. Применение же закона предполагает и определенный метод толкования... <...> В конечном счете все зависит от психологии того или иного судьи и позиции той школы, которую он сознательно или интуитивно поддерживает. <...> Во всех странах романо-германской правовой семьи практика в конечном счете следует средним путем, который носит эмпирический характер, и изменяется в зависимости от судей, эпохи и отрасли права»¹⁷. Поскольку оценочное и концептуальное восприятие одних и тех же явлений, фактов, сущности общественных отношений и правоотношений разными судьями может отличаться, то и содержание судебных актов по аналогичным делам может не совпадать. А если учесть, что в нашей стране судьи не связаны решениями друг друга, то результатом может стать ситуация, когда по-разному истолкованные нормы права будут подлежать различному применению на практике.

Таким образом, в зависимости от ситуации толкование выступает и как способ преодоления коллизий, и как их причина. Определить толкование однозначно как первое или второе невозможно.

Примером разных выводов суда по аналогичным делам могут служить материалы по делам № А41-20614/12 и А41-24312/12. При наличии одинаковых документов, которые подтверждали позицию заявителя о нарушении проведения процедуры проверки, судьи вынесли разные решения: решением Арбитражного суда Московской области от 21 декабря 2012 г. по делу № А41-

¹⁷Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 98, 104.

20614/12 заявителю было отказано в удовлетворении требований без ссылки в судебном акте на доказательственную базу, в то время как решением Арбитражного суда Московской области от 6 декабря 2012 г. по делу А41-24312/12 требования были удовлетворены, постановление об административном наказании признано незаконным и отменено. Другим примером интерпретационных коллизий является спор о предоставлении коммунальных услуг в результате сложившихся отношений. Так, решением Арбитражного суда г. Москвы от 24 декабря 2020 г. по делу № А40-140563/20-14-1052 иск был удовлетворен и требования признаны обоснованными и законными. Однако решением Арбитражного суда г. Москвы от 2 сентября 2020 г. по делу № А40-83338/20-31-626 суд принял доводы ответчика об отсутствии сложившихся отношений с истцом и в иске отказал.

Иногда сами же судебные акты своим содержанием создают коллизию и вступают в противоречие с нормой закона. Иллюстрацией этого тезиса может послужить уже ставшее классическим учебным примером Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”, статей 10 и 11 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей». В результате неверного толкования указанных законодательных актов, а также Трудового кодекса Российской Федерации и на основании положения, что военная служба является непрерывной, гражданину К. А. Маркину было отказано в законном праве по уходу за ребенком.

Несмотря на неодинаковые решения по одинаковым фабулам и возможные противоречия между законом и правоприменением, складывающиеся в ходе судебной деятельности, очевидно, что толкование приводит также и к единообразному применению норм права субъектами, предотвращая возможные коллизии в будущем. Так, Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного закона) Курской области выступило средством устранения коллизии между положениями Конституции РФ и Европейской хартии местного самоуправления. А в дальнейшем выводы этого постановления были использованы для предотвращения коллизий.

Заключение

Исследовав роль толкования в системе юридических коллизий, не-трудно заметить, насколько сложен этот институт. Результаты толкования призваны создавать позитивный эффект, формировать и поддерживать бесколлизионность права. Однако далеко не всегда толкование играет позитивную роль. Отсутствие обязательной связи с ранее принятymi судебными актами, свобода интерпретации и возможность руководствоваться внутренними правовыми убеждениями формируют условия, в которых судья может принимать решение, отличное от сложившейся практики, тем самым создавая новые коллизии. В итоге право становится все сложнее, запутаннее, неопределеннее.

Под эту объективную реальность необходимо подстраиваться и принять следующее: до тех пор пока судебный прецедент не будет закреплен в качестве официального источника права, преодолеть эту ситуацию будет невозможно. Фактически складывающиеся в обществе отношения демонстрируют, что субъекты часто используют судебные акты в качестве основы своих взаимоотношений. Ссылки на судебные решения в исковых заявлениях, отзывах, уточнениях к ним свидетельствуют о том, что и сами судьи нередко следуют негласному правилу применения судебного прецедента. Таким образом, мы снова сталкиваемся с противоречием, когда по закону прецедент не является источником права, а по факту – активно используется. И поскольку в рамках общественного, научного и профессионального правопонимания все чаще высказывается позиция о закреплении статуса судебного прецедента как источника права, на наш взгляд, назрела необходимость для законодателя если уж не закрепить этот статус, то как минимум выразить свое мнение относительно данного вопроса.

Библиографический список

Арзуманян А. Э. Конкуренция норм российского права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

Басангов Д. А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2009.

Борискова И. В. Юридические коллизии // Территория науки. 2014. № 3. С. 91–93.

Давид Р., Жоффре-Синози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2009.

Денисенко В. В. Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект): моногр. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.

Захарова М. В. Французская правовая система: теоретический анализ: моногр. М.: Проспект, 2014.

Иерархия источников права России: анализ законодательства и доктрины через сравнительно-правовую призму болгарского права / А. В. Васильев, С. Грайсман, Я. Стоилов, Ю. В. Печатнова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 3 (61). С. 390–402. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-390-402.

Иеринг Р. Интересь и право. Ярославль: Тип. губ. зем. управы, 1880.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. М.: Юрид. центр Пресс, 2003.

Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225–244.

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступ. ст., коммент. Ю. И. Гревцова. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

Наполеон Б. Гражданский кодекс / [пер. с фр. И. С. Перетерского]. М.: Эксмо, 2013.

Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994.

Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2003.

Чуличкова Е. А. Коллизионное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 5. С. 48–53.

Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.

Юридический конфликт: сферы и механизмы / О. Л. Дубовик, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев С.В. [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Изд-во РАН, 1994.

Bellot P. Rapport de synthèse // Travaux Assoc. H. Capitant, T. XXXI. Paris, 1980.

Информация для цитирования

Милинчук Д. С. Диptych. Часть 1. Толкование права: способ предотвращения или причина коллизий? // Ex jure. 2025. № 1. С. 43–56. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-43-56

Milinchuk D. S. Diptych. Part 1. Interpretation of Law: A Method of Preventing or a Cause of Conflicts? Ex jure. 2025. № 1. Pp. 43–56. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-43-56

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-57-71

Особенности регулирования и практики строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Республике Беларусь

С. В. Василькова

Кандидат юридических наук, декан юридического факультета

Директор НОЦ сравнительного правоведения
и стратегических инициатив развития национального
топливно-энергетического комплекса

Санкт-Петербургский
государственный экономический университет
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова,
30–32 литер А

E-mail: vasilkova973@mail.ru

Аннотация: в статье отмечается, что развитие энергетических отношений в целом и отношений в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов в частности влияет на саму систему белорусского права. При этом важным трендом является совершенствование законодательной базы создания и эксплуатации энергетических объектов для генерации на основе возобновляемых источников энергии. С учетом особой роли стратегического партнерства Российской Федерации и Республики Беларусь автором сделан ряд выводов и предложений,

© Василькова С. В., 2025

а именно: 1) разработать и развивать новую союзную программу, предусматривающую такое магистральное направление, как гармонизация правовых подходов и всестороннее развитие сотрудничества в сфере проектирования, строительства, модернизации, а также обеспечения эксплуатации энергетических объектов; 2) в совместно подготавливаемых документах предусматривать развернутые положения, способствующие укреплению сотрудничества в названной сфере и обеспечивающие механизмы противодействия санкционному давлению и недружественным действиям третьих стран, направленным на затруднение совместной деятельности российских и белорусских компаний; 3) в условиях возникающих сегодня вызовов и угроз принципиально важно всесторонне развивать сотрудничество по вопросам совместной выработки и внедрения наиболее эффективных механизмов и технологий обеспечения безопасности энергетических объектов, и прежде всего объектов атомной энергетики, уже на этапах их проектирования и строительства.

Ключевые слова: энергетические объекты; строительство энергетических объектов; энергетические объекты Российской Федерации за рубежом; Республика Беларусь; законодательство Республики Беларусь о строительстве; энергетика Республики Беларусь; строительство атомных электростанций в Республике Беларусь; российско-белорусское сотрудничество в энергетике

Peculiarities of the Regulation and Practice of Construction of Energy Facilities by Foreign Companies in the Republic of Belarus

S. V. Vasilkova

Saint-Petersburg State Economic University
30–32 A, Griboedov Canal emb., Saint Petersburg, 191023, Russia

E-mail: vasilkova973@mail.ru

Abstract: the article notes that the development of energy relations in general and relations in the field of design, construction, modernization and maintenance of energy facilities, in particular, affects the very system of Belarusian law. It is emphasized that an important trend is the improvement of the legislative framework for the creation and operation of energy facilities for RES-based

generation. Taking into account the special role of strategic partnership between the Russian Federation and the Republic of Belarus, the author makes a number of conclusions and proposals, including: 1) to develop and develop a new Union Program, providing for such a main direction of Union construction as harmonization of legal approaches and comprehensive development of cooperation in the field of design, construction, modernization and operation of energy facilities; 2) in jointly prepared and adopted documents to provide for detailed provisions that contribute to strengthening cooperation in the field of design, construction, modernization and operation of energy facilities and the providing mechanisms to counteract hostile actions and sanctions pressure of third countries aimed at impeding joint activities of Russian and Belarusian companies; 3) in the context of modern challenges and threats, it is essential to develop comprehensive cooperation on the joint development and implementation of the most effective mechanisms and technologies to ensure the safety of energy facilities, primarily nuclear power facilities, which should be laid down at the design stages of their development.

Keywords: *energy facilities; construction of energy facilities; Russian energy facilities abroad; Republic of Belarus; legislation of the Republic of Belarus on construction; energy sector of the Republic of Belarus; construction of NPP in the Republic of Belarus; Russian-Belarusian cooperation in the energy sector*

Иследование белорусского опыта правового регулирования и практики строительства энергетических объектов, в том числе с участием иностранных компаний, является важным и значимым и с точки зрения науки современного энергетического права, и в практическом аспекте, с учетом роли Республики Беларусь не только как ближайшего стратегического партнера Российской Федерации, но и как страны, входящей в Союзное государство, строительство которого активно продолжается.

Будучи во многом сходной с российской, правовая система Республики Беларусь обладает, безусловно, и рядом особенностей, обусловленных в том числе разновекторной правотворческой политикой государства, в которой обнаруживают себя тренды как на дальнейшую гармонизацию собственного законодательства с законодательством Российской Федерации и нормами, развивающимися в рамках ЕАЭС, так и на учет европейских правовых традиций и тенденций.

Для Республики Беларусь как партнера России и современного европейского государства вопросы развития энергетики являются одними из ключевых в плане раскрытия потенциала национальной экономики. Значительное внимание при этом уделяется атомной энергетике.

Развитие энергетических отношений в целом и отношений в сфере проектирования, строительства, модернизации, а также обеспечения эксплуатации энергетических объектов в частности влияет на саму систему белорусского права, на ее структуру и внутреннюю классификацию актов. Например, рассуждая о развитии Единого правового классификатора Республики Беларусь и основных подходах к классификации правовой информации, В. А. Шаршун подчеркивает: «Строительство атомной электростанции в Беларуси влечет создание качественно нового законодательства, появление новых норм в традиционных отраслях и институтах»¹. Это наглядно демонстрирует важность для национальной правовой системы не только энергетического права в целом, но и конкретно блока норм, регулирующих отношения в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов, в том числе с участием иностранных компаний.

В сфере строительства Беларусь демонстрирует высокую степень развития и готовность к взаимодействию с международными партнерами. Среди ключевых целей, к достижению которых стремится страна в данной области, – увеличение объема экспортаемых строительных услуг. При этом строительные компании Беларуси готовы предоставить зарубежным клиентам полный спектр строительных работ, особенно выделяясь в сегменте возведения промышленных объектов. Важно отметить, что хотя Россия продолжает оставаться ведущим торговым партнером в области строительных услуг для Беларуси, тем не менее страна активно работает над расширением своего присутствия на международных рынках, исследуя новые возможности для экспорта. Растущее сотрудничество в области строительства включает проекты с Китаем, Словенией, Эквадором, Польшей и Объединенными Арабскими Эмиратами. Примерно 17 % экспортных строительных услуг Беларуси направляется в страны за пределами СНГ². Приветствуя такого рода диверсификацию направлений сотрудничества, мы вместе с тем должны отметить, что российским компаниям

¹ Шаршун В. А. О Едином правовом классификаторе Республики Беларусь // Информационное право. 2015. № 3. С. 9.

² См.: Строительство в Беларуси // Президент Республики Беларусь: офиц. сайт. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/stroitelstvo>.

необходимо больше внимания уделять своему активному присутствию на белорусском строительном рынке, и прежде всего в части строительства высокотехнологичных энергетических объектов, с тем чтобы подтверждать и укреплять свой статус приоритетных партнеров на долгосрочную перспективу.

Основным кодифицированным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сфере строительства в Республике Беларусь, является Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (далее также Кодекс)³.

В статье 6 этого документа закреплено, что «отношения в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности регулируются законодательством в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, а также международными договорами Республики Беларусь и иными международными правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь». Это законодательство основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из названного Кодекса и иных актов законодательства. При этом если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в Кодексе, то применяются правила международного договора. Это классический правовой подход к регулированию той или иной сферы общественных отношений национальным законодательством, и в контексте настоящего исследования он особенно важен ввиду того, что отношения в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов с участием иностранных компаний в большей мере регулируются именно международными договорами, соглашениями, контрактами с соответствующими государствами и компаниями из этих государств.

В статье 72 Кодекса значительное внимание уделено качественной подготовке документации, на основании которой осуществляется вся строительная деятельность⁴.

³ Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности: Закон от 17 июля 2023 г. № 289-З: принят Палатой представителей 28 июня 2023 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 2023 г.

⁴ Закреплены следующие требования: «3. В проектной документации должны быть предусмотрены обязательные для осуществления строительной деятельности мероприятия, связанные с (ко): 3.1. обеспечением эксплуатационной надежности объекта и его безопасности для жизни и здоровья физических лиц; 3.2. исключением причинения вреда окружающей среде и здоровью физических лиц при осуществлении строительной деятельности; 3.3. снятием, сохранением и использованием плодородного слоя почвы при выполнении строительных работ; 3.4. рекульти-

Обращает на себя внимание, сколь серьезное значение придает белорусский законодатель вопросам экологической безопасности, жизни и здоровья физических лиц, как действованных на строительных работах, так и проживающих (пребывающих) на территории возведения и эксплуатации объекта. В первую очередь это актуально для энергетических объектов, в частности объектов атомной энергетики. Под возведением в Кодексе понимается совокупность работ и организационно-технических мероприятий, результатом которых является создание объекта.

Важный тренд развития белорусского законодательства в сфере энергетики – совершенствование законодательной базы создания и эксплуатации энергетических объектов для генерации на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Эксперты, отмечая, что Беларусь акцентирует внимание на возобновляемой энергии как на ключевом элементе своих национальных приоритетов в секторе топлива и энергетики⁵, при этом указывают, что успешное обновление энергетической отрасли экономики требует создания адекватного законодательного обеспечения⁶. Е. Э. Ванькович подчеркивает значимость Закона Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» (далее – Закон о ВИЭ), утверждая, что он служит ключевым регулятором в области возобновляемой энергетики. В этом законодательном документе акцентируется важность господдержки данного направления развития в общих рамках белорусской модели национальной экономики и поощрение внедрения ВИЭ выделяется как один из главных принципов в политике государства по отношению к возобновляемой энергии⁷. Принимая во внимание общемировые бренды, с этим трудно не согласиться.

Ученые подчеркивают наличие особой нормы в законодательстве Республики Беларусь, касающейся поддержки научных и технологических разработок в определенной области. В частности, статья 25 Закона о ВИЭ указывает

вацией земель; 3.5. обеспечением защиты работников объектов, имеющих в обращении аварийно-, химически опасные вещества, объектов использования атомной энергии, а также работников организаций, попадающих в зоны повышенной опасности (зоны возможного химического заражения, зоны планирования срочных защитных мер, зоны предупредительных мер, зоны возможного катастрофического затопления); 3.6. принятием иных мер по охране окружающей среды и здоровья физических лиц».

⁵ Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 23 дек. 2015 г. № 1084.

⁶ Ванькович Е. Э. Состояние и перспективы развития законодательства Республики Беларусь в области использования возобновляемых источников энергии // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 50–55.

⁷ Ванькович Е. Э. Указ. соч.

на то, что разработка, проектирование, постройка и управление объектами, использующими возобновляемые источники энергии, должны проводиться с учетом научных и инновационных программ. Эти программы содержат как межгосударственные, так и национальные проекты, в том числе специализированные и региональные инициативы. Они должны быть укреплены за счет научно-технических и инновационных мероприятий, включая государственные программы, направленные на фундаментальные и прикладные исследования, а также государственные заказы на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ⁸. Обращают на себя внимание межгосударственные программы в указанной сфере: представляется, что роль Российской Федерации в реализации таких должна возрастать, российские компании должны активнее входить и расширять свое присутствие на рынке строительства объектов генерации на основе ВИЭ, закрепляя и в этой сфере за счет собственных конкурентных преимуществ статус приоритетных партнеров для белорусской стороны.

Развитие правовой базы в этой сфере продолжается. Так, принят Закон Республики Беларусь от 30 мая 2022 г. № 173-З «О регулировании отношений в сфере использования возобновляемых источников энергии». В контексте данного исследования названный закон интересен прежде всего тем, что в нем дается определение создания соответствующих энергетических объектов: «Для целей настоящего Закона под созданием понимаются создание новых, а также модернизация и реконструкция действующих установок по использованию возобновляемых источников энергии». Представляется, что «создание новых» в данном случае сочетает их проектирование и строительство. Соответственно, такой подход белорусского законодателя должен учитываться при участии иностранных, в том числе российских, компаний в отношениях по созданию, то есть, в нашей терминологии, по проектированию, строительству, а также, как ясно следует из процитированной легальной дефиниции, по модернизации и реконструкции энергетических объектов по использованию возобновляемых источников энергии.

Уже довольно давно отмечалось, что одним из значимых трендов является «стремительное развитие и внедрение возобновляемых источников энергии (в последние годы на них приходится порядка 80 % всех инвестиций

⁸ Шугуров М. В. Перспективы формирования системы правовых и стратегических основ научно-технологического сотрудничества государств ЕАЭС в сфере возобновляемой энергетики // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 97.

в электроэнергетику)»⁹. С течением времени эта тенденция проявляет себя все более значимо и явно. Следовательно, спрос на создание новых высокотехнологичных объектов в этой сфере будет возрастать, что нужно учитывать при прогнозировании и планировании заключения соответствующих соглашений и контрактов с белорусской стороной.

В условиях стремительно меняющегося мира и растущей необходимости энергетической трансформации перед Россией и Беларусью стоит важная задача – активный поиск альтернативных путей развития своих энергетических систем. Проведенные комплексные исследования указывают на то, что для этих стран критически важно сфокусироваться на разработке и внедрении инновационных подходов в секторе энергетики. Одно из таких направлений – субсидирование водородной энергетики, что может стать ключом к эффективному участию в глобальном энергопереходе. Эксперты особо отмечают потенциал Беларуси в области переработки углеводородного сырья и производства катализаторов для нефтехимической промышленности. Эти проекты могут не только способствовать укреплению экономических позиций обеих стран, но и стать основой для дальнейшего научно-технического прогресса. Важно подчеркнуть, что успех в реализации стратегии по субсидированию водородной энергетики и развитию новых технологий в нефтехимической отрасли потребует тесного сотрудничества на уровне Союзного государства. Это сотрудничество должно включать в себя как обмен знаниями, опытом и технологиями, так и координацию усилий в области научных исследований и разработок. Перед Россией и Беларусью открываются новые возможности для укрепления своих позиций на мировой энергетической арене. Приложив достаточно усилий к разработке и внедрению инновационных решений в области водородной энергетики и нефтехимии, обе страны могут значительно улучшить свою энергетическую безопасность и экономическое благополучие¹⁰. Перспективным становится и сотрудничество в сфере строительства объектов водородной энергетики, нефтегазохимии.

В 2017 году заместитель государственного секретаря Союзного государства А. А. Кубрин поднял вопрос о значительных выгодах от строительства атомной электростанции на территории Беларуси. Он заявил, что этот проект

⁹ Яновский А. Б. Внешняя энергетическая политика России: вызовы времени и вектора развития // Энергетическая политика. 2018. № 6. С. 3.

¹⁰ Серегина А. А. Энергетический переход Союзного государства России и Беларусь: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 7. С. 132.

не только обеспечит регион новым и мощным источником энергии, но и существенно сократит зависимость от ископаемого топлива, что, в свою очередь, позволит экономить значительные суммы денег, направляемые на его приобретение. Кроме того, АЭС представляет собой экологически чистый способ производства энергии, поскольку исключает затраты на обработку отходов, характерные для традиционных энергетических установок. Дополнительно запуск большой АЭС способствует высвобождению значительного числа рабочих мест. И это лишь часть существенных преимуществ, которые предоставляет ввод в эксплуатацию атомной станции¹¹. Подчеркивалось также, что строительство АЭС позволит создать новое энергетическое направление для Республики Беларусь. Станция строится по самым новым российским технологиям, которые лидируют сегодня на мировом рынке¹².

В области управления и развития энергетического сектора в Республике Беларусь, особенно когда дело касается таких критически важных объектов, как атомные электростанции, применяется комплексный подход к правовому регулированию. Отличительная черта данной системы – ее многоуровневость, включающая в себя как законодательные акты, так и различные подзаконные регуляторные документы, в числе которых особое место занимают указы президента. Эта модель не только позволяет эффективно управлять существующими энергетическими объектами, но и создает условия для их дальнейшего развития и модернизации. Ключевым аспектом в управлении процессами проектирования, строительства и последующей эксплуатации объектов атомной энергетики является их соответствие установленным нормам и правилам. Важно подчеркнуть, что регулирование в данной сфере охватывает широкий спектр вопросов, начиная от проектных решений и заканчивая эксплуатационными характеристиками, что обеспечивает высокий уровень безопасности энергетических объектов. Регулятивная база в сфере энергетики в Беларуси постоянно совершенствуется, что позволяет адаптироваться к технологическим изменениям и международным стандартам безопасности. Таким образом, благодаря стратегическому планированию и правовому регулированию энергетической отрасли в Республике Беларусь не только обеспечиваются

¹¹ Кубрин А. А. 18 новых технологий мирового уровня дала только одна союзная программа: [о реализации инновационных научно-технических программ Союзного государства] // Российская Федерация сегодня. 2017. № 5. С. 80.

¹² См.: Шумилин А. Г. Инновации – основной стратегический ресурс развития экономики // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 2. С. 76–86.

текущие потребности страны в энергии, но и закладывается основание для ее устойчивого будущего.

Сочетание огромного потенциала договорного регулирования и координационных форматов урегулирования возможных разногласий и поиска новых решений дает весьма ощутимые позитивные результаты, вследствие чего эти форматы и механизмы необходимо развивать, придавая им статус долгосрочных и даже постоянных. В настоящее время приоритетным является дальнейшее развитие и гармонизация правовой базы Российской Федерации и Республики Беларусь в области развития энергетики, включая сферу проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов. Как справедливо отметил заместитель председателя постоянной Комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь доктор юридических наук А. В. Егоров, одна из основных целей Союзного государства Беларуси и России – формирование единой правовой системы, что было закреплено в Договоре о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. При этом, рассуждая о строительстве и дальнейшей интеграции такой системы, А. В. Егоров говорит о системообразующих компонентах, в качестве которых «за единицу отсчета должны быть взяты элементы национальной правовой системы»¹³, в частности отрасли, отражающие отношения, заложенные в названном договоре, к каковым автор статьи обоснованно относит и отрасль энергетического права. Безусловно, программы и проекты в сфере регулирования энергетического права, в том числе связанные с созданием перспективных энергообъектов российскими компаниями на территории Беларуси, выступают, с учетом велений и вызовов нового времени, приоритетом высочайшего класса¹⁴.

¹³ Егоров А. В. К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 15.

¹⁴ Сотрудничество в указанной сфере способно вывести на новые комплексные решения, лежащие на стыке различных отраслей энергетики и высоких технологий. «Например, в области ядерной энергетики и так называемого “зеленого перехода”, обеспечивающего исключение углеродного следа, рассматривается проект производства водорода с использованием российского природного газа и Белорусской АЭС. Причем комплексное решение предусматривает создание нового типа двигателя, работающего на литиевых аккумуляторах и водородных элементах и нового транспортного средства на этом двигателе. В целом кооперация в ядерной энергетике более широкая и включает совместную реализацию российских проектов в этой области, например строительство реактора на быстрых нейтронах, позволяющего использовать низкообогащенный уран, что обеспечит использование отходов нынешней атомной промышленности...» (см.: Лепеш Г. В. Интеграция российских и белорусских промышленных предприятий в условиях реиндустириализации национальной экономики и санкционного давления Запада // Технико-технологические проблемы сервиса. 2022. № 3. С. 6).

Это подтверждается и интересом, который сохраняется на самом высоком государственном уровне. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркнул, что в условиях санкций Запада Беларусь получила новые возможности для экспорта товаров и услуг, а специалисты приобрели уникальные компетенции – как в случае со строительством космодрома «Восточный» или Белорусской атомной станции¹⁵. В настоящее время «Россия и Белоруссия обсуждают возможность строительства на Белорусской АЭС третьего энергоблока. <...> ... “Росатом” оказывает необходимые сервисные услуги Белорусской АЭС, обеспечивающей до 30 % энергопотребления страны. Обсуждается ее расширение за счет строительства третьего энергоблока»¹⁶. В 2024 году Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подтвердил намерения осуществить проект по строительству в стране второй АЭС¹⁷, а министр энергетики В. М. Карапекович заявил, что «строительство второй АЭС позволит удовлетворить растущий спрос на электроэнергию в республике»¹⁸, ввиду чего актуализируется участие российской стороны, заключение соответствующих контрактов Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и др.

Все эти направления сотрудничества целесообразно и обоснованно интегрировать в комплексные программы, создаваемые и развивающиеся в рамках Союзного строительства. Обратим внимание, что в ходе встречи, прошедшей в Минске 10 сентября 2021 г., Совет министров Союзного государства принял важные решения, касающиеся будущего российско-белорусской интеграции. В рамках этой встречи были утверждены ключевые направления для исполнения условий Договора о Союзном государстве на период с 2021 по 2023 год, а также 28 программ, задуманные для достижения амбициозных целей по укреплению сотрудничества между двумя странами. Среди значимых инициатив, отмеченных в этих программах и имеющих особое значение для нашего исследования, выделяются строительство единого рынка газа, создание

¹⁵ См.: Практическое взаимодействие между субъектами Российской Федерации и областями Республики Беларусь – одна из основ добрососедских отношений и локомотив экономической кооперации: [материалы пленарного заседания Девятого форума регионов Беларуси и России на тему «Роль межрегионального сотрудничества в углублении интеграционных процессов Союзного государства» 1 июля 2022 года] // Вестник Совета Федерации. 2022. № 6. С. 2–65.

¹⁶ Москва и Минск обсудили строительство третьего энергоблока Белорусской АЭС // РИА Новости. 2024. 20 мая. URL: <https://ria.ru/20240520/belorussiya-1947234963.html>.

¹⁷ Все равно построяте, куда деваться. А. Лукашенко рассказал о планах по второй АЭС в Белоруссии // Neftegaz.RU. 2024. 30 апр. URL: <https://neftegaz.ru/news/nuclear/831803-vse-ravno-postroite-kuda-devatsya-a-lukashenko-rasskazal-o-planakh-po-stroitelstvu-vtoroy-aes-v-belo/>.

¹⁸ В Минске заявили, что строительство второй БелАЭС удовлетворит спрос на электричество. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21528609>.

совместных рынков нефти и нефтепродуктов, объединение рынков электроэнергии и продвижение в области атомной энергетики. В рамках последнего соглашения стороны пришли к взаимному решению к концу 2023 года унифицировать нормативно-правовую базу, касающуюся не только работы с ядерными установками, но и управления радиационной защитой, обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям, а также безопасного обращения с использованным ядерным топливом и отходами¹⁹. Такого рода программы должны получить продолжение и, на наш взгляд, адресную конкретизацию, в том числе применительно к строительству энергообъектов.

Ввиду изложенного полагаем своевременным и целесообразным разработать и развивать новую союзную программу, предусматривающую такое магистральное направление, как гармонизация правовых подходов и всестороннее развитие сотрудничества в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов. Учитывая уникальную роль Республики Беларусь как ближайшего стратегического партнера Российской Федерации, необходимо наращивать объемы всестороннего сотрудничества компаний обеих стран в указанной сфере.

Определяя и развивая приоритеты дальнейшего социально-экономического развития наших стран и их регионов, необходимо в совместно подготавливаемых и принимаемых документах предусматривать развернутые положения, способствующие укреплению сотрудничества в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов и обеспечивающие механизмы противодействия недружественным действиям, мерам, санкционному давлению третьих стран, направленным на затруднение совместной деятельности российских и белорусских компаний в указанной сфере.

Тесные культурные связи, общность традиционных ценностей и сходство в социально-экономических стратегиях развития, а также в правовых нормах между Россией и Беларусью делают очевидной необходимость глубокого и многоаспектного укрепления сотрудничества в области науки и образования. Это взаимодействие должно охватывать различные направления, включая энергетическое и предпринимательское право, а также подготовку

¹⁹ См.: Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства. 10 сентября 2021 г. URL: <http://government.ru/news/43234/>.

и повышение квалификации специалистов для организаций, которые занимаются проектными работами, строительством, модернизацией и техническим обслуживанием в секторе энергетики. Развитие научно-образовательного сотрудничества между двумя странами предполагает создание совместных учебных программ, обмен научными исследованиями, разработку и реализацию проектов, направленных на инновационное развитие энергетического сектора и предпринимательской деятельности. Особое внимание следует уделить интеграции усилий в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных реализовывать сложные проекты в условиях современного рынка. Для достижения этих целей необходимо создать совместные образовательные платформы и научные лаборатории, которые станут базой для обмена знаниями и опытом между учеными и специалистами обеих стран. Такой подход позволит не только укрепить существующие связи между Россией и Республикой Беларусь в научно-образовательной сфере, но и значительно повысить уровень экспертизы и инновационного потенциала в ключевых отраслях экономики. Акцентируя внимание на стратегической значимости научно-образовательного сотрудничества для социально-экономического развития и укрепления правовых систем, Россия и Республика Беларусь способны достичь серьезного прогресса в реализации совместных проектов. Это углубит интеграционные процессы, укрепит дружественные отношения между странами и повысит благосостояние их народов.

Реализацию подхода, в рамках которого белорусский законодатель и регулирующие органы Республики Беларусь будут закладывать в правовые нормы и правоприменительную практику положения и механизмы, благоприятствующие более активному и долгосрочному участию российских компаний в реализации совместных проектов, следует обеспечивать дипломатическими средствами.

Поскольку объекты атомной энергетики на территории Республики Беларусь в случае их повреждения, в том числе от возможных обстрелов из разных видов вооружения, потенциально могут причинить вред многим европейским государствам, важно развивать уникальные компетенции российских компаний и их белорусских партнеров по обеспечению повышенной надежности АЭС и их устойчивости к любым такого рода воздействиям. Соответствующие компетенции в будущем существенно повысят конкурентные преимущества российских и белорусских компаний, осуществляющих деятельность в рассматриваемой сфере, на рынках третьих стран и разных регионов мира.

Важна также дальнейшая взаимная рецепция правовых механизмов и эффективных практик в сфере проектирования, строительства, модернизации и обеспечения эксплуатации энергетических объектов в целях совместного стратегического развития в рамках Союзного государства, что даст положительные долгосрочные социально-экономические эффекты.

Библиографический список

Ванькович Е. Э. Состояние и перспективы развития законодательства Республики Беларусь в области использования возобновляемых источников энергии // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 50–55.

Егоров А. В. К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 14–26. DOI: 10.12737/jrl.2021.070.

Кубрин А. А. 18 новых технологий мирового уровня дала только одна союзная программа: [о реализации инновационных научно-технических программ Союзного государства] / А. А. Кубрин; записал С. Борисов // Российская Федерация сегодня. 2017. № 5. С. 78–81.

Лепеш Г. В. Интеграция российских и белорусских промышленных предприятий в условиях реиндустириализации национальной экономики и санкционного давления Запада // Технико-технологические проблемы сервиса. 2022. № 3. С. 3–10.

Практическое взаимодействие между субъектами Российской Федерации и областями Республики Беларусь – одна из основ добрососедских отношений и локомотив экономической кооперации: [материалы пленарного заседания Девятого форума регионов Беларуси и России на тему «Роль межрегионального сотрудничества в углублении интеграционных процессов Союзного государства» 1 июля 2022 года] // Вестник Совета Федерации. 2022. № 6. С. 2–66.

Серегина А. А. Энергетический переход Союзного государства России и Беларуси: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 7. С. 127–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-7-127-134.

Шаршун В. А. О Едином правовом классификаторе Республики Беларусь // Информационное право. 2015. № 3. С. 7–11.

Шугуров М. В. Перспективы формирования системы правовых и стратегических основ научно-технологического сотрудничества государств ЕАЭС в сфере возобновляемой энергетики // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 78–112. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-1-78-112.

Шумилин А. Г. Инновации – основной стратегический ресурс развития экономики // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 2. С. 76–86.

Яновский А. Б. Внешняя энергетическая политика России: вызовы времени и вектора развития // Энергетическая политика. 2018. № 6. С. 3–10.

Информация для цитирования

Василькова С. В. Особенности регулирования и практики строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Республике Беларусь // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 57–71. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-57-71

Vasilkova S. V. Peculiarities of the Regulation and Practice of Construction of Energy Facilities by Foreign Companies in the Republic of Belarus. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 57–71. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-57-71

Французский опыт регламентации этических вопросов при выполнении магистратами управлеченческих функций и осуществлении взаимодействия с органами государственной власти

А. А. Соловьёв

Доктор юридических наук, профессор

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, 9

Профессор

Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1

Председатель

Арбитражный суд Московской области
107053, Россия, г. Москва, пр-т Академика Сахарова, 18

E-mail: sportlaw2014@rambler.ru

Аннотация: при отправлении правосудия судьи руководствуются определенными этическими принципами. Действие этих принципов распространяется также на выполнение судьями управлеченческих функций и осуществление ими взаимодействия с органами государственной власти. Автором рассмотрен зарубежный опыт регламентации указанных выше этических аспектов на примере Французской Республики. Соответствующие положения содержатся в Сборнике этических обязательств магистратов – едином акте, принятом высшим органом профессионального сообщества. Исследованы три главы, содержащиеся в разделе «Приложения»: «Управление», «Магистрат во взаимодействии с судебной системой» и «Магистрат

© Соловьёв А. А., 2025

и местные органы власти». В заключение автор отмечает, что профессиональная этика магистратата должна определяться прежде всего заботой о независимости и качестве отправления правосудия, основой которого она и является.

Ключевые слова: судейская этика; зарубежный опыт; Французская Республика; этические обязательства; магистраты; управленческие функции; взаимодействие с органами государственной власти

French Experience in the Regulation of Ethical Issues for Magistrates When Acting in Their Administrative Capacity and Interacting with Public Authorities

A. A. Solovyev

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovo-Kudrinskaya st., Moscow, 123242, Russia

Moscow State Pedagogical University
1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia

State Commercial Tribunal of Moscow Region
18, prospekt Akademika Sakharova, Moscow, 107053, Russia

E-mail: sportlaw2014@rambler.ru

Abstract: *in the course of administering justice the judges are guided by specific ethical principles. The effect of those principles is as well applied to the judges exercising administrative functions and interaction with public authorities. The author contemplates international experience in the field of regulation of the above-mentioned ethical aspects based on the example of the French Republic. The relevant provisions are summarized in the Compendium of the Judiciary's Ethical Obligations – a consolidated act adopted by the supreme body of the professional community. Besides, three particular chapters from the Appendix to the Compendium, i.e. "Management", "The Magistrate in Interaction with the Judiciary" and "The Magistrate and Local Government". In conclusion, the author indicates that the magistrate's professional ethics should be based, in the first place, on the solicitude about impartiality and quality of delivering justice, which it is actually based upon.*

Keywords: judicial ethics; international experience; the French Republic; ethical obligations; magistrates; administrative functions; interaction with public authorities

В судебной системе любой страны судьи выполняют определенные управленческие обязанности. При этом соответствующие полномочия распространяются как на других судей (например, у председателя суда, его заместителей, председателей коллегий и составов), так и на аппарат суда. Кроме того, судьи не живут в вакууме, поэтому зачастую у них возникает необходимость взаимодействия с различными органами государственной власти, включая суды, в том числе по вопросам, напрямую не связанным с отправлением правосудия. Несомненно, и в этих случаях судьи должны руководствоваться определенными этическими нормами.

Представляется актуальным рассмотреть этические основы выполнения магистратами, в число которых во Франции входят судьи, прокуроры, некоторые государственные служащие, состоящие в центральном аппарате Министерства юстиции, и слушатели Национальной школы магистратуры, управленческих функций и осуществления *взаимодействия с органами государственной власти*.

Во Франции этические принципы для магистратов систематизированы в Сборнике этических обязательств магистратов (далее также Сборник)¹, принятом Высшим советом магистратуры Французской Республики 9 января 2019 года. Сборник состоит из двух разделов: «Ценности магистрата» и «Приложения». В первом разделе интересующей нас проблематике посвящен ряд базовых положений². В настоящей статье мы обратимся к содержанию раздела «Приложения».

Ряд интересующих нас предписаний, касающихся выполнения магистратами управленческих функций, можно найти в главе **«Управление»**. В частности, в ней отмечено, что осуществление управленческих обязанностей в центральном аппарате, в судах первой и апелляционной инстанций в качестве руководителя судебного органа, руководителя или координатора подразделения или службы предъявляет особые этические требования и накладывает соответствующие обязательства в плане профессиональной этики. Особенно строгим образом должны оцениваться обязанности магистрата, наделенного

¹ Recueil des obligations déontologiques des magistrats. URL: http://www.conseil-supérieur-magistrature.fr/sites/default/files/atoms/files/recueil_des_obligations_deontologiques_des_magistrats_fr.pdf.

² См.: Соловьев А. А. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 1) // Российская юстиция. 2021. № 11. С. 71–79; Он же. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 2) // Российская юстиция. 2021. № 12. С. 50–57.

полномочиями председателя суда и руководителя судебного органа, поскольку их выполнение связано с созданием образа суда как оплота значимости, беспристрастности и уважения к окружающим. Эти обязанности предполагают, что те, кто их выполняет, должны служить примером и проявлять строгость в соблюдении ценностей как на профессиональном, так и на личном уровне. Исполнение этих обязанностей требует постоянного погружения в работу, а также предписывает осуществлять контроль за соблюдением этических требований находящимися в их ведении магистратами.

Выделено несколько принципов осуществления магистратами управленических полномочий.

1. Руководство с учетом человеческого измерения.

Председатели судов и руководители судебных органов стремятся предотвращать психосоциальные риски, заботиться о людях, которые уязвимы для этих рисков, и поощрять их самовыражение.

Забота о наиболее справедливом распределении задач с учетом ожиданий должностных лиц суда, об особом расположении и внимании к другим, об уровне качества жизни на рабочем месте побуждает председателей судов и руководителей судебных органов, а также руководителей и координаторов подразделений или служб к повседневному исполнению своих руководящих функций. Выступая как гаранты качества отношений между людьми, они проявляют уважительное отношение к магистратам, служащим и вспомогательному персоналу судебных органов, обеспечивают высокий уровень отношений между служащими и магистратами.

2. Руководство с заботой о независимости.

Если магистрата несправедливо обвиняют – в частности, в средствах массовой информации, то руководитель судебного органа применяет наиболее подходящие средства защиты независимости и беспристрастности этого магистрата, при необходимости прибегая к публичному заявлению.

Председатели судов и руководители судебных органов в своих отношениях с государственными и выборными должностными лицами стараются не выступать с инициативами и не занимать позиции, которые могли бы негативно отразиться на независимом и беспристрастном выполнении должностных функций магистратами, находящимися в их ведении.

Руководители судебных органов, заботящиеся об обеспечении независимости и беспристрастности магистратов, находящихся в их ведении, следят за тем, чтобы распределение судебных дел и рабочей нагрузки не порождало

предсказуемый конфликт интересов и учитывало информацию, доведенную до их сведения магистратами. Посредством проведения консультаций они стремятся оптимально организовать рабочий процесс и распределить магистратов в соответствии со служебной нагрузкой.

Председатели судов и руководители судебных органов поощряют и облегчают доступ магистратов к обучению, в частности обеспечивая надлежащее распределение задач и полномочий.

Председатели судов соблюдают принцип компетентного суда, исключающий любой личный выбор при распределении дел, когда при этом игнорируются заранее установленные правила и решения.

Председатели судов и руководители судебных органов, действуя через консультативные органы – комиссию сокращенного и полного состава, общее собрание, постоянную научно-консультативную комиссию, технический комитет по децентрализованным службам, – способствуют качественному и прозрачному социальному диалогу. В этих органах они следят за соблюдением свободы выражения мнений и учета различных мнений, постоянно заботятся об улучшении работы суда.

Наконец, руководители судебных органов при распределении помещений и организации работы стремятся соблюсти принцип независимости судей.

3. Профессиональное и требовательное руководство.

Во время предусмотренных законом собеседований по вопросам профессиональной этики руководители судебных инстанций обеспечивают полноту декларирования интересов магистратов. Обеспечение периодичности аттестации магистратов возлагается на руководителей судебных органов и председателей судов, равно как и на директоров и руководителей отделов центрального аппарата. Они следят за тем, чтобы в процессе оценки учитывался ее состязательный характер, график мероприятий, гарантировалась полнота и искренность оценок профессионального поведения магистрата и его реального потенциала. С этой целью они стремятся, насколько это возможно, узнать мнение председателей подразделения суда, в котором работал магистрат. Когда председатель суда инициирует новую практику в области оценки, он сопровождает ее всеми необходимыми пояснениями. Точно так же председатель суда стремится сделать прозрачными критерии для установления гибкой премии.

Председатели судов и руководители судебных органов в повседневной работе следят за тем, чтобы руководство судебной канцелярии участвовало во

всех инициативах или организационных изменениях, которые могут повлиять на ее работу.

Используя предоставленные кадровые и материальные ресурсы, они обеспечивают надлежащую организацию разбирательства в суде, а также качественный прием участника судебного процесса во всех судебных органах в пределах своей юрисдикции. Проводя проверки организации работы судебных органов, они по возможности учитывают рекомендации председателей судов или Генеральной судебной инспекции.

Председатели судов при содействии директора региональной административной службы обеспечивают справедливое распределение кадровых и материальных ресурсов, переданных в их распоряжение. Они осуществляют эффективный контроль за соблюдением бюджетной дисциплины и использованием выделенных финансовых ресурсов. Лица, ответственные за составление операционного бюджета, внимательно следят за тем, чтобы должным образом учитывались потребности других апелляционных судов.

Составляя отчет о своей деятельности за двухлетний период, председатели судов объективно описывают свой личный вклад в стимулирование работы, администрирование и управление органом, находящимся под их руководством.

Председатели судов и руководители судебных органов постоянно обновляют средства управления, делая их актуальными и всеобъемлющими, чтобы после своего ухода с должности облегчить преемникам выполнение должностных обязанностей и обеспечить непрерывность отправления правосудия.

В разделе «Приложения» Сборника также имеются главы **«Магистрат во взаимодействии с судебной системой»** и **«Магистрат и местные органы власти»**, подробно регламентирующие взаимодействие магистратов с различными органами государственной власти.

Рассматривая вопросы **взаимодействия магистрата с судебной системой**, необходимо иметь в виду, что магистрат в рамках своей профессиональной деятельности или в качестве частного лица может сам стать стороной судебного разбирательства или выступать в качестве свидетеля. Он не должен открыто подчеркивать свой статус и пользоваться привилегиями. Соответствующая осмотрительность требуется и в ситуации, когда в судебном процессе участвует близкий родственник магистрата.

Магистрату следует воздерживаться от любого вмешательства в судебный процесс, в котором он не участвует, как с целью повлиять на ход или результат этого судебного процесса, так и просто для того, чтобы узнать о его ходе. Даже лишенное скрытых мотивов, подобное вмешательство может вызвать у собеседника ощущение, что магистрат пытается оказывать на него давление, а у другой стороны судебного разбирательства – что он пытается повлиять на нормальный ход процесса. Соответственно, магистрат не использует свои должностные возможности для получения от следователей, сотрудников судебных органов или магистратов процессуальных документов, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Помимо гражданского или уголовного судопроизводства, в котором магистрат участвует как сторона судебного разбирательства или свидетель, имеются и определенные рекомендации на случай, когда он заслушивается в рамках административного расследования или дисциплинарной процедуры или когда его просят поддержать кандидатуру на включение в состав корпуса магистратов.

Выступая в качестве стороны судебного разбирательства, *в отношениях со следственными органами* магистрат не ссылается на свою должность, стараясь уйти от ответственности или избежать раскрытия преступления, которое он предположительно совершил. Если у него есть законные причины для оспаривания процессуального акта или решения суда, он использует средства правовой защиты, доступные любому лицу, участвующему в судебном разбирательстве.

В отношениях с магистратами и должностными лицами, рассматривающими дело, магистрат, насколько позволяют применимые процессуальные нормы и правила, следит за тем, чтобы его дело было передано на рассмотрение магистрату, с которым он незнаком. На слушании дела он воздерживается от занятия любой позиции, которая может показаться признаком сговора с магистратами, ведущими дело, или должностными лицами, которые им помогают в этом. Точно так же магистрат, обязаный рассматривать дело своего коллеги, должен избегать любых замечаний или поведения, которые могут заставить другие стороны поверить в то, что им выказывается особое отношение к своему коллеге.

В отношениях со вспомогательным персоналом судебных органов, к которому во Франции относятся и адвокаты, тоже действует ряд правил.

Когда магистрату в рамках возбужденной в отношении него судебной процедуры помогает адвокат, первый должен позаботиться о том, чтобы больше не рассматривать дела с участием этого адвоката или его адвокатского образования. Применительно к отношениям, сложившимся между адвокатом и магистратом, и в зависимости от видимой близости этих отношений магистрат должен оценить продолжительность такого ограничения уже после окончания судебной процедуры.

Магистрат должен постоянно проявлять бдительность в том, что касается его отношений со вспомогательным персоналом судебных органов во время исполнения решения, вынесенного в отношении него.

Магистрат, выступающий свидетелем, может быть вызван в суд как частное лицо для дачи свидетельских показаний в ходе судебного разбирательства. Соответственно, он обращает особое внимание на достоверность своих показаний, представляя на слушании только объективные и лично установленные факты. Если от него требуется дать письменные показания, хотя его профессия и указана в обязательных сведениях, он высказывается в качестве свидетеля лишь о тех фактах, о которых он сообщает. Он не ссылается на свои должностные полномочия для того, чтобы подкрепить свою точку зрения или ненадлежащим образом повлиять на принятие решения магистратом, рассматривающим дело.

Когда же егозывают в суд для дачи показаний в качестве свидетеля в статусе магистрата (в связи с профессиональной деятельностью), который должен знать обстоятельства дела (например, следственный судья, привлеченный одной из сторон для дачи показаний в суде присяжных), он, как никто другой, должен осознавать важность своих показаний, формулировать их осторожно и стараться не создавать впечатления заинтересованности.

В дисциплинарном производстве магистрату предоставлена свобода в выборе средств защиты. И если у него есть возможность представить в свою защиту документы или материалы, на которые распространяется тайна следствия или профессиональная тайна, он должен делать это, однако строго в пределах, необходимых для его защиты, с соблюдением обязанности сохранения тайны совещания.

Если магистрат принимает участие в процедуре назначения в корпус магистратов (профессиональной аттестации), он отвечает на запросы органа, ответственного за рассмотрение кандидатуры, даже если отклоняет запрос на выдачу аттестации. Он не должен выдавать фиктивные аттестации, но

обязан представить достоверные сведения с оценкой реальных заслуг кандидата. Те же принципы применяются к любым аттестациям или оценкам, запрашиваемым для трудоустройства кандидата на государственную службу или работу в частном секторе, а также для получения доступа к обучению.

Применительно к вопросам **взаимодействия магистратов с местными органами власти** необходимо обратить внимание на общее положение, согласно которому магистраты сохраняют свою независимость как от исполнительной, так и от законодательной власти, воздерживаясь от любых ненадлежащих отношений с их представителями.

Участие судебного органа в формировании различных направлений государственной политики побуждает магистрата развивать отношения, значимость которых зависит от функций, выполняемых им в пределах своей компетенции, с местными органами власти: выборными должностными лицами, членами корпуса префектов, главами территориальных органов власти или государственных администраций, представителями различных профессий или секторов экономики и т.д. Эти отношения необходимы для надлежащей интеграции судебной системы в институциональную, экономическую и социальную среду общества. Они позволяют ей выполнять свои обязанности в рамках структур, участвующих в формировании судебной политики, в частности тех, которые обеспечивают предотвращение правонарушений, доступ к правосудию, помочь потерпевшим, развитие посредничества. Эти отношения также являются залогом глубоких знаний местных условий и лучшего понимания местных проблем, связанных с отправлением правосудия.

Вместе с тем такие отношения требуют осторожности и осмотрительности: нельзя допустить, чтобы они порождали конфликт интересов и наносили вред обязательствам магистрата, касающимся обеспечения независимости и беспристрастности.

Хотя не все магистраты уполномочены развивать отношения с местными органами власти, отдельные законодательные или иные *нормативные положения требуют, чтобы некоторые из них участвовали в реализации различных направлений государственной политики*. Например, в соответствии со статьей 55 Закона от 10 июля 1991 г. № 91-647 «О юридической помощи»³ уполномоченный судья или прокурор апелляционного суда выполняют функции правительенного уполномоченного в департаменте по обеспечению

³ Loi № 91-647 du 10 juillet 1991 relative à l'aide juridique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000537611/2022-08-11/>.

доступа к правосудию. Статьями R 212-64 и R 312-85 Кодекса организации судебной системы⁴ предусмотрено создание в каждом апелляционном суде Судебного совета, состоящего, в частности, из представителей местных органов государственной власти, представителей местных властей, избранных парламентариев. Этот совет представляет собой место общения и обмена мнениями между судебной системой и гражданским обществом. Статьи R 212-63 и R 312-84 указанного Кодекса предусматривают, что проект организации судебной системы, составленный по инициативе руководителей судебных органов после консультации со всем персоналом суда, полностью или частично представляется в Судебном совете лицам, органам, а также учреждениям, с которыми взаимодействует судебная система.

Многие местные органы власти в рамках соглашений с судебной системой участвуют в финансировании ассоциаций, занимающихся вопросами доступа к правосудию, помощи потерпевшим, развития посредничества. Руководители судебных органов, выступающие в качестве магистратов, которым поручена реализация политики по взаимодействию с общественными организациями, контактируют с местными выборными должностными лицами и представителями территориальных администраций в целях определения финансирования, которое соответствующие ассоциации должны получать, чтобы выполнить задачи, для которых они создавались. Аналогичным образом создание, развитие или реконструкция объектов, занимаемых судебными органами, требует детальных консультаций с местными субъектами, в частности с выборными должностными лицами из заинтересованных местных органов власти. То же положение применяется в отношении создания и стимулирования работы «домов правосудия» или «пунктов доступа к праву».

Руководители судебных органов или их представители поддерживают отношения с местными субъектами не только по вопросам их юридических и нормативных обязанностей, но и по поводу существенного воздействия определенных направлений государственной политики на надлежащее функционирование судебной системы. Несмотря на многочисленные возложенные на них обязанности, магистраты по мере возможности участвуют в работе органов, обеспечивающих согласование и реализацию соответствующей политики, полностью занимая принадлежащее им место и осознавая при этом прерогативы и обязанности своих партнеров.

⁴ Code de l'organisation judiciaire. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT_000006071164/.

Если территория, на которой действует местный орган власти, целиком или частично относится к юрисдикции нескольких судов большой инстанции или апелляционных судов или если административно-территориальные единицы не пересекаются с территориями судебных округов, то руководители соответствующих судебных органов должны проконсультироваться друг с другом и организовать взаимодействие таким образом, чтобы обеспечить эффективное и последовательное представительство каждого судебного органа среди местных субъектов.

Особое внимание при взаимодействии магистратов с местными органами власти уделяется проявлению ими *необходимой осторожности*. Настоятельное требование предотвращать любое нарушение обязательств магистрата, которые касаются обеспечения независимости и беспристрастности, лежащих в основе функционирования судебной системы, подразумевает особую осмотрительность в отношениях, которые магистрат вынужден поддерживать с местными субъектами.

Личные отношения с местными выборными должностными лицами могут вызвать у сторон или общественности обоснованные сомнения в беспристрастности и независимости магистрата, а также затруднить выполнение руководителями судебных органов функций по защите магистратов от неправданных нападок со стороны местных субъектов. В связи с этим участие в совместном органе должно быть запрещено, если ближайший родственник магистрата (супруга, родственник по восходящей, нисходящей линии и т.д.) осуществляет выборные полномочия или функции в местном органе власти, входящем в состав совместного органа.

В соответствии с положениями статей Р 212-64 и Р 312-85 Кодекса организации судебной системы конкретные дела не могут быть предметом обсуждения в рамках работы совместных органов. Последние также не осуществляют никакого контроля над судебной деятельностью или ее организацией.

Риск придания гласности вмешательства местных органов власти в рассмотрение конкретных дел возрастает, когда взаимодействие осуществляется на ограниченной территории, такой как район, где легко идентифицировать людей и семьи, которых затрагивают действия по предотвращению или прекращению правонарушений. Представители судебного органа должны следить за тем, чтобы во время этого взаимодействия личная информация, полученная в результате расследований, проводимых в соответствии с полномочиями

органов правосудия, не передавалась третьим лицам: арендодателям социального жилья, учреждениям национального образования, органам специализированной профилактики и т.д.

Когда местный субъект выступает участником судебного дела, особенно в качестве обвиняемого, магистраты, будучи членами консультативных органов, обязаны (в частности, чтобы не нарушался принцип презумпции невиновности) воздерживаться от любых действий и высказываний, относящихся к данному делу. Эта осторожность должна проявляться не только тогда, когда магистрат состоит в судебном органе, но и когда он покинул его.

Таким образом, почетным магистратам, магистратам, пребывающим в резерве, или временно прикомандированным магистратам по меньшей мере неуместно выполнять обязанности в местных органах власти или прочих органах, с которыми они незадолго до такого назначения сталкивались при выполнении ими функций магистрата. То же самое относится к магистратам, возвращающимся из прикомандирования, временного перевода по службе или из резерва.

В заключение отметим, что обязанности магистрата в сфере профессиональной этики не могут ограничиваться лишь предотвращением ошибок и нарушений. Профессиональная этика магистрата должна в первую очередь определяться заботой о независимости и качестве отправления правосудия, основой которого она и является.

Библиографический список

Соловьев А. А. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 1) // Российская юстиция. 2021. № 11. С. 71–79.

Соловьев А. А. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 2) // Российская юстиция. 2021. № 12. С. 50–57.

Информация для цитирования

Ex jure

Соловьев А. А. Французский опыт регламентации этических вопросов при выполнении магистратами управлеченческих функций и осуществлении взаимодействия с органами государственной власти // Ex jure. 2025. № 1. С. 72–83. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-72-83

Solov'yev A. A. French Experience in the Regulation of Ethical Issues for Magistrates When Acting in Their Administrative Capacity and Interacting with Public Authorities. Ex jure. 2025. № 1. Pp. 72–83. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-72-83

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-84-97

Финансовые сделки в доктрине и законодательстве: терминологический диссонанс

А. Б. Афанасьев

Доцент кафедры предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: afanasev.67@yandex.ru

Аннотация: в статье рассмотрены доктринальные и законодательные подходы к определению финансовых сделок. В доктрине, несмотря на широкое использование этого термина, отсутствует дефиниция финансовой сделки. Исследователи определяют финансовые сделки посредством их перечисления. Анализ таких перечней позволил сделать вывод о том, что авторы в большинстве своем отождествляют финансовые сделки и основные банковские операции. В действующем российском законодательстве легальное определение финансовых сделок также отсутствует: законодатель определяет их посредством указания на выполнение банковских, страховых услуг, совершение сделок с финансовыми инструментами, финансовыми организациями и эмитентами. Определяя финансовые организации, закон относит к ним кредитные организации и некредитные финансовые организации. Последние перечислены в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»,

© Афанасьев А. Б., 2025

однако не все они могут быть признаны финансовыми организациями, которые имеют право совершать сделки с использованием финансовой платформы. Анализ современного правового регулирования свидетельствует о широком применении терминологического оборота «финансовая организация», но в каждом конкретном законе предусмотрен собственный их перечень, отличный от других нормативно закрепленных перечней финансовых организаций. Отсутствие унифицированного подхода к конструированию обозначенного понятия обусловлено зависимостью от круга отношений, урегулированных тем или иным законом.

Ключевые слова: финансовые сделки; банковские операции; финансовая платформа; финансовые инструменты

Financial Transactions in the Doctrine and Legislation: Terminological Dissonance

A. B. Afanasev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: afanasev.67@yandex.ru

Abstract: the article discusses doctrinal and legislative approaches to the definition of financial transactions. In the doctrine, despite the widespread use of this term, there is no definition of a financial transaction. Researchers identify financial transactions by listing them. The analysis of such lists allowed us to conclude that the authors for the most part identify financial transactions and basic banking operations. The current Russian legislation also lacks a legal definition of financial transactions, the legislator defines them by specifying the provision of banking, insurance services, transactions with financial instruments by financial organizations and issuers. Defining financial organizations, the law includes credit organizations and non-credit financial organizations. Non-credit financial organizations are listed in the Federal Law of the Russian Federation "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)", but not all of them can be recognized as financial organizations that have the right to make transactions using the financial platform. An analysis of modern legal regulation indicates the widespread use of the terminology "financial organization", but each specific law provides its own list of them, which differs from other normative lists of financial organizations. The lack of a unified approach to the construction of the

designated concept is due to dependence on the range of relations regulated by one law or another.

Keywords: financial transactions; banking transactions; financial platform; financial instruments

Анализ действующего российского законодательства, судебной практики и доктринальных позиций позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к определению «финансовая сделка», несмотря на широкое употребление данного терминологического оборота в науке и практике. Как справедливо отмечает О. А. Кузнецова, при формировании понятийного аппарата законодателю следует придерживаться идентичной терминологии при обозначении одного и того же понятия, избегая при этом синонимичных слов. Так, использование синонимов в тексте нормативных актов создает почву для дискуссий относительно синонимичных терминов и позволяет усомниться в их идентичности¹.

Необходимо отметить, что исследователи, как правило, определяют отнесение тех или иных сделок к финансовым через их перечисление. Например, А. Г. Карапетов к финансовым сделкам относит заем, кредит, факторинг, вклад и счет². В. В. Витрянский, указывая на «так называемые финансовые сделки», перечисляет среди них договоры займа, кредита, банковского вклада и банковского счета, а также безналичные расчеты³. П. В. Крашенинников называет в качестве финансовых эти же сделки, дополнив их перечень условным депонированием (эскроу) и сделав оговорку о том, что этот перечень не является исчерпывающим⁴. Л. Г. Ефимова как финансовые сделки рассматривает договор займа, кредитный договор, договор финансирования под уступку денежного требования, договор банковского вклада, договор банковского счета и расчетные сделки⁵. О. М. Иванов отождествляет финансовые сделки

¹ Кузнецова О. А. Проблемы формирования терминологического аппарата гражданского законодательства // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 12 декабря 2014 г.) / под ред. Н. А. Баринова, С. Ю. Морозова. М.: Проспект, 2015. С. 86.

² Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019.

³ Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации: Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018.

⁵ Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки: учеб. для магистратуры. М.: Проспект, 2024.

с банковскими договорами⁶. А. Я. Курбатов, рассматривая классификацию потребительских отношений в ее связи со спецификой объектов этих отношений, прибегает к использованию понятия «финансовая услуга». Оперируя категориями финансового рынка и его сфер, он в правовом регулировании отношений с участием потребителей финансовых услуг выделяет кредитную сферу, сферу страхования, сферу рынка ценных бумаг, иные сферы, такие как валютный рынок, рынок драгоценных металлов, привлечение банковских вкладов, открытие банковских счетов, платежные услуги, негосударственное пенсионное обеспечение⁷.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., в разделе 2 «Финансовые сделки» в качестве таковых называет заем, кредит, факторинг, банковский вклад, банковский счет, расчеты, в том числе с использованием платежных карт.

Очевидно, что доктринальные подходы к определению финансовых сделок посредством их перечисления в целом совпадают: практически все авторы относят к ним основные банковские операции, составляющие предмет банковской деятельности (кредитный договор, договор банковского счета, договор банковского вклада), и сделку, не являющуюся банковской операцией (факторинг); отдельные авторы предлагают включить сюда расчетные операции (сделки). Объединяющим признаком всех указанных финансовых сделок является их объект – денежные средства. Некоторым исключением выступает договор займа, объектом которого могут выступать не только деньги, но и другие вещи, определяемые родовыми признаками. В таком контексте под финансовыми сделками в узком смысле можно понимать совершаемые кредитными организациями банковские операции и сделки. Однако статья 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) содержит и иные банковские операции, не вошедшие в предлагаемые перечни финансовых сделок: осуществление переводов денежных средств как по открытym банковским счетам, так и без их открытия, инкассацию денежных средств, векселей, расчетных и платежных документов и кассовое обслуживание клиентов, куплю-продажу иностранной

⁶ Иванов О. М. Поиск баланса интересов при регулировании банковских сделок: проблемы законотворческого процесса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 102–121.

⁷ Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: моногр. М.: Юстицинформ, 2023.

валюты. В части 3 указанной статьи перечислены сделки, которые вправе осуществлять кредитные организации. Из них многие исследователи к финансовым сделкам относят лишь факторинг, хотя факторинговые сделки могут заключать не только юридические лица, обладающие статусом кредитной организации.

Вместе с тем никто из вышеуказанных авторов не рассматривает в качестве финансовой сделки выдачу поручительства за третьих лиц, предусматривающего исполнение обязательств в денежной форме, доверительное управление денежными средствами и выдачу банковских гарантий, хотя объектом здесь также являются денежные средства.

Правоприменительная практика исходит из того, что финансовой сделкой является также финансовая аренда (лизинг). Как указано в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2024 г. № 17АП-8153/2023-ГК по делу № А60-66967/2022, по смыслу статей 665 и 624 Гражданского кодекса РФ⁸, статей 2 и 4 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» договор выкупного лизинга представляет собой разновидность финансовых сделок, при которых интерес лизингодателя состоит в передаче лизингополучателю на возмездной основе финансирования на цели, установленные данным договором и предусматривающие приобретение какого-либо предмета. Этот предмет становится обеспечением интересов лизингодателя по возврату финансирования и поступает в его собственность, имеющую обеспечительный характер. Посредством внесения лизинговых платежей лизингополучатель осуществляет возврат предоставленного ему финансирования (возмещает закупочную цену предмета лизинга в совокупности с расходами по его доставке, ремонту, передаче лизингополучателю и т.п.) и вносит плату за пользование финансированием, определяемую, как правило, в процентах годовых на размер финансирования либо расчетным путем на основе разницы между размером всех платежей по договору лизинга и размером финансирования, то есть несет затраты, которые не понес бы, приобрести он необходимый ему предмет за счет собственных ресурсов. Свою правовую позицию суд обосновал ссылками на пункт 1 статьи 28 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», пункты 3.4–3.5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2005 г.

В действующем отечественном законодательстве присутствует единственное легальное определение финансовых сделок, которое следует признать весьма неудачным, даже с учетом специфики регулирования конкретных правоотношений (посредством обращения сторон сделки к оператору финансовой платформы). Пункт 7 части 1 статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» применительно к использованию финансовой платформы получателями финансовых услуг и финансовыми организациями или эмитентами определяет финансовые сделки как сделки по предоставлению услуг финансового характера. Законодатель, в частности, относит к ним:

- сделки по предоставлению банковских услуг;
- сделки по предоставлению страховых услуг;
- сделки по предоставлению услуг на рынке ценных бумаг;
- сделки с финансовыми инструментами;
- сделки по обеспечению исполнения кредитных (заемных) обязательств.

Важно отметить, что данный перечень не является исчерпывающим, так как, согласно указанной норме, правила финансовой платформы могут предусматривать и иные сделки по предоставлению услуг финансового характера.

Анализ данной нормы свидетельствует о бессистемном подходе к определению финансовых сделок. Прежде всего, как следует из закона, понятие финансовой сделки определяется через эту же категорию – «сделка», что вряд ли можно признать уместным. Кроме того, к сделкам по оказанию услуг финансового характера законодателем отнесены: сделки по оказанию услуг конкретными субъектами – банками и страховыми организациями; сделки по оказанию услуг в определенном сегменте финансового рынка – рынка ценных бумаг; сделки с определенными объектами – финансовыми инструментами. В качестве самостоятельного вида сделок названы сделки по обеспечению исполнения кредитных и заемных обязательств. Таким образом, законодатель определяет финансовые сделки посредством указания на услуги, которые оказываются получателям финансовых услуг конкретные субъекты – банки и страховые организации, то есть использует в качестве определяющего субъектный критерий.

В то же время действующее регулирование не содержит определения «банковская услуга», оперируя понятиями «банковские операции» и «сделки» через их перечисление в Законе о банках (ст. 5 «Банковские операции и другие сделки кредитной организации»). Справедливости ради отметим, что категория

«банковская услуга» в этом законе используется неоднократно, но ее содержание не раскрывается. Нормы части 3 статьи 6, части 1 статьи 24.1 содержат термин «получатели банковских услуг»; часть 2 статьи 30 использует понятие «стоимость банковских услуг»; части 2, 3, 4 статьи 30.1 упоминают «потребителей банковских услуг»; часть 2 статьи 32 закрепляет категорию «рынок банковских услуг». Полагаем, что в отсутствие законодательно закрепленной категории «банковская услуга» применение ее для определения финансовых сделок является неуместным.

Следует также отметить, что банковские операции и указанные в законе сделки могут осуществлять не только кредитные организации, имеющие статус банка, но и небанковские кредитные организации (например, расчетные небанковские кредитные организации, небанковские депозитно-кредитные организации). Поэтому в данном контексте корректнее говорить об услугах кредитных организаций, нежели о банковских услугах.

Действующее регулирование, в силу прямого указания закона, предоставляет возможность совершать банковские операции и сделки организациям, не являющимся кредитными: Банку России, государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ». В этой связи видится, что круг субъектов, имеющих право совершать финансовые сделки, как они означены в законе, не является корректным.

Федеральный закон от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» также не раскрывает дефиницию «страховые услуги», лишь упоминая о ней сразу в нескольких нормах (п. 2 ст. 6.2; п. 8 ст. 8 и др.). Поэтому данная категория может быть определена только через субъектов, которые эти услуги оказывают, без учета ее содержательной стороны.

Помимо страховых и банковских услуг, законодатель называет услуги на рынке ценных бумаг и сделки с финансовыми инструментами. В этой группе сделок также необходимо отметить целый ряд противоречий и несоответствий. И прежде всего то, что, говоря об услугах на рынке ценных бумаг, законодатель использует секторальный подход – определенный сегмент рынка, а применительно к сделкам с финансовыми инструментами объектный подход – финансовые инструменты.

Анализ подпункта 4 статьи 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции)

и пункта 5 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации⁹ позволяет сделать вывод о том, что под рынком понимается сфера обращения.

С. Р. Темирплатов предлагает рассматривать рынок ценных бумаг в широком и узком смысле¹⁰. По мнению автора, из содержания статьи 1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг) следует, что в узком смысле рынок ценных бумаг представляет собой отношения, «возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг... при обращении иных ценных бумаг в случаях, предусмотренных федеральными законами, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг». При этом под рынком ценных бумаг в широком смысле следует понимать отношения, которые связаны с выпуском и обращением любых ценных бумаг, в том числе векселей, чеков, закладных. По мнению Р. В. Чикулаева, под рынком ценных бумаг нужно понимать группу общественных отношений преимущественно экономического характера, возникающих между субъектами по поводу выпуска, обращения ценных бумаг, исполнения обязательств по ним, фиксации и перехода закрепленных в них прав и обязанностей¹¹.

К финансовым сделкам законодатель относит сделки по оказанию услуг на рынке ценных бумаг (например, оказание брокером возмездных услуг по совершению сделок с ценными бумагами или производными финансовыми инструментами как от своего имени, так и от имени клиента). Объектом указанных сделок выступают ценные бумаги и производные финансовые инструменты, совместно названные законодателем финансовыми инструментами. Понятие «финансовый инструмент» является родовым по отношению к ценным бумагам и производным финансовым инструментам. Дефиниции документарных и бездокументарных ценных бумаг содержатся в части 1 статьи 142 Гражданского кодекса Российской Федерации¹². Производный финансовый инструмент определяется законодателем как договор, предусматривающий одну или несколько из обязанностей, указанных в пункте 23 статьи 2 Закона о рынке ценных бумаг. Производный финансовый инструмент может иметь не

⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.

¹⁰ Темирплатов С. Р. Рынок ценных бумаг (статья подготовлена для системы КонсультантПлюс, 2023).

¹¹ Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. Г. Голубцов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Старт, 2023. С. 326.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.

более одного базисного актива, к которым, в частности, относятся ценные бумаги, товары, валюта, процентные ставки, уровень инфляции, химические показатели состояния окружающей среды и др. Действующее регулирование в ряду производных финансовых инструментов выделяет опционные договоры, фьючерсные договоры, форвардные договоры, своп-договоры (Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов»).

Другим видом финансовых сделок законодатель называет сделки с финансовыми инструментами – цennymi бумагами и производными финансовыми инструментами. По сравнению с предыдущим рассмотренным видом финансовых сделок в этом отсутствует указание на совершение сделок на рынке ценных бумаг, то есть отсутствует секторальный признак их совершения. В этой связи возникает вопрос о необходимости выделения их как самостоятельного вида, поскольку указание на сделки с финансовыми инструментами в полной мере охватывало и сделки на рынке ценных бумаг.

В качестве еще одного самостоятельного вида финансовых сделок законодатель называет сделки по обеспечению исполнения кредитных (заемных обязательств). Законодатель не раскрывает в анализируемом законе, какие именно обеспечительные сделки являются финансовыми. Пункт 1 статьи 329 ГК РФ в качестве способов обеспечения исполнения обязательств указывает на неустойку, залог, удержание вещи должника, поручительство, независимую гарантию, задаток, обеспечительный платеж и другие способы, предусмотренные законом или договором. Кроме того, к способам обеспечения относятся также государственная (муниципальная) гаранция (ст. 115 Бюджетного кодекса РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ), гарантирый взнос участника платежной системы в гарантый фонд платежной системы (ст. 29 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»). В судебной практике в качестве способа обеспечения обязательств заемщика по кредитному договору указано страхование жизни и здоровья заемщика¹³.

Полагаем, что при всем многообразии способов обеспечения исполнения обязательств отсутствие законодательно установленного перечня обеспечительных сделок, относящихся к финансовым сделкам, создает трудности в правоприменении и вызывает вопросы об обоснованности их отнесения к таковым.

¹³ Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2013 г. URL: <https://www.vsrif.ru/files/14310/>.

Стороной в сделке по предоставлению финансовой услуги – услугодателем – является финансовая организация или эмитент. Поэтому при определении сделок в качестве финансовых ключевыми субъектами выступают финансовые организации, к коим относятся «кредитные организации и некредитные финансовые организации, присоединившиеся к договору об оказании услуг оператора финансовой платформы в целях совершения финансовых сделок с получателями финансовых услуг, в том числе от имени эмитентов» (подп. 3 п. 1 ст. 2 Федерального закона «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»).

Как видно из приведенной нормы, к финансовым организациям относятся кредитные организации, определение которых содержится в части 1 статьи 1 Закона о банках («юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии Центрального банка Российской Федерации... имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом»).

Некредитные финансовые организации в действующем законодательстве России не получили своего определения. Законодатель в статье 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон о Центральном банке) дал их перечень, причем применительно к указанному закону. Следует отметить, что в соответствии с данной нормой статус некредитной финансовой организации определяется посредством указания на виды осуществляющей деятельности:

- профессиональные участники рынка ценных бумаг;
- управляющие компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда;
- специализированные депозитарии инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда;
- акционерные инвестиционные фонды;
- клиринговая деятельность;
- деятельность по осуществлению функций центрального контрагента;
- деятельность организатора торговли;
- деятельность центрального депозитария;
- репозитарная деятельность;
- деятельность субъектов страхового дела;
- негосударственные пенсионные фонды;
- микрофинансовые организации;

- кредитные потребительские кооперативы;
- жилищные накопительные кооперативы;
- сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы;
- деятельность оператора инвестиционной платформы;
- ломбарды;
- оператор финансовой платформы;
- операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов;
- операторы обмена цифровых финансовых активов.

Полагаем, что данный перечень некредитных финансовых организаций нельзя признать безупречным, поскольку в одних случаях законодатель называет конкретного субъекта правоотношения (кредитные потребительские кооперативы, микрофинансовые организации), в других случаях определяет некредитные финансовые организации через указание на вид деятельности (клиринговая деятельность), в третьих – соотносит субъекта и соответствующий сегмент финансового рынка (деятельность субъектов страхового дела).

Помимо этого, не все перечисленные в данной норме субъекты или виды деятельности могут быть признаны финансовыми организациями в рамках финансовой платформы. Так, названный некредитной финансовой организацией оператор финансовой платформы не может являться стороной финансовых сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы. Его услуги носят посреднический характер и направлены на обеспечение возможности совершения финансовых сделок между финансовыми организациями или эмитентами и получателями финансовых услуг. По этой причине оператор финансовой платформы с точки зрения закона «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» не может рассматриваться в качестве финансовой организации ни при каких обстоятельствах.

Столь же сложно представить себе осуществление ломбардной деятельности посредством использования финансовой платформы, поскольку основными видами деятельности ломбарда, в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах», являются следующие: 1) предоставление краткосрочных займов гражданам (физическим лицам) под залог принадлежащих им движимых вещей (движимого имущества), предназначенных для личного потребления; 2) хранение вещей. Представляется, что передача в залог движимого имущества и хранение вещей посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет не могут быть реализованы в связи с необходимостью фактической передачи вещи ломбарду.

Следует особо указать, что понятие «финансовая организация» используется во многих федеральных законах, однако само определение финансовой организации в них отсутствует. Законодатель только перечисляет виды финансовых организаций, при этом в каждом конкретном федеральном законе установлен собственный видовой перечень, отличный от перечней в других законодательных актах. Данные различия обусловлены целями, которые пред следуют те или иные законы. Например, Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в качестве финансовых организаций, которые обязаны осуществлять взаимодействие с финансовым уполномоченным, называет страховые организации (за исключением организаций, осуществляющих только обязательное медицинское страхование, и иностранных страховых организаций), микрофинансовые организации, кредитные потребительские кооперативы, ломбарды, кредитные организации и негосударственные пенсионные фонды. Заметим, что перечень названных финансовых организаций частично совпадает с перечнем некредитных финансовых организаций, приведенным в статье 76.1 Закона о Центральном банке.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» относит к финансовым организациям юридических лиц и предпринимателей без образования юридического лица, в роли которых выступают: брокеры; дилеры; управляющие; депозитарии; регистраторы; акционерные инвестиционные фонды, а также управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов; специализированные депозитарии; негосударственные пенсионные фонды; страховые, в том числе иностранные, организации; страховые брокеры, общества взаимного страхования; микрофинансовые организации; кредитные потребительские кооперативы; жилищные накопительные кооперативы, сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы; форекс-дилеры, инвестиционные советники. Данный закон, как и Закон о Центральном банке, в качестве финансовых организаций называет не только коммерческие, но и некоммерческие организации – потребительские кредитные кооперативы; еще одна его особенность – отнесение к финансовым организациям индивидуальных предпринимателей – инвестиционных советников.

Статья 180 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для целей указанного закона финансовыми организациями называет: кредитные организации; страховые организации;

профессиональных участников рынка ценных бумаг; негосударственные пенсионные фонды; управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов; клиринговые организации; организаторов торговли; микрофинансовые организации; кредитные потребительские кооперативы.

Закон о защите конкуренции определяет финансовую организацию как хозяйствующий субъект, оказывающий финансовые услуги. К финансовым организациям им отнесены (п. 6 ст. 4): кредитная организация; иностранный банк, осуществляющий деятельность на территории Российской Федерации через свой филиал; профессиональный участник рынка ценных бумаг; организатор торговли; клиринговая организация; микрофинансовая организация; кредитный потребительский кооператив; субъект страхового дела; негосударственный пенсионный фонд; управляющая компания инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов; специализированный депозитарий инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов; ломбард (финансовая организация, поднадзорная ЦБ РФ), лизинговая компания (иная финансовая организация, финансовая организация, не поднадзорная ЦБ РФ).

По результатам проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, в доктрине и в законодательстве отсутствует дефиниция финансовой сделки. Во-вторых, доктринальный подход к перечню финансовых сделок существенно отличается от подхода законодателя к финансовым сделкам, перечисленным в Федеральном законе от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы». В-третьих, вышеуказанный закон содержит ряд противоречий, связанных с определением финансовых услуг, составляющих предмет финансовых сделок, дублируя эти услуги, а также некорректно определяя финансовые организации, оказывающие эти услуги в рамках финансовой платформы. В-четвертых, действующее российское законодательство, используя синонимическое понятие «финансовая организация», вкладывает в его содержание различное понимание этих субъектов.

Думается, что в юридической науке и в законодательстве в целях единообразного регулирования должны быть сформированы унифицированные подходы к определению финансовых сделок и финансовых организаций.

Библиографический список

Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018.

Гражданский кодекс Российской Федерации: Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018.

Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки: учеб. для магистратуры. М.: Проспект, 2024.

Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019.

Иванов О. М. Поиск баланса интересов при регулировании банковских сделок: проблемы законотворческого процесса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 102–121.

Кузнецова О. А. Проблемы формирования терминологического аппарата гражданского законодательства // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 12 декабря 2014 г.) / под ред. Н. А. Баринова, С. Ю. Морозова. М.: Проспект, 2015. С. 86–91.

Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: моногр. М.: Юстицинформ, 2023.

Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2023.

Темирплатов С. Р. Рынок ценных бумаг (статья подготовлена для системы «КонсультантПлюс», 2023).

УДК 347.5
DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-98-112

Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования

Д. А. Казанцев

Кандидат юридических наук,
член Совета ТПП РФ по развитию системы закупок

Торгово-промышленная палата Российской Федерации
109012, Россия, г. Москва, ул. Ильинка, 6/1, с. 1

E-mail: info@dkazantsev.ru

Аннотация: повсеместное распространение технологий роботизации требует регулирования тех, пусть пока еще немногочисленных, случаев, в которых следствием действий робота стало причинение вреда физическому или юридическому лицу. Этот вопрос, в свою очередь, требует анализа самого феномена деликтоспособности робота и искусственного интеллекта в целом. То, что искусственный интеллект сегодня не может называться субъектом права, не означает отсутствия правовой ответственности за причиненный им вред. Для таких случаев необходима разработка матрицы ответственности правовых субъектов, влияющих на результаты работы ИИ. Не претендую на исчерпывающее изложение всех вариантов решения данной проблемы, настоящая статья приглашает к размышлению на эту тему. Ведь вопрос правовых последствий причинения вреда искусственным интеллектом не является сугубо теоретическим, а прямо влияет на перспективы распространения цифровых технологий.

Ключевые слова: право; правовое регулирование; правовая субъектность; правовая ответственность; причинение ущерба; деликтное обязательство; деликтоспособность; инновационные технологии; робот; искусственный интеллект

© Казанцев Д. А., 2025

Tort Liabilities Arising from Actions of Artificial Intelligence: Problems and Prospects for Legal Regulation

D. A. Kazantsev

Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
6/1, Ilyinka st., of. 1, Moscow, 109012, Russia

E-mail: info@dkazantsev.ru

Abstract: *the widespread distribution of robotic technologies requires regulation of cases where a robot has caused harm to an individual or legal entity. This issue requires an analysis of the phenomenon of the robot's tort capacity and artificial intelligence in general. The fact that AI today cannot be called a subject of law does not mean the absence of legal liability for the harm caused by it. For such cases, it is necessary to develop a matrix of liability of legal entities that influence the results of AI work. Without being an exhaustive presentation of all options for solving this problem, this article invites you to reflect on this topic. After all, the issue of the legal consequences of harm caused by artificial intelligence is not purely theoretical, but directly affects the prospects for the spread of digital technologies.*

Keywords: *law; legal regulation; legal subjectivity; legal liability; causing damage; tortious obligation; tort capacity; innovative technologies; robot; artificial intelligence*

Бедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы экономических и социальных отношений на наших глазах превращается из экспериментального процесса в ординарный. Как точно сформулировано в Указе Президента России «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», сегодня «технологическое лидерство в области искусственного интеллекта может позволить государствам достичь значимых результатов по основным направлениям социально-экономического развития»¹.

Однако роботизация производств и все более широкое использование технологий ИИ в различных аспектах повседневной жизни переводят вопрос о правовых последствиях причинения роботом вреда человеку из теоретической плоскости в практическую. Отсутствие соответствующего регулирования создает правовой вакуум, который потенциально может породить ситуацию

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024).

отсутствия ответственности за целую группу правонарушений. Это, в свою очередь, с неизбежностью повлечет стремление физических и юридических лиц избегать, насколько это возможно, вовлечения в такие правоотношения, в которых потенциальное нарушение их прав и законных интересов не будет иметь никаких последствий. Проще говоря, неурегулированная правовая ответственность ИИ – это один из ключевых факторов депопуляризации повседневного использования цифровых технологий, а значит, и важное препятствие на пути их развития.

Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданскому праву «Правила робототехники», указав на возрастающую актуальность вопроса об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, отмечает вместе с тем, что действующее законодательство не позволяет привлечь ИИ даже в случае, когда наносится ущерб третьим лицам². Регламент Европейского союза «Об искусственном интеллекте» объединяет защиту от вредного воздействия систем ИИ с поддержкой инноваций и включает их в число наиболее важных целей соответствующего регулирования³.

Для реализации риск-ориентированного подхода в этом акте выделены четыре категории направлений использования ИИ:

- 1) категория недопустимого риска: биометрическая идентификация и категоризация людей, система социального рейтинга и т.п.;
- 2) категория высокого риска: использование ИИ с потенциальной возможностью создания прямой угрозы жизни и здоровью человека – например, на транспорте или в медицине;
- 3) категория ограниченного риска: использование чат-ботов, нейросетей для создания информационного контента;
- 4) категория минимального риска: вспомогательные программы, видеоигры, рекомендательные системы.

Таким образом, представление о том, что использование ИИ может создать высокий или даже недопустимый риск для жизни, здоровья, прав и законных интересов людей, получило нормативное закрепление. Причем для

² European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).

³ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act).

реализации такого риска вовсе не обязательны злонамеренные действия ИИ. В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос об определении «правовой природы искусственного интеллекта: рассматривать как физических лиц, как юридические лица, как животных или объекты либо создать новую категорию, с ее собственными особенностями и последствиями в отношении присвоения прав и обязанностей, включая ответственность за ущерб»⁴.

За пределами этой статьи остается вопрос условности понятия искусственного интеллекта на текущем уровне научно-технического развития. Ведь при рассмотрении правовых последствий причинения вреда ключевым является другой вопрос: коль скоро действия искусственного интеллекта де-факто уже сегодня порождают юридические обязательства договорного характера, то тем более такие действия способны породить обязательство вследствие причинения вреда.

Важно не забывать о том, что юридическая значимость действий, совершаемых в цифровой среде, сегодня не имеет какого бы то ни было ограничения в сравнении с юридической значимостью действий, совершаемых за пределами такой среды. Более того, цифровизация и автоматизация юридически значимых действий стали сегодня частью правовой реальности – причем не в силу веяний моды, а в силу объективного облегчения правовых отношений. В частности, «это значительно упрощает подход к соблюдению юридико-технических средств при подготовке соответствующих актов реализации права. Применение устоявшихся правил юридической техники в этом случае происходит автоматически. <...> Единственным отличием электронной и письменной форм обращений здесь выступает способ проставления подписи»⁵.

Но это же самое обстоятельство означает и то, что работа в цифровой среде в целом и последствия действий ИИ в частности не могут и не должны оставаться вне правового регулирования. Недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и организациям, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта отнесены к основополагающим принципам развития ИИ в Российской

⁴ Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.

⁵ Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое право-судие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 134.

Федерации⁶. В связи с этим можно выделить три базовых подхода к решению вопроса о правовой ответственности за действия ИИ:

1) ИИ является субъектом права и сам должен нести ответственность за последствия своих действий;

2) ИИ не является субъектом права, так что правовая ответственность за последствия его действий невозможна;

3) ИИ не является субъектом права, а ответственность за последствия его действий должна возлагаться на определенный круг физических и/или юридических лиц.

Представляется, что с учетом уровня современного развития технологий и общественных отношений лишь один из трех означенных подходов имеет прикладное значение.

Правовая ответственность и правовая субъектность

Классическим набором элементов правовой ответственности принято называть одновременное наличие субъекта, субъективной стороны, объекта и объективной стороны. И если наличие объекта и объективной стороны не устраниется фактом причинения вреда в результате действий искусственного интеллекта, то наличие двух оставшихся факторов представляется в высшей степени дискуссионным.

Сам феномен деликтоспособности неразрывно связан с понятием правосубъектности. Предельно упрощая, лишь субъект права может нести правовую ответственность. Сторона, субъектом права не являющаяся, ответственности в правовом смысле не несет. Однако как быть в ситуации, когда причиной возникновения деликтных обязательств стали действия субъекта, не относящегося к субъектам права?

Сегодня разговоры о присвоении искусственному интеллекту статуса правового субъекта представляются преждевременными. Сложно не согласиться с мнением о том, что «применение цифровых технологий с использованием искусственного интеллекта на современном уровне его развития не означает появления новых общественных отношений, качественно отличающихся от существующих», а «искусственный интеллект не выступает в качестве цифрового субъекта права в отношениях по обороту цифровых прав

⁶ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.

в информационной системе оператора. Последний, используя в предпринимательстве цифровые технологии, применяет в бизнес-моделях элементы искусственного интеллекта, которые не порождают цифровых правоотношений»⁷. Иными словами, искусственный интеллект, являясь инструментом для реализации традиционных хозяйственных отношений на новом технологическом уровне, не порождает принципиально новых правовых отношений.

Этот вывод верен и с онтологической точки зрения. Навыки обработки больших объемов информации, в том числе с использованием технологий самообучения, не могут создать мышление и сознание, подобные человеческому. На сегодняшний день наиболее реалистичной выглядит концепция искусственного интеллекта как программно-аппаратного комплекса, не имеющего с человеческим разумом ничего общего в плане сущности мышления, однако способного при этом решать аналогичные по сложности либо более сложные задачи⁸.

И коль скоро сходство не означает тождество, то присвоение роботу антропоморфных черт не означает обретения им тождества с человеком. А значит, и с точки зрения достигнутого сегодня уровня развития техники, и с точки зрения актуального уровня развития права «очевидна несостоятельность предложения о признании за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица, и, несмотря на использование принципов работы человеческого мозга для построения системы искусственного интеллекта, принципы правового регулирования статуса физического лица не могут быть применены к профессиональному интеллекту»⁹.

Несмотря на стремительное развитие нейросетей и технологий роботизации, все еще остается актуальным вывод о том, что «придание роботам (системе искусственного интеллекта) статуса субъекта права не повлечет за собой в обозримом будущем каких-то явных негативных последствий. В то же время не видны и преимущества такого решения по сравнению с рассмотрением роботов (систем искусственного интеллекта) в качестве квазисубъектов права. Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней необходимости... полагаем, что введение в правовую сферу такого

⁷ Андреев В. К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 16–17.

⁸ Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition / A. Y. Bokovnya et al. // Revista San Gregorio. 2020. Vol. 41. Pp. 115–121.

⁹ Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5. С. 33.

принципиально нового субъекта права, как робот (система искусственного интеллекта), является преждевременным (хотя не исключено, что такая необходимость появится)»¹⁰. Присвоение ИИ прав человека стало бы сугубо некорректной экстраполяцией свойств человека на ИИ¹¹, не учитывющей ни специфики человека, ни специфики искусственного интеллекта.

Об этом особенно важно помнить тогда, когда функциональная грань между юридически значимой деятельностью человека и юридически значимыми действиями ИИ истончается. Например, «внедрение технологии искусственного интеллекта в международный коммерческий арбитраж способствует сокращению времени на ведение арбитража и, как следствие, снижению затрат, что повышает степень доверия сторон к арбитражу. На сегодняшний день использование технологий на основе искусственного интеллекта не вызывает принципиальных опасений, поскольку арбитраж завершается решением, которое выносится арбитрами-людьми. Однако главный вопрос, который пока не получил окончательного ответа, заключается в том, могут ли арбитры-люди быть заменены арбитрами с искусственным интеллектом»¹². Представляется, что на достигнутом уровне общественного и технологического развития ответ на этот вопрос должен оставаться отрицательным: использование ИИ в том числе в арбитраже не вызывает существенных опасений именно потому, что финальное решение принимается человеком, обладающим специальной правовой компетенцией.

Право – по крайней мере, в нынешнем его виде – сугубо антропоцентрично. Правовыми нормами регулируются действия людей и отношения между людьми в обществе. Даже тогда, когда мы имеем дело с правовой фикцией, возложение ответственности, например, на юридическое лицо на практике означает возникновение неблагоприятных последствий для конкретных физических лиц: руководителя, сотрудников, собственников и т.д. При этом важно подчеркнуть, что правовой принцип соразмерности требует возложения ответственности именно на тех лиц, действиями которых прямо или косвенно было обусловлено возникновение деликтных обязательств.

¹⁰ Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 105.

¹¹ Duffy S. H., Hopkins J. P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16, № 3. P. 111.

¹² Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 61. С. 494.

Очевидным образом такого рода правовая конструкция неприменима к случаям возникновения деликтных обязательств в результате деятельности искусственного интеллекта. Однако невозможность применения той или иной конструкции не должна означать невозможность самой ответственности. Исключение ответственности – например, из-за распространения на ситуации причинения вреда работом правового режима обстоятельств непреодолимой силы – очевидным образом создало бы пространство для злоупотреблений, вплоть до использования технологий ИИ для совершения преступлений, которые в этом случае оставались бы безнаказанными. Но как же тогда надлежит регулировать вопросы правовой ответственности за действия искусственного интеллекта?

Соотношение субъекта и инструмента

В самом первом приближении необходимо уяснить (а где возможно, и закрепить в нормативных актах) корректное соотнесение ролей человека и искусственного интеллекта в хозяйственных и правовых отношениях. По общему правилу, следует признать недопустимым возложение на ИИ принятия ключевых решений по вопросам, затрагивающим права и законные интересы третьих лиц. Эти решения должны оставаться исключительной прерогативой человека.

Дело здесь не только и не столько в упомянутом выше принципе антропоцентризма права. Точнее, это обстоятельство обусловлено вовлечением человека в круг потенциальных последствий деятельности робота уже не в качестве субъекта, а в качестве объекта. Например, в случае принятия решения об аварийном отключении мощностей электростанции или аварийном сбросе воды из водохранилища даже самый продвинутый алгоритм в отсутствие сложных дополнительных настроек будет оценивать сугубо экономические последствия каждого из потенциальных решений. И вполне может оказаться, что внезапное затопление близлежащего поселка искусственный интеллект сочтет в данной ситуации экономически целесообразным.

Это возвращает нас к понятию субъективной стороны правонарушения. Высококлассная команда разработчиков может создать алгоритм, позволяющий до известной степени включить в механизм принятия решения роботом интересы человека в качестве наиболее высокого приоритета. Но даже она не в силах придать роботу морально-этические свойства человека, имитировать нравственные переживания и психоэмоциональное отношение к совершаемому

действию. Не нужно забывать: методы мышления человека и методы обработки информации условным искусственным интеллектом качественным образом отличаются. Это два разных типа обработки информации, каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками. И даже при наличии сходных целей неуместно переносить на один тип свойства другого. За пределами данной статьи остается дискуссия о возможности наличия у искусственного интеллекта сознания как такового. Но едва ли можно ожидать от искусственного интеллекта сознания именно человеческого типа.

В этих условиях лишь человек – при этом обладающий и надлежащей экспертизой, и развитыми этическими установками, и именно антропоцентричной аксиологией – может принимать в пределах предоставленных ему полномочий решения, затрагивающие ключевые права и законные интересы другого человека. И потому сегодня искусственный интеллект может быть лишь источником данных для эксперта, а не заменой этого эксперта. Более того, не теряет своей актуальности правило: использование ИИ тем целесообразнее, чем меньше оно влияет на жизнь и здоровье физических лиц. При соблюдении данного правила не требуются новые правовые конструкции. Вопросы деликтоспособности вполне могут решаться с помощью существующих правовых механизмов, пусть даже адаптированных к использованию такого специфического инструмента, как искусственный интеллект.

Но как быть в ситуации, когда устранение человека от принятия решений и составляет саму суть роботизации?

В качестве понятного примера можно привести роботизированное такси, автопилот морского судна или робота для микрохирургических операций. Технологическая сложность выполняемых ими задач прямо обуславливает экономическую и прикладную целесообразность устранения человека от контроля за этими операциями. Проще говоря, если за рулем находится водитель, то робот в таком такси уже не нужен, а если такси управляет роботом, то наличие водителя нивелирует экономические преимущества от роботизации такси. Именно для подобных ситуаций важно формирование новых правовых механизмов регулирования ответственности за действия искусственного интеллекта.

Теоретик и историк права может справедливо предположить, что в данной ситуации актуально не столько изобретение новых правовых конструкций, сколько обращение к старым, давно забытым правовым моделям. Речь идет, например, о модели взаимоотношений *pater famalias* и раба в римском праве.

При таком подходе «правовое положение ИИ становится тождественным или близким тому, которое было у римских антропоморфных коллективных организаций, либо еще более редуцированным – раба, домочадцев, детей, в том числе *filius in potestate tua est*¹³. Однако простой принцип «за все действия раба правовую ответственность несет хозяин» невозможно механистически перенести на модель распределения ответственности за последствия действий робота.

Это отнюдь не означает, что современный искусственный интеллект более сложен в психоэмоциональном аспекте, чем, например, древнеримский гладиатор. Наоборот, при исследовании первопричин того или иного решения искусственного интеллекта мы можем с легкостью выделить по меньшей мере несколько ключевых субъектов, причем каждый из этих субъектов будет являться физическим лицом, юридическим лицом либо группой лиц. «Отношения с использованием искусственного интеллекта – это всегда отношения между субъектами права или по поводу объектов права. В любом случае это отношения, которые на том или ином этапе инициированы, запограммированы человеком – субъектом права с той или иной степенью ответственности (в том числе в рамках деятельности юридических лиц). Волеизъявление человека на те или иные действия искусственного интеллекта может быть выражено в разной степени: от действий ИИ, находящихся под полным контролем воли человека, до автономных действий ИИ, опять же допускаемых и осознаваемых в своих... пределах и последствиях человеком (группой лиц)»¹⁴.

Эта возможность, в свою очередь, должна стать основой для выстраивания модели субсидиарной ответственности¹⁵ за действия искусственного интеллекта между теми правовыми субъектами, которые могли прямо или косвенно на них повлиять. Речь идет о таких субъектах, как владелец ИИ, пользователь ИИ, разработчик ИИ, а также третьих лицах. Именно на балансе прав, обязанностей, ответственности данных субъектов и представляется целесообразным базировать матрицу распределения правовой ответственности за последствия действий ИИ.

¹³ Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 22.

¹⁴ Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 9. С. 64–65.

¹⁵ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 96.

Вопрос о деликтоспособности искусственного интеллекта уже не первый год затрагивается в теоретико-правовых работах¹⁶. Специальные исследования, как правило, содержат выводы о субсидиарной ответственности или же матрице ответственности, на основании которой вопрос о возложении неблагоприятных правовых последствий решается индивидуально, с учетом комплекса факторов в каждом конкретном случае¹⁷.

Разумеется, мы не можем применить уголовное или административное наказание к профессиональному интеллекту. Любая мера ответственности, примененная к ИИ, повлечет за собой неблагоприятные последствия для его пользователя: например, административный запрет на работу ИИ в течение определенного срока будет означать издержки не для самого ИИ, а лишь для того субъекта, который использовал данную систему ИИ в своей хозяйственной деятельности.

Именно этот тезис является отправной точкой для конкретизации абстрактного тезиса об индивидуализации решения о распределении ответственности в каждом конкретном случае с учетом комплекса факторов. «Фиксация в законе новых систем ИИ потребует рассмотрения вопроса о признании их источником повышенной опасности»¹⁸, и владелец профессионального интеллекта в таком контексте предстает владельцем источника повышенной опасности. По умолчанию ответственность за неблагоприятные последствия деятельности профессионального интеллекта несет его владелец – но лишь до тех пор, пока не доказана вина иных лиц. Так, например, по результатам проведения экспертизы (а при необходимости и следственных действий) может быть доказано, что неблагоприятные последствия возникли в силу фундаментальных недочетов разработки. «...Когда система профессионального интеллекта приобретается встроенной в другие товары (например, в автомобиль), то представляется маловероятным, что подобные договорные исключения (например, между производителем автомобиля и поставщиком программного обеспечения профессионального интеллекта) могут быть успешно переложены на покупателя автомобиля. В то же время интерес представляет идея о возможности установления границ ответственности разработчиков

¹⁶ Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, № 2. Pp. 214–247.

¹⁷ Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4, № 1. Pp. 81–130.

¹⁸ Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 73.

за дефекты создания выпущенных в оборот систем искусственного интеллекта»¹⁹.

Теоретико-правовое решение вопроса о распределении ответственности за действия ИИ, повлекшие причинение ущерба физическим и/или юридическим лицам, необходимо в качестве базы для регулирования практических аспектов последствий наступления такой ответственности. Например, как указано в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г., «требуется дальнейшая проработка механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия, доработки при необходимости механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности, а также возможности использования способов, позволяющих возместить причиненный действиями систем искусственного интеллекта и робототехники вред (например, страхование ответственности, создание компенсационных фондов и др.)»²⁰.

Перспективы регулирования ответственности за действия робота

Вопрос об ответственности за последствия действий искусственного интеллекта представляется актуальным не только в теоретико-правовом аспекте, но и в прикладном. И в целом этот вопрос уже сегодня может быть решен положительно, поскольку умышленная или по меньшей мере неосторожная вина «посредников ИИ (разработчиков и пользователей) в случае нанесения вреда системой ИИ может быть вполне вероятной, юридически и экспертизно доказуемой»²¹. А значит, уже сегодня представляется реализуемым на практике и принцип «разграничения ответственности организаций-разработчиков

¹⁹ Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 1(58). С. 703.

²⁰ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 авг. 2020 г. № 2129-р.

²¹ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 41.

и пользователей технологий искусственного интеллекта исходя из характера и степени причиненного вреда»²².

Это, в свою очередь, в совокупности с кратко изложенными выше тезисами дает основания для следующих ключевых выводов:

1. Вопрос об ответственности за последствия решений искусственного интеллекта актуален сегодня для национальной организации повседневных отношений, а отказ от регулирования этого вопроса может стать препятствием если не для научно-технического прогресса, то по крайней мере для популяризации цифровых технологий.

2. Текущий уровень развития и права, и технологий искусственного интеллекта не позволяет рассматривать робота в качестве субъекта правовых отношений или субъекта правовой ответственности.

3. Невозможность признания деликтоспособности за искусственным интеллектом не означает необходимости признания за ним статуса форс-мажора или невозможности ответственности за последствия действий искусственного интеллекта.

4. Ответственность за последствия действий искусственного интеллекта распределяется между его создателями, его владельцами, его пользователями и иными лицами, вовлеченными в использование робота в той степени, которая влияет на результаты работы искусственного интеллекта.

5. Комбинация ответственности, в том числе субсидиарной, в каждом конкретном случае зависит от того, чьи действия повлияли на принятие искусственным интеллектом того решения, следствием которого явилось возникновение деликтных обязательств.

Таким образом, формальная невозможность возложить наказание или иную меру правовой ответственности на робота уже сегодня отнюдь не препятствует полноценному включению отношений с использованием технологий искусственного интеллекта в сферу правового регулирования, в том числе и в части правовых последствий причинения вреда. Эти инновационные технологии требуют правового регулирования, однако сами по себе не создают ни новых правовых институтов, ни принципиально новых правовых конструкций. А значит, при должном подходе к существенному осмыслению технологической компоненты такое регулирование может быть успешно реализовано в рамках существующей системы права.

²² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490.

Библиографический список

Андреев В. К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 11–17. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-4-11-17.

Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69–74. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-69-74.

Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной право-субъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 12–31. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-3-12-31.

Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5. С. 30–33. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-5-30-33.

Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 32–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.060.

Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1(59). С. 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141.

Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17-323/2072-8166-2019-2-79-102.

Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 3(61). С. 479–498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498.

Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 94–109. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.

Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-683-708.

Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 9. С. 63–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.063-072.

Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5, № 2. Pp. 214–247. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214.

Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4, № 1. Pp. 81–130. DOI: 10.2139/SSRN.2325879.

Duffy S. H., Hopkins J. P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16, № 3. C. 453–480.

Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition / A. Y. Bokovnya et al. // Revista San Gregorio. 2020. № 41. Pp. 115–121. DOI: 10.36097/rsan.v1i41.1489.

Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.

Информация для цитирования

Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // Ex jure. 2025. № 1. С. 98–112. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-98-112

Kazantsev D. A. Tort Liabilities Arising from Actions of Artificial Intelligence: Problems and Prospects for Legal Regulation. Ex jure. 2025. № 1. Pp. 98–112. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-98-112

УДК 349.444

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-113-125

О правилах пользования жилыми помещениями: переосмысление законодательных конструкций

Д. А. Формакидов

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права;
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: formakidov@yandex.ru

Аннотация: непрекращающееся реформирование жилищного законодательства России ставит задачу правового анализа принимаемых и действующих актов жилищного права. С 1 марта 2022 г. введены в действие новые Правила пользования жилыми помещениями, которые еще не стали предметом отдельного научного исследования. Статья содержит анализ динамики развития отечественного законодательства о правилах пользования жильем. Сделан вывод о возникновении Правил пользования жилыми помещениями как отдельного правового акта в связи с реформированием советского жилищного права в начале восемидесятых годов прошлого века и необходимостью принятия в первую очередь Типового договора социального найма. Анализ действующих Правил показал, что они содержат лишь дублирующие, бланкетные и отыскочные нормы права, что приводит к усложнению восприятия правовых норм, их непрозрачности, нарушению необходимых критериев формальной определенности, ясности и недвусмыслиности правовой нормы. Предложено исключить из статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации упоминание о необходимости принимать Правила пользования жилыми помещениями.

© Формакидов Д. А., 2025

Ключевые слова: жилищное право; жилые помещения; правила пользования жилыми помещениями; собственники; наниматели; ссудополучатели; пайщики

On Rules for the Use of Residential Premises: Rethinking Legislative Constructions

D. A. Formakidov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: formakidov@yandex.ru

Abstract: the ongoing reform of Russian housing legislation poses the task of legal analysis of adopted and existing acts of housing law. Since 1 March 2022, new Rules for the Use of Residential Premises have been enacted, which have not yet been the subject of a separate scientific study. The article analyses the dynamics of the development of domestic legislation on the rules for the use of residential premises. The conclusion is made about the emergence of the Rules for the Use of Residential Premises as a separate legal act in connection with the reform of Soviet housing law in the early eighties of the last century and the need to adopt, first of all, the Model Social Hire Agreement. The analysis of the current Rules for the use of residential premises has shown that they contain only duplicative, blanket and reference norms of law, which leads to complication of perception of legal norms, their opacity, violation of the necessary criteria of formal certainty, clarity, unambiguity of a legal norm. A proposal is made to exclude from Article 17 of the Housing Code of the Russian Federation mentioning the need to adopt the Rules for the use of residential premises.

Keywords: housing law; residential premises; rules for the use of residential premises; owners; tenants; lessees; shareholders

Жилищное законодательство непрерывно привлекает внимание исследователей-правоведов в связи с его социальной значимостью и крайней динамичностью. Сами жилищные отношения, складывающиеся в постсоветском обществе, вызывают очень много дискуссий, связанных с научными и практическими противоречиями. Это обусловлено в первую очередь тем, что с начала девяностых годов прошлого века в стране происходит кардинальный социально-экономический перелом, в процессе которого, наряду с прочим,

трансформируется система предоставления жилья: на смену существовавшей на протяжении десятилетий распорядительно-административной системе приходят новые способы удовлетворения жилищных потребностей граждан – рыночные, свободные, диспозитивные. В этих условиях формирование нового жилищного законодательства проходит сравнительно тяжело. Российская Федерация, предоставляя большинству своих граждан возможность самостоятельного решения жилищных проблем, не оставляет без внимания и нуждающихся в жилье социально уязвимых граждан. Все это порождает одновременное существование различных форм реализации жилищных прав. Такое разнообразие общественных жилищных отношений с неизбежностью приводит к реформированию давно известных жилищно-правовых институтов (таких, например, как социальный или коммерческий наем жилья, участие граждан в разных жилищных кооперативах) и одновременно к формированию новых правовых конструкций – речь в первую очередь о найме специализированных жилых помещений и наемных домов (помещений в наемных домах).

К сожалению, реформирование жилищного права происходит бессистемно, а зачастую и просто «по наитию», что закономерно приводит к появлению или сохранению лишних правовых норм – дублирующих друг друга, а иногда и прямо противоречивых положений. Можно допустить, что возникают и сохраняются не только излишние точечные нормы права (положения, статьи), но и дублирующие нормативные правовые акты. Так, на протяжении уже почти сорока лет в нашей стране действуют нормативные правовые акты, содержащие в названии оборот «Правила пользования жилыми помещениями». При этом данные акты практически никогда не были предметом серьезного научного исследования. Нам удалось обнаружить лишь две публикации¹, но и те, к сожалению, посвящены Правилам, на сегодняшний день уже утратившим силу. Зачастую Правила пользования жильем лишь вскользь упоминаются в текстах научных исследований².

¹ Аполлонов А. О., Страунинг Э. Л. О Правилах пользования жилыми помещениями // Жилищное право. 2006. № 5. С. 5–39; Петренко Л. Ф. Новые правила пользования жилыми помещениями // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76, № 10. С. 967–969.

² См., например: Кириченко О. В., Накушнова Е. В. Назначение жилого помещения и пределы его использования // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 32–34; Побережная И. Ю., Побережный С. Г., Щеткин Д. С. К вопросу о признаке пригодности для постоянного проживания в современном жилищном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 34–36; Суслова С. И. О запрете и ограничении содержания домашних животных в жилых помещениях: проблемы правового регулирования и тенденции правоприменения // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 41–44.

В указанных обстоятельствах в настоящей статье мы затронем только один аспект жилищного права, на примере которого явно видны просчеты российских правотворцев в части формирования жилищного законодательства, – систему норм, устанавливающих правила пользования жилыми помещениями.

Проведем небольшой ретроспективный анализ.

Статьей 50 Жилищного кодекса РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР 24.06.1983, далее – ЖК РСФСР) было предусмотрено, что «пользование жилыми помещениями в домах государственного и общественного жилищного фонда осуществляется в соответствии с договором найма жилого помещения и правилами пользования жилыми помещениями». При этом Типовой договор найма жилого помещения, а также Правила пользования жилыми помещениями, содержания жилого дома и придомовой территории утверждались Советом Министров РСФСР. На основании этой нормы Постановлением Совмина РСФСР от 25 сентября 1985 г. № 415 были утверждены Правила пользования жилыми помещениями, содержания жилого дома и придомовой территории в РСФСР и Типовой договор найма жилого помещения в домах государственного, муниципального и общественного жилищного фонда в РСФСР.

Правила пользования представляли собой небольшой по объему документ, состоявший из четырех разделов, включающих всего 25 пунктов. Анализ этого документа позволяет констатировать, что утвержденные им положения не несли самостоятельной нормативно-смысловой нагрузки, так как лишь повторяли нормы права, содержащиеся в ЖК РСФСР, причем зачастую слово в слово. Редким исключением стал, например, пункт 11, согласно которому «содержание собак и кошек в отдельных квартирах допускается при условии соблюдения санитарно-гигиенических и ветеринарно-санитарных правил и правил содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах, а в квартирах, где проживают несколько нанимателей, – кроме того, лишь при согласии других нанимателей и совершеннолетних членов их семей. Содержание на балконах и лоджиях животных, птиц и пчел запрещается». Ни ЖК РСФСР, ни Типовой договор найма подобных норм не содержали.

Стоило ли принимать отдельный акт, не содержащий практически никаких норм, развивающих положения Жилищного кодекса и Типового договора? Очевидно, нет. Однако заметим, что Типовой договор и Правила пользования жилыми помещениями представляли собой две части одного нормативного правового акта и, по мысли советского законодателя, базовой частью являлись

положения именно Типового договора, в связи с чем и было предусмотрено принятие всего этого акта.

Положительной чертой Правил пользования жилыми помещениями, содержания жилого дома и придомовой территории в РСФСР было то, что они включали всего одну бланкетную и одну отыloчную нормы права. Далее мы увидим, каким образом обстоят дела в действующих нормах.

Следующим историческим витком в правовом регулировании норм пользования жильем стало принятие Жилищного кодекса Российской Федерации (федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ; далее по тексту также ЖК РФ). Частью 4 статьи 17 Жилищного кодекса РФ в первоначальной редакции было предусмотрено следующее: «Пользование жилым помещением осуществляется с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в этом жилом помещении граждан, соседей, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований законодательства, а также в соответствии с правилами пользования жилыми помещениями, утвержденными Правительством Российской Федерации». Федеральным законом от 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием осуществления полномочий Правительства Российской Федерации» в приведенную норму были внесены изменения, согласно которым в настоящее время правила пользования жилыми помещениями утверждаются не Правительством РФ, а уполномоченным им федеральным органом исполнительной власти – Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (далее – Минстрой России).

Исходя из предоставленных полномочий, Правительство РФ утвердило Правила пользования жилыми помещениями³ (далее – Правила 2006 года). Позднее, 14 мая 2021 г., на основании внесенных в ЖК РФ изменений, Приказом Минстроя России⁴ были утверждены новые Правила пользования жилыми помещениями (далее – Правила 2021 года).

Мы приводим обзор динамики жилищного законодательства в сфере регулирования правил пользования жилыми помещениями, чтобы показать, с какой завидной настойчивостью российский законодатель внедряет в жилищное

³ Об утверждении Правил пользования жилыми помещениями: постановление Правительства Рос. Федерации от 21 янв. 2006 г. № 25. Утратило силу.

⁴ Об утверждении Правил пользования жилыми помещениями: приказ М-ва строительства и жилищно-коммунального хозяйства Рос. Федерации от 14 мая 2021 г. № 292/пр. Срок действия документа – с 1 марта 2022 г. по 1 марта 2028 г.

право отдельный нормативный правовой акт, содержащий «важнейшие» правила использования жилья.

Пять из шести пунктов раздела I Правил 2006 года частично воспроизвели положения статей 15 и 17 ЖК РФ и некоторых положений постановления Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом». А пункт 5 этих Правил содержал крайне странную формулировку, согласно которой «право пользования жилым помещением имеют: наниматель жилого помещения (далее – наниматель) и члены его семьи – по договору социального найма жилого помещения; наниматель и граждане, постоянно проживающие с нанимателем, – по договору найма жилого помещения государственного и муниципального жилищных фондов коммерческого использования; наниматель и члены его семьи – по договору найма специализированного жилого помещения; собственник жилого помещения и члены его семьи; член жилищного или жилищно-строительного кооператива и члены его семьи». Отметим, что перечень здесь сформулирован как закрытый. При этом за его рамками остались целые группы субъектов жилищного права, и в том числе наниматели жилья по договорам коммерческого найма в частном жилищном фонде. Понять логику законодателя совершенно невозможно. Если предпринималась попытка перечислить субъектов пользования государственным и муниципальным жильем, то невозможно было забыть о временных жильцах, ссудополучателях в специализированном фонде и поднанимателях. Но тогда при чем тут собственник с членами своей семьи и пайщики кооперативов? Если же речь шла о лицах, имеющих прочную (постоянную) связь с жильем, то куда делись отказополучатели и рентополучатели – как правило, по жизненные пользователи жилья?

Правила 2006 года включали еще четыре раздела, «регулировавшие» пользование жилым помещением по договорам социального и специализированного найма, по договору коммерческого найма в государственном и муниципальном жилищных фондах, а также пользование жилым помещением в многоквартирном доме собственником жилья и членами его семьи. Заметим, что эти нормы были совершенно бесполезными, так как, по сути, воспроизвели требования, уже содержащиеся в Гражданском и Жилищном кодексах РФ и Типовых договорах найма.

Ранее мы отмечали, что Правила пользования жилыми помещениями не несут никакой нормативно-правовой нагрузки, поскольку повторяют нормы ЖК РФ в отношении лишь некоторых граждан, имеющих жилищные права⁵. Однако еще удивительнее выглядел раздел VI Правил 2006 года, содержавший один пункт, согласно которому «нарушение настоящих Правил влечет ответственность в соответствии с законодательством». Вообще Правила 2006 года содержали 20 бланкетных норм и 3 отсылочные.

В указанных обстоятельствах возникает очень много вопросов, но основной из них: для чего был создан рассматриваемый документ?

При этом в ряде случаев юристы полагали возможным использовать Правила в целях улучшения правового регулирования жилищных отношений. Так, П. В. Макеев считал, что в Правилах разумно было бы отразить перечень видов профессиональной деятельности, для осуществления которых допускается использовать жилое помещение⁶. А. Е. Польщикова отмечала, что ЖК РФ не в полной мере регламентирует многочисленные жилищные правоотношения и этот «определенный правовой вакуум» может быть восполнен в том числе Правилами пользования жилыми помещениями⁷.

Помимо откровенно бесполезных положений, Правила 2006 года содержали и ряд незаконных. На допущенные ошибки обращали внимание некоторые ученые. Так, Е. А. Шипунова писала: «Несмотря на прямое указание законодателя, закрепленное в Типовом договоре, пункт 16 Правил пользования жилыми помещениями устанавливает, что члены семьи нанимателя имеют равные с ним права и обязанности по пользованию специализированным жилым помещением. Необходимо отметить при разрешении данной коллизии, что вышеуказанные нормы Типового договора воспроизводят положения статей 31 и 100 ЖК РФ, то есть фактически нормы Правил пользования жилыми помещениями противоречат нормам Жилищного кодекса»⁸. При этом Е. А. Шипунова предлагала внести изменения в Правила, а не исключить этот акт из обращения ввиду того, что он лишь создавал путаницу для правоприменителя.

⁵ Формакидов Д. А. К вопросу о формировании общих положений о договоре найма жилого помещения // Жилищное право. 2017. № 1. С. 17–34.

⁶ Макеев П. В. О пределах использования жилого помещения по новому Жилищному кодексу Российской Федерации // Юрист. 2008. № 12. С. 38–43.

⁷ Польщикова А. Е. Предоставление и использование жилых помещений в общежитии // Жилищное право. 2009. № 3. С. 23–29.

⁸ Шипунова Е. А. Предоставление служебных жилых помещений // Жилищное право. 2009. № 2. С. 35–61.

На грубейшие ошибки в Правилах 2006 года обратил внимание и Верховный Суд РФ, признавший недействующим и не подлежащим применению подпункт «а» пункта 9 Правил в той мере, в какой эта норма требует согласия (в письменной форме) наймодателя на вселение нанимателем в занимаемое им по договору социального найма жилое помещение своего супруга, своих детей и родителей⁹.

С 1 марта 2022 г. введены в действие Правила 2021 года. Оценивая всю действующую систему правил пользования жилыми помещениями, можно заметить, что нормы о пользовании жилыми помещениями, то есть права, обязанности и ответственность жильцов, содержатся в нескольких нормативных актах. Уточним этот тезис.

Права, обязанности и ответственность:

1) собственников жилья и членов их семей (в том числе бывших членов их семей) урегулированы нормами части 1 ГК РФ (федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ), ЖК РФ, закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ), Правилами;

2) нанимателей жилья по договору коммерческого найма и граждан, постоянно с ними проживающих, – нормами части 2 ГК РФ (федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ), Правилами;

3) нанимателей жилья по договору социального найма и членов их семей – нормами части 2 ГК РФ, ЖК РФ, Типового договора социального найма жилого помещения (утвержден постановлением Правительства РФ от 21.05.2005 № 315), Правилами;

4) нанимателей жилья по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования и членов их семей – нормами части 2 ГК РФ, ЖК РФ, Типового договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования (утвержден постановлением Правительства РФ от 05.05.12. 2014 № 1318), Правилами;

5) нанимателей специализированных жилых помещений и членов их семей – нормами ЖК РФ, Типового договора найма жилого помещения для детей-сирот (утвержден постановлением Правительства РФ от 28.07.2013

⁹ О признании частично недействующим подпункта «а» пункта 9 Правил пользования жилыми помещениями, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 21 января 2006 г. № 25, а также об отказе в признании недействующим подпункта «в» пункта 8 Типового договора социального найма жилого помещения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2005 г. № 315: решение Верховного Суда РФ от 16 янв. 2008 г. № ГКПИ07–1022.

№ 548), Типовых договоров найма служебных жилых помещений, помещений в общежитиях, помещений маневренного фонда, помещений для беженцев и вынужденных переселенцев (утверждены постановлением Правительства РФ от 26.12.2006 № 42), Правилами;

6) пайщиков жилищных кооперативов (ЖК, ЖСК, ЖНК) и членов их семей – нормами ЖК РФ;

7) отказополучателей и рентополучателей – нормами ГК РФ и ЖК РФ;

8) ссудополучателей – нормами части 2 ГК РФ;

9) временных жильцов и поднанимателей – нормами части 2 ГК РФ и ЖК РФ.

Таким образом, можно констатировать сложное правовое регулирование практически всех групп общественных отношений по пользованию жилыми помещениями.

Скажем несколько слов о нашем отношении к такому двойному (тройному и т.д.) правовому регулированию. Совершенно очевидно, что наличие в нормах ГК РФ и ЖК РФ двух структурных единиц с совпадающим названием «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения» является не просто излишним, а, скажем прямо, недопустимым. Невозможно понять цель законодателя, который, по сути, «растасыкал» нормы о вещных правах на жилые помещения по двум кодексам. Не получилось у него развести вещные (гражданские) и жилищные отношения, не удалось создать стройную, логичную цепь правовых норм. В главе 18 части 1 ГК РФ содержатся в настоящее время пять статей, не несущих никакой смысловой нагрузки, за исключением, пожалуй, норм статьи 292 о правах членов семьи собственника жилья. ЖК РФ оказался составлен более подробно и последовательно в части регулирования вещных прав на жилье. При этом нормы о правах членов семьи собственника оказались раздробленными между статьей 292 Гражданского кодекса и статьей 31 Жилищного кодекса, что совершенно неудобно и нелогично.

Если рассматривать вопрос о том, в каком же из нормативных актов необходимо урегулировать вещные права на жилые помещения, то, пожалуй, логичнее в настоящее время сохранить правовое регулирование вещных отношений в жилищной сфере в нормах раздела второго Жилищного кодекса Российской Федерации. Это обусловлено его особой направленностью: ЖК РФ есть специализированный, отраслевой кодифицированный нормативный правовой акт. Кроме того, содержание раздела второго о правах собственника и членов его семьи коррелирует и с нормами о правах на общее имущество

собственников помещений многоквартирного дома, и с нормами о ТСЖ, которые содержатся именно в Жилищном кодексе РФ.

Говоря об обязательственных и корпоративных отношениях в жилищной сфере, также можно заявить о недопустимости расслоения правовой регламентации норм о найме жилья, существенных условиях сделок по отчуждению жилья, жилищной кооперации, ТСЖ между нормами Гражданского и Жилищного кодексов, учитывая наличие еще и Типовых договоров найма, а также Правил пользования жилыми помещениями. Все это приводит к усложнению восприятия правовых норм и их непрозрачности.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что законодательство России должно базироваться на критериях формальной определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы (формальной определенности закона), что обусловлено природой нормативного регулирования в правовых системах, основанных на верховенстве права, непосредственно вытекает из закрепленных Конституцией РФ принципа юридического равенства и принципа верховенства Конституции РФ и опирающихся на нее федеральных законов. Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению указанных конституционных принципов, реализация которых не может быть обеспечена без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями¹⁰.

При этом Правилами урегулированы права лишь собственников жилья и членов их семей, а также нанимателей жилья и членов их семей. За пределами нормативной регламентации остались временные жильцы, поднаниматели и члены их семей, пайщики жилищных кооперативов и члены их семей, отказополучатели, рентополучатели и ссудополучатели жилья.

Мы уже писали в ряде своих работ о необходимости внедрения в законодательство на уровне ГК РФ или ЖК РФ перечня граждан, имеющих право постоянного и временного пользования жилыми помещениями. Это необходимо хотя бы с позиций статьи 558 ГК РФ, согласно которой существенным условием

¹⁰ См., например: По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение “Берег”», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод “Микропровод”» и «Научно-производственное предприятие “Респиратор”»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 янв. 2010 г. № 1-П.

договора купли-продажи жилого помещения является перечень граждан, сохраняющих в соответствии с законом право пользования этим жилым помещением после его продажи. Это можно было сделать в рассматриваемых Правилах, что позволило бы констатировать, что в них есть хоть какой-то смысл. Однако в пункте 2 Правил представлен открытый перечень граждан, имеющих право пользования жилыми помещениями, в который включены лишь собственники и члены их семей, наниматели всех видов найма и члены их семей, и содержитя фраза «иные лица, пользующиеся жилым помещением на законных основаниях». Для чего внедрять в законодательство не замкнутые и даже не примерные перечни чего-либо или кого-либо, остается загадкой. Так, С. И. Суслова пишет: «Нельзя не обратить внимание на то, что в ранее действовавших Правилах пользования жилыми помещениями в качестве лиц, имеющих право пользования, прямо назывались наниматель и граждане, постоянно проживающие с ним по договору найма жилого помещения государственного и муниципального жилищных фондов коммерческого использования. В новых правилах, вступивших в силу с 1 марта 2022 г., о таком праве не упоминается. Это, безусловно, можно объяснить сугубо юридической техникой и объединением всех нанимателей по договору коммерческого найма в одну группу (без дифференциации субъекта – собственника жилья), однако оставляет повод усомниться в уверенности законодателя по вопросу о легитимности такой договорной конструкции»¹¹.

Структурно Правила 2021 года состоят из шести разделов: I. Общие положения; II. Пользование жилым помещением по договору социального найма; III. Пользование жилым помещением по договору найма специализированного жилого помещения; IV. Пользование принадлежащим гражданам и юридическим лицам на праве собственности жилым помещением в много квартирном доме; V. Пользование жилым помещением по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования; VI. Пользование жилым помещением по договору найма жилого помещения. Они также включают 5 бланкетных и 45 отыскочных норм!

Тщательный анализ всех норм, содержащихся в Правилах 2021 года, позволяет заключить, что среди них нет ни одной оригинальной (новой) нормы права! Каждый из разделов Правил лишь повторяет нормы ГК, ЖК или Типовых договоров найма жилых помещений. Между тем у Минстроя России

¹¹ Суслова С. И. Договор коммерческого найма жилого помещения, находящегося в публичной собственности // Закон. 2023. № 3. С. 69–77.

была отличная возможность урегулировать острые вопросы соседских отношений, устраниТЬ пробельность Гражданского и Жилищного кодексов хотя бы в части содержания животных и разведения растений в жилых помещениях и общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах.

Ретроспективный анализ показал, что нормативный акт с правилами пользования жильем возник в советский период в процессе реформирования в восьмидесятых годах прошлого столетия жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. Этот акт имел значение как содержащий одновременно Правила пользования жильем и Типовой договор найма государственного жилья. А потому можно допустить, что Правила пользования жилыми помещениями являютсяrudиментом жилищного законодательства, и констатировать их бессмысленность и усложнение системы норм жилищного права. В указанных обстоятельствах считаем необходимым предложить исключить из статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации упоминание о необходимости принимать Правила пользования жилыми помещениями и признать приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 14 мая 2021 г. № 292/пр утратившим силу.

Библиографический список

Аполлонов А. О., Страунинг Э. Л. О Правилах пользования жилыми помещениями // Жилищное право. 2006. № 5. С. 5–39.

Кириченко О. В., Накушнова Е. В. Назначение жилого помещения и пределы его использования // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 32–34.

Макеев П. В. О пределах использования жилого помещения по новому Жилищному кодексу Российской Федерации // Юрист. 2008. № 12. С. 38–43.

Петренко Л. Ф. Новые правила пользования жилыми помещениями // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76, № 10. С. 967–969.

Побережная И. Ю., Побережный С. Г., Щеткин Д. С. К вопросу о признаке пригодности для постоянного проживания в современном жилищном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 34–36. DOI: 10.18572/ 1999-477X-2023-5-34-36.

Польщикова А. Е. Предоставление и использование жилых помещений в общежитии // Жилищное право. 2009. № 3. С. 23–29.

Суслова С. И. Договор коммерческого найма жилого помещения, находящегося в публичной собственности // Закон. 2023. № 3. С. 69–77. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-3-69-77.

Суслова С. И. О запрете и ограничении содержания домашних животных в жилых помещениях: проблемы правового регулирования и тенденции правоприменения // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 41–44. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-5-41-44.

Формакидов Д. А. К вопросу о формировании общих положений о договоре найма жилого помещения // Жилищное право. 2017. № 1. С. 17–34.

Шипунова Е. А. Предоставление служебных жилых помещений // Жилищное право. 2009. № 2. С. 35–61.

Информация для цитирования

Формакидов Д. А. О правилах пользования жилыми помещениями: переосмысление законодательных конструкций // Ex jure. 2025. № 1. С. 113–125. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-113-125

Formakidov D. A. On Rules for the Use of Residential Premises: Rethinking Legislative Constructions. Ex jure. 2025. № 1. Pp. 113–125. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-113-125

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.132:004.9

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-126-141

Применение технологии веб-конференции в судебной деятельности

С. И. Афанасьева

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Аннотация: рассматриваются особенности применения технологии веб-конференц-связи в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве; обосновывается потребность унифицировать правовое регулирование применения судами средств веб-ВКС в ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ; подчеркивается необходимость легитимации понятия «веб-конференц-связь»; отмечается актуальность поэтапного внедрения веб-конференции в практику судов при рассмотрении уголовных дел. Обращается также внимание на насущность законодательного закрепления единых технических условий организации онлайн-заседаний; предлагается принять единый регламентный акт, детализирующий процедуру проведения судами веб-конференции по разным категориям дел; рекомендуется расширить перечень оснований отказа в проведении онлайн-заседания; отмечается целесообразность использования веб-ВКС в контрольно-проверочных стадиях всех видов процесса. В заключение делается

© Афанасьева С. И., 2025

вывод о необходимости гармонизации отечественного процессуального законодательства, регламентирующего применение дистанционной технологии веб-ВКС.

Ключевые слова: судебная деятельность; видеотехнологии; веб-конференция; процессуальное законодательство; гармонизация

The Use of Web Conference Technology in Judicial Activities

S. I. Afanaseva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Abstract: *the features of the use of web conferencing video technology in civil, administrative and arbitration proceedings are considered; the need for unification of legal regulation of the use of web-based videoconferencing by courts in the CPC of the Russian Federation, CAS of the Russian Federation and the Agro-industrial Complex of the Russian Federation is justified; attention is focused on the need to legitimize the concept of "web conferencing"; the relevance of the phased introduction of web-based conferences in the practice of courts in the consideration of criminal cases; attention is drawn to the urgency of legislating uniform technical conditions for the organization of online meetings; it is proposed to adopt a single regulatory act detailing the procedure for holding a web conference by courts on various categories of cases; it is recommended to expand the list of grounds for refusing to hold an online meeting; the expediency of using web-based videoconferencing in the control and verification stages of all types of process is noted; it is concluded that it is necessary to harmonize domestic procedural legislation regulating the use of remote web-based videoconferencing technology.*

Keywords: judicial activities; video technologies; web conference; procedural legislation; harmonization

Бедрение современных видеотехнологий позволяет нивелировать препятствия на пути к полноформатному использованию инструментария судебной защиты: географическую отдаленность территорий, пандемию инфекционных заболеваний и другие факторы, лишающие участников процесса возможности защищать свои права посредством личного присутствия в судебных

заседаниях. Действующий дистанционный формат рассмотрения дел в суде с использованием систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) и веб-конференц-связи (далее – веб-ВКС, веб-конференция) является новым процессуальным отечественным институтом, который, однако, уже весьма активно применяется в практике судов. Следует заметить, что в юридической литературе предлагается внедрять в практическую деятельность судов и другие перспективные видеотехнологии: видеомоделирование с использованием восполненной и/или виртуальной реальности, видеофиксацию, прокторинг, распознавание лиц на основе биометрических данных и др.¹

Актуализация внедрения технологии веб-ВКС обусловлена прежде всего пандемийным периодом, связанным с противодействием распространению коронавирусной инфекции COVID-19, когда Президиум Верховного Суда РФ и Президиум Совета судей РФ в постановлении от 8 апреля 2020 г. «О приостановлении личного приема граждан в судах» рекомендовали судам при наличии технической возможности и с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания с использованием системы веб-ВКС. В дальнейшем Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – ГПК РФ) был дополнен статьей 155.2, Кодекс административного производства Российской Федерации³ (далее – КАС РФ) – статьей 142.1, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ (далее – АПК РФ) – статьей 153.2, регулирующими участие в судебном заседании путем использования системы веб-ВКС. Данный закон вступил в силу с 1 января 2022 г. Анализ статистики применения веб-ВКС федеральными судами общей юрисдикции и арбитражными судами за 2022–2023 годы показывает, что в 2022 году российские суды провели свыше 500 тыс. судебных заседаний с использованием ВКС и свыше

¹ Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 21.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (ред. от 26.10.2024).

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (ред. от 08.08.2024).

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (ред. от 08.08.2024).

460 тыс. заседаний с применением веб-ВКС. На начало декабря 2023 года с использованием ВКС состоялось уже более 490 тыс. судебных заседаний, а с использованием веб-ВКС – 611 тыс., что свидетельствует о росте количества онлайн-заседаний.

Следует отметить превалирующее использование технологии веб-ВКС арбитражными судами. В частности, в Арбитражном суде Пермского края в 2022 году посредством веб-ВКС было завершено 7857 онлайн-заседаний, в 2023-м – 9621, а с 1 января по 30 июня 2024 г. – 5076. Приведенные статистические данные свидетельствуют о востребованности веб-конференции в судебной деятельности, когда участники с учетными записями, которые подтверждены в единой системе идентификации и аутентификации, могут обратиться с соответствующим заявлением в электронном виде через информационную систему «Мой Арбитр» (раздел «Картотека дел»). К заявлению тоже в электронном виде должны быть приложены документы, удостоверяющие личность и подтверждающие полномочия заявителя. При назначении судом даты и времени проведения веб-ВКС в картотеке появляется соответствующая запись. Участники арбитражного дела через вкладку «Онлайн-заседания» в соответствующей карточке дела могут подключиться к заседанию.

Данный сервис удобен для пользователей. Например, на сайте Арбитражного суда Пермского края имеется детальное описание вкладки «Онлайн-заседания», где указаны:

- 1) блоки заседаний;
- 2) в каждом блоке – список ходатайств об участии в онлайн-заседании с указанием участников, по каждому ходатайству – дата согласования (одобрения) ходатайства и данные о заявителе;
- 3) сведения об онлайн-заседании (дата и время; инстанция; ФИО судьи; предварительное или основное судебное заседание);
- 4) статус заседания («завершено», «запланировано», «онлайн-заседание идет»).

Ходатайство об участии в онлайн-заседании следует подавать заранее, не позднее чем за пять дней до даты судебного заседания. Заявленное ходатайство суд может отклонить по следующим причинам: не представлены соответствующие документы; неверно выбрана форма ходатайства; не указано, по какому обособленному спору в деле о банкротстве заявлено такое ходатайство; производство по делу не ведется в суде; номер дела, указанный в ходатайстве, не совпадает с номером дела, в рамках которого подано ходатайство;

отсутствие технической возможности. Зарегистрированное ходатайство подлежит последующей регистрации в программном комплексе «Судебно-арбитражное делопроизводство», далее – в автоматизированной информационной системе «Судопроизводство» (в графе «Примечание» сотрудник группы регистрации ставит отметку «Онлайн-заседание») и передается в судебный состав для рассмотрения ходатайства судьей или лицом, его замещающим.

На сайте суда размещена довольно подробная пользовательская инструкция по настройке онлайн-заседания, в которой содержатся сведения о рекомендуемом браузере, скорости соединения, портах и IP-адресах, а также ссылка на тестовую видеоконференцию, делающую возможной предварительную проверку качества аудио- и видеосвязи, корректности настройки портов и IP-адресов.

Порядок проведения онлайн-заседания определен приказом Арбитражного суда Пермского края от 14 февраля 2022 г. № 13-О «Об утверждении новой редакции Временного регламента организации участия в судебном заседании Арбитражного суда Пермского края с использованием системы веб-конференции информационной системы “Картотека арбитражных дел” (онлайн-заседания)».

Следует обратить внимание на активно обсуждаемые в юридической литературе проблемы технического характера, возникающие во время проведения онлайн-заседаний, такие как отсутствие законодательных требований к качеству видеооборудования, недостаточная техническая оснащенность судов, неисправность технического оборудования участника процесса, плохое качество или недостаточная скорость интернет-соединения и др. Думается, что внимательное ознакомление с пользовательской инструкцией и судебным регламентом по проведению онлайн-заседания, а также предварительное тестирование персональных устройств по применению веб-ВКС позволят участникам судебного заседания заранее устраниТЬ возникающие технические неполадки и сбои и настроить свои персональные гаджеты на соответствующий рабочий режим.

Для организации онлайн-заседаний суды общей юрисдикции и арбитражные суды вынуждены самостоятельно принимать аналогичные регламенты. Для введения унифицированных стандартов использования отечественными судами технологии веб-конференции следует принять единый акт, детализирующий данную процедуру. Например, для организации видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции и арбитражных судах

Судебный департамент при Верховном Суде РФ издал приказ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний». Такого рода документ требуется и для организации веб-конференций судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Мы уже отмечали, что в законодательстве не содержится легитимного закрепления понятия «веб-конференц-связь», но оно встречается в различных правоприменительных актах⁵. Под веб-конференцией (от англ. web conferencing) принято понимать технологии и инструменты для онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через сеть Интернет⁶.

Можно выделить особенности системы веб-ВКС, которые определяют высокую перспективность ее применения в отечественном судопроизводстве. Так, например, данная технология позволяет подключиться к судебному заседанию одновременно любым участникам процесса. Анализ гражданского процесса приводит к выводу о том, что в судебном заседании с использованием веб-ВКС могут участвовать:

- стороны, участвующие в деле;
 - третьи лица, вне зависимости от того, заявляют они самостоятельные требования о предмете спора или нет;
 - прокурор;
 - органы государственной власти, местного самоуправления, граждане и организации, управомоченные обращаться в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других субъектов;
 - дающие заключения государственные органы и органы местного самоуправления;
 - заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства;
 - специалист, эксперт, свидетель, переводчик.
- В административном деле по веб-ВКС могут участвовать:
- административный истец и административный ответчик;
 - взыскатель и должник по административным делам о вынесении судебного приказа;

⁵ Афанасьева С. И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видео-конференц-связи и веб-конференции в различных формах судопроизводства // Ex jure. 2023. № 4. С. 21–22.

⁶ Информация Верховного Суда РФ от 20 апр. 2020 г. «Верховный Суд России внедряет новый вид судебного производства». URL: <http://base.garant.ru/73920796/>.

- заинтересованные лица;
- прокурор;
- органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаемые к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу;
- эксперт, специалист, свидетель и переводчик.

В арбитражном процессе в судебном заседании при помощи веб-ВКС могут присутствовать лица, участвующие в деле, и иные участники:

- стороны;
- заявители и заинтересованные лица по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных предусмотренных АПК РФ случаях;
- третьи лица;
- прокурор;
- государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, граждане, обратившиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных АПК РФ.

Для организации веб-конференции необходимо соблюдение двух условий: во-первых, указанные лица должны заявить ходатайство о дистанционном участии посредством веб-ВКС; во-вторых, в суде должна быть техническая возможность осуществления веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ; 142.1 КАС РФ; 153.2 АПК РФ). При этом только в КАС РФ, кроме указанных условий, для организации веб-конференции требуется дополнительное – если для правильного рассмотрения и разрешения административного дела «необходимо участие в судебном заседании лица, которое по объективным причинам не имеет возможности лично присутствовать в судебном заседании» (ст. 142.1). В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 ноября 2022 г. № 34 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации”» прямо предлагает расширить перечень оснований отказа в онлайн-заседании, добавив к имеющимся основаниям (отсутствие технической возможности и закрытый характер судебного заседания) дополнительное – когда «лицо имеет возможность лично присутствовать в судебном заседании».

Некоторые авторы полагают, что при решении вопроса об организации судебного заседания посредством веб-ВКС суд должен исходить из приоритетного значения «естественного» суда, когда судебное разбирательство осуществляется в физическом, а не в цифровом, виртуальном пространстве, что дает больше возможностей для реализации таких конституционных начал правосудия, как устность, непосредственность, справедливость разрешения дела⁷. Другие авторы предлагают расширить законодательно установленный перечень оснований для отказа в удовлетворении ходатайства об онлайн-участии и наделить суд свободой усмотрения при разрешении ходатайства, позволяющей учитывать необходимость организации судебного процесса с соблюдением прав участников судопроизводства и рассмотрения дела в установленные законом сроки⁸.

Второй позиции придерживается и правоприменитель. Например, Верховный суд Республики Татарстан в обоснование принятого решения об отказе в онлайн-заседании указал, что проведение судебного заседания посредством веб-ВКС является не императивной обязанностью суда, а правом и, определяя необходимость применения этого права, суд исходит из существа рассматриваемого дела и технической возможности⁹.

Конституционный Суд РФ в своем определении от 29 сентября 2022 г. № 2592-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елькина Константина Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 142.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» подчеркивает, что участие посредством веб-конференции – это «дополнительный способ участия лица в судебном заседании» и данная норма «не препятствует лицам, участвующим в деле, иным способом довести до суда свою позицию» (дополнительные письменные объяснения по заявленным требованиям, которые могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанныго электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет).

⁷ Бурдина Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Российский судья. 2022. № 10. С. 52.

⁸ Потеева А. В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки // Арбитражные споры. 2021. № 2. С. 68.

⁹ Апелляционное определение Верховного суда Респ. Татарстан от 11 апр. 2023 г. № 33а-6649/2023.

Вместе с тем в судебной практике встречается противоположный подход – когда суды, вместо того чтобы отложить судебное заседание, начинают ради процессуальной экономии навязывать дистанционный формат участникам процесса, личная явка которых на конкретное судебное заседание по той или иной причине затруднительна. В этой связи И. Н. Кашкарова справедливо отмечает непреложность соблюдения баланса между действием принципа процессуальной экономии и полноценной реализацией права на судебную защиту в аспекте распределения процессуальных рисков при рассмотрении дела¹⁰. В практике судов случается, что участник, имея возможность дистанционно подключиться к судебному заседанию, злоупотребляет своим правом и настаивает на очном формате участия. Например, для увеличения суммы командировочных расходов представитель истца предпочел очный формат участия и тем самым причинил чрезмерные убытки истцу¹¹. Думается, что при определении формата предстоящего судебного заседания – онлайн или онлайн – необходимо учитывать мотивы, которыми руководствуется участник при выборе формы участия в судебном процессе.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в административном процессе веб-ВКС может использоваться как по ходатайству участников процесса, так и по инициативе суда. Думается, данный подход законодателя к регулированию указанных отношений предполагает достижение таких целей, как реализация принципа процессуальной экономии и соблюдение разумных сроков при рассмотрении соответствующей категории дел, а потому должен иметь место во всех формах судопроизводства, способствуя гармонизации российского процессуального регулирования.

Об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования системы веб-конференции суд должен вынести соответствующее определение. При отсутствии технической возможности организации веб-ВКС, а также в случае закрытого судебного заседания суд отказывает в удовлетворении ходатайства о дистанционном участии (ст. 10, 155.2 ГПК РФ; ст. 11, 142.1 КАС РФ; ст. 11, 153.2 АПК РФ). Но даже если суд отказывает в организации веб-ВКС из-за отсутствия технической возможности, он должен указать, по каким

¹⁰ Кашкарова И. Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // Закон. № 4. С. 180.

¹¹ Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 17 мая 2023 г. по делу № А63-3215/2023.

причинам он пришел к такому выводу¹². Например, «в связи с занятостью залов, оборудованных указанной системой» или «с учетом сформированного графика судебных заседаний»¹³.

Идентификация лица, то есть проверка его персональных данных, для участия в судебном заседании посредством веб-ВКС может осуществляться при помощи единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), единой информационной системы персональных данных (ЕИС), единой биометрической системы (ЕБС). В случае подтверждения соответствующих учетных записей его дистанционное участие в процессе становится возможным. Указанному лицу заблаговременно направляется информация в электронном виде, необходимая для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции (ст. 155.2, 177 ГПК РФ; ст. 142.1, 160 КАС РФ; ст. 56, 153.2 АПК РФ). При возникновении обоснованных сомнений относительно того, что в судебном заседании участвует лицо, прошедшее идентификацию или аутентификацию, суд откладывает разбирательство дела (ст. 169 ГПК РФ; ст. 152 КАС РФ; ст. 158 АПК РФ).

В юридической литературе развернулась дискуссия относительно возможности присутствия в онлайн-заседании сразу нескольких участников процесса с одного электронного устройства. Следует солидаризироваться с авторами, утверждающими, что, поскольку действующее правовое регулирование для входа в виртуальный зал предусматривает обязательную идентификацию каждого участника процесса через предварительную авторизацию в ЕСИА, любой участник процесса, намеревающийся подключиться к заседанию с использованием средств веб-ВКС, должен заранее подать ходатайство об этом, и только от своего имени¹⁴. При удовлетворении судом ходатайства такое лицо может участвовать в веб-процессе, то есть присутствовать в виртуальном зале заседания, причем исключительно с персонального электронного устройства. Таким образом, групповое использование одного электронного устройства для участия в судебном онлайн-заседании недопустимо.

¹² Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 17 апр. 2024 г. по делу № 33а-1103/2024.

¹³ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 апр. 2023 г. по делу № 88-6646/2023; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апр. 2023 г. № 88-6046/2023 по делу № 2-328/2022.

¹⁴ Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 216.

Стоит отдельно указать на возможность использования веб-конференции в предварительном судебном заседании, а не только когда дело рассматривается судом по существу. Такая возможность предусмотрена в административном, гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве. Следует, кроме того, отметить, что в соответствии со статьей 396 ГПК РФ веб-ВКС может применяться при рассмотрении вопроса «о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам».

При рассмотрении дел в рамках проверочных стадий гражданского судопроизводства допускается возможность дистанционного участия лиц, участвующих в деле, и других участников судебного процесса путем использования систем ВКС по правилам статьи 155.1 ГПК РФ, но не посредством веб-ВКС (ст. 327, 379.5, 390.12, 391.10 ГПК РФ). В административном судопроизводстве возможно использование веб-ВКС при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции (ст. 307 КАС РФ); в арбитражном – судами апелляционной и кассационной инстанций (ст. 266, 284 АПК РФ). Ни ГПК, ни КАС, ни АПК Российской Федерации не содержат правового регулирования судебного заседания при помощи технологии веб-ВКС на стадии надзорного производства.

Думается, для гармонизации отечественного процессуального законодательства следует предусмотреть унифицированные правила проведения веб-конференции в указанных формах судопроизводства в целом и на проверочных стадиях в частности. Потому что, как справедливо отмечено некоторыми авторами, в действующем административном, гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве установлены разные подходы к регулированию цифрового правосудия, хотя для этого отсутствуют какие-либо предпосылки, связанные с особенностями рассматриваемых дел¹⁵.

Применение веб-конференции позволяет актуализировать электронный документооборот в судах, так как участвующие в деле лица и иные участники посредством веб-ВКС уполномочены на подачу документов в суд в электронном виде. Со своей стороны суд, выполняя положения статей 142.1 КАС РФ, 153.2 АПК РФ и 155.2 ГПК РФ, заблаговременно направляет лицам, участвующим в деле, иным лицам, которые будут участвовать в веб-конференции, всю необходимую информацию в электронном виде. Кроме того, в ходе судебного заседания с применением веб-ВКС участвующие в нем свидетели, эксперты, переводчики дают суду подписку о том, что им разъяснены их обязанности и

¹⁵ Бурдина Е. В. Указ. соч. С. 52.

права и они предупреждены об ответственности за нарушение своих обязанностей как лиц, участвующих в процессе. Эта подпись предоставляется суду указанными лицами в форме электронного документа, который должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью.

В соответствии со статьями 229 ГПК РФ, 205 КАС РФ и 155 АПК РФ сведения об использовании веб-ВКС необходимо отражать в протоколе судебного заседания. В гражданском и административном судопроизводстве закреплена возможность видеозаписи судебного заседания. Однако ее следует признать во многом формальной, поскольку ни гражданским, ни административным процессуальным законодательством не предусмотрена обязанность секретаря судебного заседания или помощника судьи составить видеопротокол. Анализ положений статьи 153.2 АПК РФ, закрепляющей норму об обязанности составления протокола и производства видеозаписи судебного заседания с использованием веб-ВКС, материальный носитель которой приобщается к протоколу судебного заседания, позволяет сделать вывод о том, что действующее регулирование воспринимает видеозапись, несмотря на ее полноФорматность, только как приложение к протоколу на бумажном носителе. Полагаем, что в целях объективности следует констатировать обратное: видеозапись судебного заседания в гораздо большей степени обеспечивает объективацию процедуры заседания, гарантирует обеспечение процессуальных прав участников процесса и позволяет убедиться в достоверности представленных доказательств, нежели письменный протокол судебного заседания, который не всегда бывает объективным.

Думается, что необходимо на законодательном уровне закрепить обязательную фиксацию судебного заседания в соответствующем видеопротоколе, который в перспективе должен заменить и письменный, и аудиопротокол. На начальном этапе можно предусмотреть составление видеопротоколов заседаний судов при рассмотрении дел в первой и апелляционной инстанциях с применением системы веб-ВКС, а в дальнейшем – при проведении судебных заседаний в рамках других контрольно-роверочных стадий. Видеопротокол позволит объективировать не только процесс дачи показаний соответствующим участником, но и производство других судебных действий.

Внедрение цифровой технологии веб-ВКС гарантирует объективность и полноту исследования доказательства в судебном заседании. В гражданском судопроизводстве при помощи веб-ВКС могут быть исследованы такие доказательства, как объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей (ст. 55

ГПК РФ); в административном судопроизводстве – объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, письменные доказательства (ст. 59, 70 КАС РФ); в арбитражном судопроизводстве – объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса (ст. 64 АПК РФ). Так, например, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в своих определениях указывал нижестоящим судам по конкретным делам на возможность использования системы веб-конференции для допроса эксперта¹⁶; получения объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей¹⁷.

В развитие данных законодательных предписаний Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» обратил внимание судов на то, что при дистанционном участии лица, в целях оперативного рассмотрения дела и недопущения злоупотреблений правами со стороны участников судебного разбирательства, а также с учетом реальной возможности указанных лиц и их представителей прибыть в здание суда для ознакомления с материалами дела, суд вправе огласить материалы в необходимом объеме в судебном заседании с занесением соответствующих сведений в протокол при наличии ходатайства об ознакомлении с материалами дела.

Обсуждается в юридической литературе и вопрос о возможности исследования посредством веб-ВКС вещественных доказательств. М. А. Фокина полагает, что если осмотр вещественных доказательств требует исследования их свойств непосредственно, то использование веб-конференции не может быть рекомендовано судам. В случае когда вещественные доказательства имеют электронную форму или для их исследования вполне достаточно визуального осмотра, указанная технология допустима. Автор ссылается на положения части 2 статьи 74 ГПК РФ и части 4 статьи 78 АПК РФ, согласно которым фотография и видеосъемка вещественных доказательств являются допустимой фиксацией осмотра вещественных доказательств и прилагаются к протоколу осмотра¹⁸.

¹⁶ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 сент. 2024 г. № 88-14949/2024 (УИД 86RS0018-01-2023-000247-52).

¹⁷ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2024 г. № 88-4626/2024 (УИД 59RS0002-01-2022-003229-82).

¹⁸ Фокина М. А. К вопросу о некоторых концептах цивилистического процесса: итоги двух десятилетий // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 1. С. 33–34.

Еще одной процессуальной особенностью онлайн-заседания, организованного по веб-ВКС, является то, что лица, нарушающие порядок его проведения, после предупреждения могут быть отключены от веб-конференции на все время судебного заседания либо на его часть. Наказание за повторное нарушение предусматривает отключение от веб-конференции на все время судебного заседания (ст. 159 ГПК РФ; ст. 119 КАС РФ; ст. 154 АПК РФ). Таким образом, использование судом данной дистанционной технологии позволяет ему более оперативно реагировать на нарушения регламента проведения судебного заседания.

Анализируя применение видеотехнологий в отечественном судопроизводстве, можно заметить, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹⁹ не предусматривает веб-конференцию, закрепляя правовое регулирование использования только средств ВКС на предварительном расследовании и в суде, что уже можно оценить как прогрессивный шаг в реформировании весьма формализованной уголовной процедуры. Однако в научно-исследовательской литературе встречаются мнения о необходимости включения элементов веб-конференции в уголовное судопроизводство. Например, за счет технологии веб-конференции предлагается расширить возможности дистанционного участия свидетеля в уголовном процессе²⁰. Ряд авторов полагают, что веб-ВКС может быть применена при производстве некоторых следственных действий или при разрешении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу²¹.

Полагаем, что онлайн-заседания в уголовном судопроизводстве позволяют оптимизировать работу не только суда, но и других участников. Например, «профессиональные» участники, такие как дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, адвокат, нотариус и представители юридического лица, вполне могут участвовать в судебном заседании по уголовному делу не в явочном порядке, а по веб-ВКС. В силу своей профессиональной деятельности они владеют современным цифровым инструментарием,

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 23.11.2024).

²⁰ Капустин О. А. Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // Российский судья. 2021. № 1. С. 7.

²¹ Миронова Е. Ю. К вопросу о перспективах и рисках применения веб-конференции в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1. С. 147.

навыками работы в дистанционном формате, поэтому без каких-либо трудностей и ограничений могут подключиться в режиме онлайн к судебному процессу. Отработанные в процессах цивилистического цикла веб-технологии подключения свидетелей, экспертов, переводчиков к судебному заседанию, а также предъявления в суд подписки о разъяснении указанным лицам прав, обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение в форме электронного документа с подтвержденной усиленной квалифицированной электронной подписью вполне приемлемы и для уголовного процесса. Для начала в онлайн-заседаниях могли бы рассматриваться, например, дела о преступлениях небольшой или средней тяжести, с малым количеством участников, небольшим объемом правоограничений, которым может подвергнуться подсудимый. Поэтому следует предусмотреть правовое регулирование поэтапного применения судами средств веб-ВКС при рассмотрении уголовных дел: вначале – судами первой инстанции, далее – в рамках проверочных стадий, в последующем – при реализации контрольных судебных полномочий в досудебном производстве и т.п.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что внедрение веб-конференции в разные формы отечественного судебного процесса требует гармонизации правового регулирования применения этой видеотехнологии. Для этого необходимо:

- закрепить понятие «веб-конференц-связь»;
- предусмотреть единый регламент организации веб-конференции для федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов;
- определить одинаковые технические условия организации онлайн-заседаний;
- расширить перечень оснований отказа в онлайн-заседании, добавив дополнительное основание: лицо имеет возможность лично присутствовать в судебном заседании;
- допустить организацию веб-конференции по ходатайству участника или по инициативе суда;
- установить унифицированные правила проведения веб-конференции на контрольно-роверочных стадиях процесса;
- обязать секретаря судебного заседания или помощника судьи вести видеофиксацию судебного заседания и оформить видеопротокол;
- поэтапно ввести правовое регулирование применения судами средств веб-ВКС при рассмотрении уголовных дел.

Библиографический список

Афанасьева С. И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видео-конференц-связи и веб-конференции в различных формах судопроизводства // *Ex jure*. 2023. № 4. С. 17–32. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-17-32.

Бурдина Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // *Российский судья*. 2022. № 10. С. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-10-49-53.

Капустин О. А. Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // *Российский судья*. 2021. № 1. С. 3–8. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-1-3-8.

Кашкарова И. Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // *Закон*. 2023. № 4. С. 172–187.

Миронова Е. Ю. К вопросу о перспективах и рисках применения веб-конференции в уголовном судопроизводстве // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. № 1. С. 135–149. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.12.61.013.

Потеева А. В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки // *Арбитражные споры*. 2021. № 2. С. 65–72.

Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // *Вестник гражданского процесса*. 2022. Т. 12, № 5. С. 204–227. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-5-204-227.

Фокина М. А. К вопросу о некоторых концептах цивилистического процесса: итоги двух десятилетий // *Вестник гражданского процесса*. 2023. Т. 13, № 1. С. 15–43. DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-1-15-43.

Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

УДК 343.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-142-156

Уголовно-процессуальные отношения: конфликтологический и антропологический подходы

Н. О. Машинникова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса

Ижевский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
426000, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, 23

Научный сотрудник

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а

E-mail: n-alico@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются конфликтологический и антропологический подходы к пониманию уголовного процесса. Уголовное судопроизводство определяется как способ организации социальной жизни известного круга лиц с целью разрешения уголовно-правовых конфликтов. Обосновывается необходимость использования термина «уголовно-правовой конфликт» и исследуется его соотношение с понятием «преступление». Уголовно-правовой конфликт рассматривается как основание для начала уголовно-процессуальных отношений, а его разрешение – как результат последних. Делается вывод о том, что проблема соблюдения баланса интересов при разрешении уголовно-правовых конфликтов обусловлена сложностью структуры уголовно-процессуальных отношений, так как последние включают в себя уголовно-правовое (материальное) и уголовно-процессуальное правоотношения, имеющие самостоятельную структуру и субъектный состав. Определяются критерии при выборе

© Машинникова Н. О., 2025

компромиссного (консенсуального) решения по уголовному делу и факторы, влияющие на выбор такого решения.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт; уголовно-процессуальные средства; медиация; конфликтологический подход; антропологический подход; процессуальные потребности и интересы

Criminal Procedural Relations: Conflictological and Anthropological Approaches

N. O. Mashinnikova

Izhevsk Branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
23, Zarechnoye shosse, Izhevsk, 426000, Russia

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky prospekt, Moscow, 119334, Russia

E-mail: n-alico@mail.ru

Abstract: the article examines the criminal process from the perspective of conflictological and anthropological approaches. Criminal proceedings are defined as a way of organizing the social life of a certain circle of people involved in it in order to resolve criminal legal conflicts. The necessity of using the term criminal legal conflict and its relationship with the concept of "crime" is substantiated. A criminal legal conflict is considered as the basis for the beginning of criminal procedural relations, and its resolution is considered as the result of the latter. It is concluded that the problem of maintaining a balance of interests when resolving criminal legal conflicts is due to the complexity of the structure of criminal procedural relations, since the latter include criminal legal (material) and criminal procedural legal relations, which have an independent structure and subject composition. The criteria for choosing a compromise (consensual) decision in a criminal case and the factors influencing the choice of such a decision are determined.

Keywords: criminal legal conflict; criminal procedural means; mediation; conflictological approach; anthropological approach; procedural needs and interests

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает классическую процедуру медиации уголовно-правовых конфликтов. Сложно себе представить, что в ближайшее время к уголовному судопроизводству будет допущен независимый профессиональный участник в статусе посредника. Однако законодательство уже содержит варианты разрешения уголовно-правовых конфликтов посредством согласительных процедур при наличии к тому воли государства по делам публичного и частно-публичного обвинения и воли сторон по делам частного обвинения. Постепенное включение в уголовное судопроизводство консенсуальных норм свидетельствует о востребованности альтернативной процедуры разрешения уголовно-правовых конфликтов, которая бы в большей мере была ориентирована на потребности и интересы участников конфликта, а также тех лиц, чьи интересы были этим конфликтом затронуты.

Исследуя развитие института медиации в уголовном процессе западных стран, С. В. Нохрин отмечает, что это один из наиболее развитых вариантов разрешения уголовно-правовых конфликтов альтернативными методами¹. Причем изначально консенсуальные варианты разрешения уголовно-правовых конфликтов в таких странах стали применять на практике, а уже затем разрабатывалось и принималось их нормативное регулирование. Кроме того, как справедливо указывает исследователь, судебная система – одна из самых коррумпированных сфер в мире. Развитие же альтернативных договорных процедур в случае, если они будут проходить с участием независимого профессионала, пусть и аккредитованного органом юстиции, однако не являющегося государственным служащим, позволит существенно снизить коррупционные риски в сфере урегулирования уголовно-правовых конфликтов.

Неразвитость процедуры медиации в отечественном уголовном судопроизводстве обусловлена, на наш взгляд, тем, что последнее воспринимается исключительно как инструмент воздаяния за совершенное преступление посредством государственного принуждения, а уголовно-процессуальные средства используются должностными лицами для иных целей, не имеющих никакого отношения к статье 6 Уголовно-процессуального кодекса² (УПК РФ).

¹ Нохрин С. В. Анализ медиации в уголовном процессе европейских стран // Ex jure. 2020. № 4. С. 185–197.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 09.11.2024).

Само понятие уголовно-правового конфликта чуждо отечественному отраслевому процессуальному законодательству. Согласно ему у нас «проходит проверка по преступлению», «происходит расследование преступления», тогда как уголовное судопроизводство создано именно для того, чтобы по его результатам прийти к выводу о наличии либо отсутствии преступления. Между тем уже при возбуждении уголовного дела должностное лицо исходит из наличия преступления. На самом деле это фикция, поскольку нельзя «на входе» в процесс судопроизводства установить то, что должно быть надлежащими способами и средствами установлено в результате судопроизводства. Если в начале процесса исходить из того, что имело место преступление, то целью уголовного судопроизводства автоматически становится непременное привлечение какого-либо лица к уголовной ответственности; при этом причастность данного лица к преступлению, которого на самом деле может и не быть, не имеет для должностных лиц никакого значения, поскольку:

- 1) само преступление как факт уже зафиксировано в постановлении о возбуждении уголовного дела;
- 2) непривлечение к ответственности лица за совершение преступления снизит показатель эффективности деятельности должностного лица.

Преступление в уголовном судопроизводстве требует непременной реакции государства в форме осуждения/привлечения к уголовной ответственности, тогда как при разрешении уголовно-правового конфликта в рамках процедуры уголовного судопроизводства сперва устанавливается наличие либо отсутствие у государства права на наказание через осуждение лица либо привлечение его к уголовной ответственности. В связи с этим рассмотрение уголовного судопроизводства через призму уголовно-правового конфликта как основания возникновения уголовно-процессуальных отношений позволяет иначе взглянуть на вопросы целеполагания уголовного судопроизводства, его эффективности, а также возможности введения в оборот иных социально адаптированных средств разрешения такого рода конфликтов.

Проблемы разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлены не только сложностью и непоследовательностью нормативного регулирования, но также правоприменительными ошибками. Они вызваны противоположными потребностями вовлеченных в них лиц, взаимоисключающими процессуальными интересами сторон, ведомственными интересами чиновников, антагонистическими целями, которые планируют достичь участники судопроизводства по выходе из уголовно-процессуальных отношений. Еще одной

причиной, толкающей участников уголовного судопроизводства на иррациональные решения и поступки, является страх неизвестности результата процесса³ и боязнь наказания в соответствии с санкцией нормы, предусмотренной законом. В связи с этим рассмотрение вопросов уголовного судопроизводства вне вопросов человеческого бытия (рацио и эмоцио) является неполным, поскольку любое правоприменение и правореализация при наличии дискреции субъективны. И такой субъективный компонент при исследовании процессуальной деятельности не учитывать нельзя.

Исходя из того, что уголовный процесс есть жизнь уголовного права, правовая реальность, обусловленная установлением наличия либо отсутствия у государства права на наказание, представляет собой социальный феномен, который:

– с одной стороны, является строго формализованным механизмом по установлению обязательных признаков состава преступления и лица, к нему причастного;

– с другой стороны, проявляется в виде совокупности субъективных факторов, опосредованных межличностным взаимодействием, статусностью субъектов правоприменения и правореализации, вариативностью процессуального поведения, зависимостью от властных решений, наличием дискреционных полномочий у должностных лиц, противоречивостью потребностей и интересов разных субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Несмотря на то что круг объектов исследования уголовно-процессуальной науки весьма обширен, до настоящего времени недостаточно глубоко изучены вопросы субъективного компонента правовой реальности, обусловленной кругом уголовно-процессуальных отношений, то есть то, что можно определить как взаимосвязь нормы с возможностью и способами ее реализации для целей, установленных законодателем с учетом гуманизации уголовно-правовой политики государства. Данное обстоятельство подтолкнуло нас при рассмотрении вопросов целеполагания уголовного судопроизводства использовать два подхода – конфликтологический и антропологический.

Как справедливо отмечает С. И. Максимов, правовая реальность есть лишь способ организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни⁴. В связи с этим уголовное судопроизводство можно определить

³ Можно указать и противоположную причину: страх предустановленного результата судопроизводства в силу наличия обвинительного уклона отечественного уголовного процесса.

⁴ Максимов С. И. Правовая реальность как предмет философского осмысления: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 2002. С. 32.

как способ организации социальной жизни известного круга лиц с целью разрешения уголовно-правовых конфликтов. В свою очередь, уголовно-правовой конфликт следует рассматривать как основание для начала уголовно-процессуальных отношений, а его разрешение – как результат последних.

В рамках реализации научно-исследовательского проекта Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии⁵ было установлено, что по видовому признаку доля уголовно-правовых конфликтов составляет 48 % от общего числа всех юридических конфликтов в Российской Федерации⁶, что, безусловно, актуализирует любое исследование в области способов, методов и форм разрешения такого вида конфликтов.

Конфликтологический подход в изучении назначения уголовного судопроизводства как некоего стандарта, которого следует придерживаться при разрешении уголовно-правовых конфликтов, позволяет понять потребности и психологическое состояние личности⁷, ее социальный статус и восприятие ею и окружающими этого статуса как такового, ее морально-этические и духовно-нравственные ценности, конкретную систему условий, в которых находится человек, вовлекаемый в уголовно-процессуальные отношения, а также определить структуру, типы и качество социальных связей внутри уголовно-процессуальных отношений.

Изучение уголовно-правовых конфликтов, их причин, поводов, способов и практики разрешения:

- способствует выявлению проблем правосознания как лиц, причастных к самому конфликту, так и тех, кто осуществляет деятельность по разрешению этих проблем в установленном законом порядке;
- позволяет выявить недостатки нормативного регулирования в части уголовно-правовой квалификации и уголовно-процессуальных отношений в контексте достижения цели уголовного судопроизводства и реализации его назначения применительно к статье 6 УПК РФ;
- смоделировать варианты возможного наиболее эффективного разрешения уголовно-правового конфликта.

⁵ Научно-образовательный центр создан кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета.

⁶ Результаты анкетирования размещены по адресу: URL: <http://www.law.vsu.ru/ac/wp-content/uploads/Результаты-анкетирования.pdf>.

⁷ Здесь как пример корректно привести привилегированные и квалифицированные составы преступлений.

Кроме того, изучение практики разрешения уголовно-правовых конфликтов способствует разработке законодателем новых, более эффективных и адаптированных к текущим социальным потребностям, способов их разрешения и последующему введению этих способов в правоприменительный оборот.

Конфликтологический подход в изучении уголовно-процессуальных отношений позволяет рассмотреть нормативные предписания закона с позиции индивидуальных, субъектных начал и причин конфликтов, а также готовности субъектов, сопровождающих уголовное судопроизводство, либо лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, к отдельным способам и процедурам их разрешения; способствует исследованию сущности уголовного процесса через практику применения уголовно-процессуальных норм при разрешении конфликтных ситуаций.

В свою очередь, антропологический подход переориентирует правовую проблематику с изучения логико-методологических проблем на исследование смысложизненных, мировоззренческих основ уголовно-процессуальных отношений, создание и обоснование новых уголовно-процессуальных форм и способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с потребностями общества и личности. В частности, такой подход способствует поиску ответов на следующие вопросы: для чего необходимо уголовное судопроизводство? Каковы критерии воздействия формирующейся и изменяющейся правовой реальности на личность и общество, а также последствия такого воздействия (стигматизация личности, эффективность регулирования, уровень доверия, вовлеченность граждан в процесс судопроизводства)? Может ли отдельная личность самостоятельно воздействовать на правовую реальность в рамках уголовно-процессуальных норм либо ей суждено быть исключительно объектом такого воздействия?

Наконец, комплексное использование антропологического и конфликтологического подходов в процессе анализа уголовно-правовых конфликтов и уголовно-процессуальных средств их разрешения способствует разработке и формированию эффективных и рациональных уголовно-процессуальных норм в контексте формирующихся социальных потребностей.

Конфликтологи и антропологи, объектом исследования которых является правоприменение, приходят к обоснованному выводу о том, что новая правовая реальность, выстраиваемая без учета «человеческого измерения права», не имеет потенциала для эффективной реализации задач, которые

ставят перед собой государство и общество⁸. В полной мере это утверждение справедливо и для уголовного судопроизводства, поскольку вводимые в право применительный оборот новые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы без объективной и разумной оценки человеческого бытия полностью лишены потенциала для решения поставленных перед ними задач.

Как верно указывает А. С. Мордовец, сущность человеческого измерения заключается в возможности и способности субъекта оценить состояние социального явления⁹. В контексте уголовного судопроизводства это позволяет ему правильно оперировать оценочными суждениями, не только формировать внутреннее убеждение, но и принимать в соответствии с ним волевое решение, а кроме того, выбирать наиболее эффективные и наименее болезненные способы разрешения уголовно-правового конфликта с позиций рациональности и эмоции.

Конфликт, будучи способом определения дозволенного в социальной группе, дает возможность установить границы социально приемлемого поведения. Особенностью уголовно-правового конфликта является то, что мера дозволенного устанавливается не социальной группой, а государством, поэтому воля потерпевшего, направленная на отказ от стигматизации уголовно-преследуемого лица государством, учитывается не всегда. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) воля потерпевшего не имеет процессуального значения относительно порядка судопроизводства, а также иных существенных условий сделки.

Как обоснованно указывает И. С. Завьялова, наибольший научный и практический интерес вызывает вопрос эффективности самого процесса разрешения юридических конфликтов¹⁰. При этом говорить об изменении качественных показателей разрешения уголовно-правовых конфликтов допустимо лишь с учетом анализа судебно-следственной практики, поскольку именно анализ последней ориентирует на проблемы, которые становятся объектами научного исследования для целей определения методики устранения выявленных противоречий в законодательных актах и ошибок правоприменения.

⁸ Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 7–20.

⁹ Мордовец А. С. Социально-юридическая конструкция человеческого измерения прав человека // Юридическая техника. 2013. Т. 7, № 2. С. 500–509.

¹⁰ Завьялова И. С. Правовые технологии разрешения юридических конфликтов в России: общий анализ с позиции качества и эффективности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 104–117.

Однако прежде, чем углубляться в вопросы эффективности разрешения уголовно-правовых конфликтов и разрабатывать наиболее рациональные и социально востребованные способы такого разрешения, следует уяснить сущность понятия «уголовно-правовой конфликт».

По мнению А. В. Глуховой, некоторые конфликты с самого начала имеют правовую основу, поскольку их участники/контрагенты связаны правовыми отношениями, часто выступающими в качестве объекта конфликта или мотива их поведения. Но гораздо чаще правовая природа возникает не сразу, а лишь по мере развития конфликтного противоборства, когда появляется или изменяется юридическая компонента в конфликтных ситуациях¹¹.

Уголовно-правовой конфликт представляет собой отраслевой вид юридического конфликта, а значит, связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями). Следовательно, субъекты такого конфликта или мотивация их поведения либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а сам конфликт влечет за собой юридически значимые последствия¹².

В своих рассуждениях мы исходим из того, что уголовно-правовой конфликт является основанием для возникновения уголовно-процессуальных отношений и подлежит разрешению уголовно-процессуальными средствами. Между тем момент возникновения правовой составляющей такого конфликта и особенности ее возникновения зависят от множества факторов, но наиболее значимыми, на наш взгляд, в этом контексте являются модусы реальности и мнимости (ложности) такого конфликта. Данное утверждение обусловлено тем, что при реальном уголовно-правовом конфликте, подразумевающем наличие события преступления, правовая составляющая возникает в момент такого события либо предшествует ему; при мнимости такого конфликта его правовая составляющая обусловлена моментом возникновения уголовно-процессуальных отношений. При таком подходе длительное время и обоснованно критикуемая учеными-процессуалистами на доктринальном уровне стадия возбуждения уголовного дела предстает в качестве первичного фильтра, который позволяет отсеять отношения, не обладающие характеристиками уголовно-правового конфликта.

¹¹ Глухова А. В. Институционализация конфликта как условие его урегулирования // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 40–49.

¹² Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления): моногр. М.: Ин-т государства и права РАН, 1992.

Между тем не каждый, пусть даже реальный, уголовно-правовой конфликт представляет собой преступное деяние с точки зрения его обязательных юридически значимых признаков. Законодателем строго разделены фактическая часть преступного деяния (событие преступления) и его юридическая конструкция (состав преступления). Наступление уголовной ответственности возможно лишь при установлении совокупности фактической составляющей и юридической. А это означает, что только в результате уголовного судопроизводства можно выявить, обладает ли уголовно-правовой конфликт всеми признаками преступного деяния и имеется ли у государства право на наказание. Лишь при установлении указанных признаков в той степени достоверности, которая характерна для каждой из стадий уголовного процесса, участники уголовного судопроизводства, имеющие на то процессуальные права либо полномочия, могут избрать форму разрешения уголовно-правового конфликта, отличную от приговора суда. Если на определенной стадии уголовного судопроизводства будет установлено отсутствие фактических или юридических признаков преступления, а следовательно, и отсутствие у государства права на стигматизацию лица либо на применение к нему иных мер госпринуждения (например, принудительных мер медицинского характера или направления в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей), уголовно-правовой конфликт должен быть разрешен способом, предусматривающим реабилитацию лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Таким образом, уголовно-правовой конфликт может быть разрешен с последствиями стигматизации для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо без таковых.

Но именно институт реабилитации, на наш взгляд, стал основным препятствием для разрешения уголовно-правового конфликта без стигматизирующих последствий. Наше суждение обусловлено тем, что данный институт в правопонимании неразрывно связан с незаконностью уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц. В свою очередь, сочетание следственной формы уголовного судопроизводства с продекларированным принципом состязательности и введенным в УПК РФ назначением уголовного судопроизводства как стандарта осуществления уголовно-процессуальных отношений вводит лиц, в них вовлеченных, в заблуждение насчет возможных вариантов разрешения уголовно-правового конфликта.

Само уголовное судопроизводство является способом установления наличия либо отсутствия у государства права на наказание, в более широком

смысле – на стигматизацию. Отсутствие такого права не только является допустимым результатом уголовного судопроизводства в контексте процессуальных норм, но и указывает на правозащитный, правообеспечительный и право-восстановительный характер уголовного процесса.

Между тем, разрешая уголовно-правовой конфликт с признанием за лицом, подвергшимся уголовному преследованию, права на реабилитацию, должностное лицо:

- 1) устанавливает факт незаконности в том числе собственной процессуальной деятельности;
- 2) признаёт за лицом право на получение денежной компенсации из средств федерального бюджета;
- 3) рискует стать ответчиком по регрессным требованиям государства в части суммы денежных средств, выплаченных из средств федерального бюджета реабилитированному лицу;
- 4) действует вопреки критериям эффективности оценки деятельности правоохранительных органов;
- 5) рискует «получить отмену» вынесенного судебного акта, что негативно отразится на индивидуальном критерии стабильности судебных актов, поскольку процент отмены такого решения вышестоящим судом в десятки, а то и в сотни раз выше, чем у судебного акта со стигматизирующими последствиями.

Каждое из приведенных утверждений является для должностного лица самостоятельной и вполне веской причиной избежать принятия решения о разрешении уголовно-правового конфликта без стигматизирующих последствий.

Однако не каждое производство по уголовному делу, завершающееся по реабилитирующим основаниям, является незаконным. Обратный подход лишь предполагает, что цель уголовного судопроизводства – стигматизация личности, где способ и форма последней могут быть согласованы лицами, установленными законом. Оправдание является таким же возможным вариантом разрешения уголовно-правового конфликта, как и стигматизация лица. Отсутствие шанса на оправдание делает уголовное судопроизводство и законодательство, его регламентирующее, во многом бессмысленными, поскольку для уголовной репрессии процессуальное законодательство не нужно.

В связи с этим полагаем, что рассматривать институт реабилитации следует в несколько ином аспекте. Реабилитация в ее экономической части представляет собой компенсацию государством уголовно преследуемому лицу его

моральных издержек и материальных затрат в случае, если в ходе либо по результатам уголовного судопроизводства будут установлены необоснованность уголовного преследования, его незаконность, избыточность мер уголовно-процессуального принуждения и т.д.

Институт реабилитации находится в диалектической взаимосвязи с принципом законности, регламентирующим материальные (ст. 3 УК РФ) и процессуальные (ст. 7 УПК РФ) уголовно-правовые отношения. Однако ни одна из трактовок принципа законности не предполагает, что разрешение уголовно-правового конфликта без последствий стигматизации преследуемого лица автоматически признаёт состоявшееся по нему уголовное судопроизводство незаконным.

Самые жесткие конфликты присущи производству по тем уголовным делам, где противоборство, инициированное защитой, идет за оправдание (реабилитацию) уголовно преследуемого лица. Позитивный результат выхода из уголовно-правового конфликта лица, вовлеченного в него против своей воли, установлен действующим законодательством, что подразумевает не только его легальность, но и соответствие социальным потребностям.

Все остальные закрепленные в настоящее время в законе варианты разрешения уголовно-правовых конфликтов, не обремененные для государства последствиями реабилитации, можно отнести к разрабатываемой В. В. Колесник подотрасли договорного уголовно-процессуального права и предложенной Г. С. Русман концепции поощрительных форм уголовного судопроизводства¹³. Не соглашаясь с В. В. Колесник в некоторых выводах и рассуждениях, сформулированных ею по ходу исследования¹⁴, нужно поддержать исследователя в том, что идея уголовно-процессуальной сделки связана с идеологией свободы, добровольности в определении договаривающимися субъектами своих прав и обязанностей для достижения желаемого ими правового результата¹⁵.

Конфликтогенность уголовно-процессуальной реальности, характеризующаяся, во-первых, наличием государственного принуждения в течение

¹³ Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023.

¹⁴ Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024; Она же. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48.

¹⁵ Колесник В. В. Договорное уголовно-процессуальное право как подотрасль современного российского уголовно-процессуального права // Ex jure. 2024. № 1. С. 139–150.

всей процедуры судопроизводства и, во-вторых, состязательной формой судебной стадии уголовного процесса, увеличивает динамику противостояния сторон.

В центре уголовного судопроизводства всегда находится человек либо группа людей, обладающих диаметрально противоположными материальными и процессуальными интересами, а также базовыми потребностями. В момент возникновения уголовно-процессуальных отношений в них сразу вовлекаются как минимум два лица: 1) потерпевший / лицо, принявшее процессуальное решение; 2) лицо, принявшее процессуальное решение / лицо, которое планируется привлечь к уголовной ответственности. Однако по мере своего развития уголовно-процессуальные отношения вовлекают в себя все большее количество участников, существование (бытие) которых в момент их вовлечения в уголовное судопроизводство приобретает границы, установленные уголовно-процессуальными нормами.

Формы разрешения уголовно-правовых конфликтов могут отличаться. Однако именно стигматизирующие последствия уголовного судопроизводства, их степень – привлечение лица к уголовной ответственности либо его осуждение и наказание, а также вид и размер такого наказания являются непосредственным мотивом для позитивного посткриминального поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и его готовности к компромиссу. Со своей стороны государство не заинтересовано в длительной, затратной процедуре судопроизводства. Напротив, оно заинтересовано в том, чтобы при меньших издержках раскрыть большее количество преступлений. Все это в конечном итоге способствует поиску компромиссных процедур разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Проблема соблюдения баланса интересов при разрешении уголовно-правовых конфликтов обусловлена сложностью структуры уголовно-процессуальных отношений, поскольку:

- уголовно-правовое (материальное) правоотношение, реализация которого происходит исключительно посредством уголовно-процессуальных отношений, характеризуется двухсубъектным составом – лицом, совершившим преступление, и государством;

- уголовно-процессуальное правоотношение характеризуется многосубъектным составом. При этом в контексте состязательного процесса улучшение положения одной стороны процессуального правоотношения, как правило, приводит к ухудшению правовых позиций другой стороны.

Таким образом, процесс разрешения уголовно-правового конфликта в разрезе поиска более рациональных, эффективных и социально ориентированных решений включает в себя:

- 1) поиск консенсуса между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и государством;
- 2) поиск компромисса между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и потерпевшим по уголовному делу;
- 3) поиск социально приемлемого варианта разрешения уголовно-правового конфликта.

В идеале результат разрешения уголовно-правового конфликта должен удовлетворять всем трем пунктам. Однако такой результат не всегда может быть достигнут.

Приоритет при выборе компромиссного решения определяют следующие факторы:

- юридически значимые, включающие в себя категорию преступления, вид уголовного преследования, уголовно-процессуальную форму, стадию уголовного судопроизводства, порядок уголовного судопроизводства и т.д.;
- субъективные, определяющие потребности, интересы, цели и ценности конкретного участника судопроизводства;
- вектор уголовно-правовой политики государства.

Библиографический список

Глухова А. В. Институционализация конфликта как условие его урегулирования // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 40–49.

Завьялова И. С. Правовые технологии разрешения юридических конфликтов в России: общий анализ с позиции качества и эффективности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 104–117.

Колесник В. В. Договорное уголовно-процессуальное право как подотрасль современного российского уголовно-процессуального права // Ex jure. 2024. № 1. С. 139–150. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-1-139-150.

Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024.

Колесник В. В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48. DOI: 10.17223/23088451/20/8.

Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления): моногр. М.: Ин-т государства и права РАН, 1992.

Максимов С. И. Правовая реальность как предмет философского осмыслиения: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 2002.

Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 7–20.

Мордовец А. С. Социально-юридическая конструкция человеческого измерения прав человека // Юридическая техника. 2013. Т. 7, № 2. С. 500–509.

Нохрин С. В. Анализ медиации в уголовном процессе европейских стран // *Ex jure*. 2020. № 4. С. 185–197. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-4-185-197.

Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023.

Информация для цитирования

Машинникова Н. О. Уголовно-процессуальные отношения: конфликтологический и антропологический подходы // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 142–156. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-142-156

Mashinnikova N. O. Criminal Procedural Relations: Conflictological and Anthropological Approaches. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 142–156. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-142-156

УДК 343.2

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-157-171

Назначение наказаний несовершеннолетнему по уголовному праву Франции

Р. В. Новиков

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Начальник кафедры уголовного, уголовно-исполнительного
права и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества

Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: ronovik@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается современное законодательство Франции, регулирующее назначение наказаний и применение воспитательных мер к несовершеннолетним. Эволюция французского уголовного законодательства характеризуется двумя основными тенденциями, направленными на преобладание воспитательных либо репрессивных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Автор приходит к выводу, что особенности уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних определены отдельным законом, включающим в себя как процессуальные, так и материальные нормы. Кодекс уголовного правосудия по делам несовершеннолетних, вступивший в силу в 2021 году, сохраняет приоритет применения к несовершеннолетним правонарушителям воспитательных мер. С его принятием осуществляется совершенствование воспитательных мер и законодательно закрепляется применение

© Новиков Р. В., 2025

восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних; кроме того, в законе устанавливается минимальный возраст и конкретизируются условия привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних. Система уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним во Франции, включает в себя курс гражданского воспитания, общественные работы, штраф и лишение свободы.

Ключевые слова: уголовный закон; несовершеннолетние; уголовная ответственность; наказание; воспитательные меры

Sentencing of a Minor Under French Criminal Law

R. V. Novikov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm Institute the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, 614012, Russia

E-mail: ronovik@gmail.com

Abstract: *in the article, taking into account the changes in the French criminal legislation on criminal responsibility and punishment of minors, the opinions of French theorists and practitioners, the modern legislation of France regulating the imposition of punishments and the application of educational measures to minors is considered. The evolution of French criminal legislation is characterized by two main trends aimed at the predominance of educational or repressive measures of influence on juvenile offenders. The author concluded that the peculiarities of criminal justice in relation to minors are established by a separate law, which includes both procedural and material norms. The Juvenile Criminal Justice Code, which came into force in 2021, retains the priority of applying educational measures to juvenile offenders. With its adoption, educational measures are improved, the use of restorative justice against minors is legally enshrined, the law establishes the minimum age and specifies the conditions for bringing minors to criminal responsibility. The system of criminal penalties imposed on minors in France includes: a civil education course, community service, a fine and imprisonment.*

Keywords: criminal law; minors; criminal liability; punishment; educational measures

Право и законодательство отдельных государств в современном мире не статичны, а, напротив, под влиянием происходящих в обществе трансформаций в достаточной степени динамичны и подвержены изменениям. Обозначенная тенденция характерна для отечественного и зарубежного права и законодательства. Поэтому изучение современного состояния правового регулирования отдельных сфер общественной жизни в зарубежных государствах, несомненно, представляет интерес как для исследователей-теоретиков, так и для правоприменителей.

В связи с этим, на наш взгляд, актуально изучение французского уголовного законодательства о назначении наказания несовершеннолетним правонарушителям в контексте изменений, произошедших в нем с принятием в 2021 году Кодекса уголовного правосудия по делам несовершеннолетних – *Code de la justice pénale des mineurs* (далее – CJPM).

Французское законодательство об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних правонарушителей базируется на принципах ордонанса от 2 февраля 1945 г. «О правонарушениях несовершеннолетних» (далее – Ордонанс 1945 года), который длительное время составлял основу уголовного правосудия по делам несовершеннолетних во Французской Республике¹. Фундаментом уголовной юстиции в отношении несовершеннолетних во Франции являются положения об обязательном смягчении уголовной ответственности несовершеннолетних; о приоритете воспитательных мер; о специализации судебной системы применительно к рассмотрению уголовных дел с участием несовершеннолетних правонарушителей.

Анализ французской юридической литературы позволяет сделать вывод о наличии двух основных тенденций, существенно повлиявших на эволюцию законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних во Франции²:

1) приоритет мер, направленных на защиту детей, над мерами уголовного характера;

2) необходимость обеспечения эффективного противодействия преступности несовершеннолетних и, как следствие, приоритет более строгих мер уголовно-правового реагирования на преступное поведение несовершеннолетних.

¹ *Ordonnance n°45-174 du 2 février 1945 relative à l'enfance délinquante.*

² *Castaignède J. Le mineur récidiviste: le nouveau regard du législateur // OpenEdition Books. 2019. URL: https://books.openedition.org/pur/132405.*

Преобладание той или иной тенденции на определенном этапе развития французского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних позволяет провести его периодизацию по указанному критерию. В ряде французских публикаций выделяются: период с 1945 по 1994 год, характеризующийся смягчением мер ответственности и ограничением назначения наказания несовершеннолетним, в том числе связанного с лишением свободы; период с 1994 по 2012 год, характеризующийся ужесточением мер ответственности и более широким применением уголовного наказания к несовершеннолетним, в том числе мер, связанных с лишением и ограничением свободы; период с 2012 по 2021 год, характеризующийся уравновешиванием этих разнонаправленных тенденций³.

С 30 сентября 2021 г. во Франции начал действовать CJPM, который пришел на смену Ордонансу 1945 года. Во вступительной статье CJPM указано, что этот кодекс регулирует условия уголовной ответственности несовершеннолетних, предусматривая ее смягчение в интересах несовершеннолетних с учетом их возраста и необходимости достижения их воспитательного и нравственного восстановления посредством мер, адаптированных к их личности и принятых по решению специализированного суда или в соответствии с надлежащими процедурами.

В целом в CJPM сохраняется приверженность основным принципам, которые изложены в Ордонансе 1945 года, но CJPM вносит и ряд изменений в уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних. В частности, по вопросу привлечения несовершеннолетних правонарушителей к ответственности скорректированы условия уголовной ответственности несовершеннолетних по сравнению с ранее действовавшим законодательством.

Одновременно отмечается, что внесенные CJPM изменения в уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних направлены в первую очередь на его ускорение. В частности, отменен этап предварительного следствия, проводимого судьей по делам несовершеннолетних, а само судопроизводство разделено на три этапа: слушание для определения вины; прохождение воспитательного испытания; слушание с целью вынесения приговора. Произошедшие перемены, по мнению французских исследователей, ознаменовали смещение акцента с несовершеннолетнего как субъекта правонарушения на собственно уголовный процесс как процедуру рассмотрения дела. В связи

³ Quelle justice pénale des mineurs face à la délinquance juvénile? URL: <https://www.vie-publique.fr/eclairage/281587-la-justice-penale-des-mineurs-face-la-delinquance-juvenile>.

с этим развернулась определенная дискуссия, вызванная опасениями, что вышеуказанные изменения могут привести к увеличению назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы⁴.

Прежде всего, необходимо отметить, что во французском уголовном праве установлена двойная правовая опровергимая презумпция «разумения» несовершеннолетнего.

CJPM в статье L-11-1 определяет «разумение» как способность несовершеннолетнего понимать значение, желать совершения и наступления последствий поступка, а также способность понимать смысл уголовного судопроизводства, субъектом которого он является. Отсутствие такого «разумения», в соответствии со статьей 122-8 Уголовного кодекса Франции⁵, означает, что лицо не может быть признано виновным и привлечено к уголовной ответственности. Следовательно, все несовершеннолетние, совершившие правонарушение, могут быть разделены на тех, кто обладает «разумением» и может быть привлечен к уголовной ответственности, и тех, кто «разумением» не обладает, а потому не подлежит уголовной ответственности.

Вместе с тем такая презумпция может быть опровергнута доказательствами в ходе уголовного судопроизводства. В связи с этим практикующие французские юристы отмечают, что понятие «разумение» субъективно и относительно и что у судьи, с одной стороны, возникает соблазн полностью довериться экспертам, с другой – напротив, вынести суждение о «разумении» несовершеннолетнего через призму вменяемых ему деяний, когда они осуждаются обществом или серьезно нарушают общественный порядок⁶.

Как отмечают французские исследователи, в ранее действовавшем французском законодательстве об уголовной ответственности несовершеннолетних не был установлен возраст, при недостижении которого несовершеннолетние считались бы неспособными к «разумению». Следовательно, если несовершеннолетний признавался достаточно зрелым, чтобы быть способным к «разумению», ему могли предъявить обвинение в любом правонарушении, которое он совершил. В частности, постановлением уголовной палаты кассационного суда от 13 декабря 1956 г. по делу «Лабуба» устанавливался

⁴ Bauer D. Mineurs délinquants, mineurs en danger. // Actu-Juridique.fr. 2021. URL: <https://www.actu-juridique.fr/penal/mineurs-delinquants-mineurs-en-danger/>.

⁵ Code pénal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/.

⁶ Chambries C. N. A quel âge le mineur est-il présumé capable de discernement? // Village de la justice. 2022. URL: <https://www.village-justice.com/articles/quel-age-mineur-est-presume-capable-discernement,41288.html>.

возраст для вынесения обвинительного приговора на уровне 7 лет при условии опровержения презумпции⁷. В то же время возраст несовершеннолетнего оказывал влияние на применяемые к несовершеннолетнему меры ответственности: к лицам в возрасте до 10 лет при установлении наличия «разумения» могли применяться лишь воспитательные меры; к лицам в возрасте от 10 до 13 лет – воспитательные меры и воспитательные санкции; к лицам в возрасте от 13 до 18 лет – воспитательные меры, воспитательные санкции и уголовные наказания.

Французский законодатель в статье L-11-1 CJPM связал возможность несовершеннолетнего действовать с «разумением» с достижением последним 13-летнего возраста, установив, что несовершеннолетние до 13 лет считаются неспособными к «разумению». Таким образом, в настоящее время возможно выделить две категории несовершеннолетних правонарушителей: лица в возрасте до 13 лет при условии установления того, что они совершили правонарушение с «разумением», к которым могут быть применены лишь воспитательные меры; лица в возрасте от 13 до 18 лет, к которым могут быть применены как воспитательные меры, так и уголовные наказания.

Основной акцент применительно к мерам воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в CJPM сделан на усилении воспитательной работы с ними посредством введения процедуры воспитательного испытания и реорганизации воспитательных мер через отмену воспитательных санкций и выделение, в соответствии со статьей L-111-1 CJPM, двух основных воспитательных мер – судебного предупреждения и судебно-воспитательной меры (далее – MEJ)⁸.

Среди нововведений французские исследователи называют статью L-13-4 CJPM, которая устанавливает возможность применения к несовершеннолетним восстановительного правосудия при наличии согласия законных представителей, так как такие нормы в Ордонансе 1945 года отсутствовали⁹.

Сандра Маркес указывает на наличие в уголовном праве Франции конституционного принципа смягчения уголовной ответственности несовершенно-

⁷ Faillé M. La responsabilité pénale des mineurs // Association des Droits Humains de la Sorbonne. 2021. URL: <https://adhsorbonne.com/2021/10/17/la-responsabilite-penale-des-mineurs/>.

⁸ Lavric S. Point sur la responsabilité pénale des mineurs // Dalloz Actu Étudiant. 2021. URL: <https://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/point-sur-la-responsabilite-penale-des-mineurs/h/ac8518e87534df05e0154dc29920292f.html>.

⁹ Marques B. La lutte contre la récidive des mineurs // Portail HAL dumas. 2022. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-03717-402>.

летних и верховенства воспитательных мер, который закреплен в решении Конституционного совета от 29 августа 2002 г. № 2002-461 DC и согласно которому ребенок-правонарушитель должен, с одной стороны, подвергаться в первую очередь воспитательным мерам, а не наказанию, а с другой – если он подвергается наказанию, то оно должно быть смягчено по сравнению с наказанием, применяемым к совершеннолетним¹⁰.

Положения статьи L-112-1 CJPM фиксируют, что воспитательная мера направлена на защиту, воспитание и интеграцию несовершеннолетнего, оказание ему помощи, в том числе обеспечение доступа к медицинской помощи. Применение мер воспитательного воздействия не учитывается в целях установления рецидива (ст. L-111-5 CJPM).

Лоран Муччиелли, рассматривая структуру наказаний, отмечает тенденцию привлечения полицией большего числа несовершеннолетних при сокращении назначения им судами наказаний в виде лишения свободы как следствие более широкого применения мер, альтернативных наказанию, и прежде всего широкого применения предупреждения¹¹. Судебное предупреждение включает официальное объявление выговора, порицающего поведение несовершеннолетнего правонарушителя, и может влечь передачу последнего под присмотр родителей. Судебное предупреждение и судебная воспитательная мера могут применяться совместно, однако в этом случае не устанавливаются запреты и обязательства, но допускается применение модуля компенсации (возмещения ущерба)¹².

Воспитательная мера предусматривает индивидуальное сопровождение несовершеннолетнего на основе оценки его личных, семейных обстоятельств, состояния здоровья и социального положения. В соответствии со статьей L-112-2 CJPM она может включать:

- 1) модули – интеграционный, компенсационный, здравоохранения и опеки;
- 2) устанавливаемые судом запреты на нахождение в определенных местах (например, в месте совершения преступления), кроме места проживания

¹⁰ Marques S. Nouveau Code de justice pénale des mineurs: les points clés de la réforme // Village de la justice. 2021. URL: <https://www.village-justice.com/articles/justice-penale-des-mineurs-est-qui-change-reserve,40481.html>.

¹¹ Muccielli L. Délinquance et justice des mineurs en France: la construction juridique et statistique d'un problème social // OpenEdition journals. 2019. URL: <https://journals.openedition.org/insaniyat/20187>.

¹² Mineur délinquant: mesures et peines encourues // Service-Public.fr. 2023. 7 juin. URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1837>.

несовершеннолетнего, и на общение с потерпевшим и/или соучастниками преступления на срок до одного года, на проезд по дорогам общественного пользования в ночное время без сопровождения законных представителей на срок до шести месяцев;

3) требование о передаче предмета, находящегося в собственности или во владении несовершеннолетнего и использовавшегося для совершения преступления или приобретенного преступным путем;

4) обязанность пройти курс гражданского воспитания (стажировки) продолжительностью до одного месяца.

Вышеуказанные меры могут применяться и поочередно, и совместно; однако меры, включающие в себя запреты и обязательства, могут применяться только к несовершеннолетним старше 10 лет (ст. L-112-3 CJPM). За нарушения пятого класса, проступки и преступления мера воспитательного воздействия может быть назначена совместно с наказанием (ст. L-111-2, L-111-3 CJPM).

По общему правилу, судебная воспитательная мера назначается на срок не более 5 лет, но может быть видоизменена и дополнена со временем исходя из поведения несовершеннолетнего. Она назначается даже в том случае, когда лицо на день принятия решения является совершеннолетним, однако прекращается по достижении лицом 21-летнего возраста (ст. L-112-4 CJPM).

Наибольший интерес представляют регулируемые статьями L-112-5 – L-112-15 CJPM так называемые интеграционный, компенсационный модули, модули здравоохранения и опеки, поскольку по сути это определенные наборы воспитательных мер. Меры интеграции включают в себя направление несовершеннолетнего на обучение в школу для социальной, школьной или профессиональной интеграции с учетом его потребностей и состоят из дневного пребывания, помещения в интернат, уполномоченное государственное или частное учебное или профессиональное учреждение. Меры компенсации предусматривают оказание помощи или возмещение ущерба потерпевшему от преступления или в интересах общества, а также проведение медиации между несовершеннолетним правонарушителем и потерпевшим. Меры медицинского обслуживания, включенные в модуль здравоохранения, состоят из направления несовершеннолетнего на медицинское обслуживание с учетом его потребностей, помещения в медицинское учреждение, кроме психиатрического, помещения в медико-социальное учреждение. Меры, включенные в модуль опеки, представляют собой передачу несовершеннолетнего под присмотр члену семьи или лицу, заслуживающему доверия, учреждению государственной службы судебной защиты молодежи, уполномоченному

частному учебному заведению или учреждению, кроме закрытых воспитательных центров.

В соответствии со статьей L-113-7 CJPM закрытыми воспитательными центрами являются уполномоченные государственные или частные учреждения, куда помещаются несовершеннолетние, находящиеся под судебным контролем, на испытательном сроке, с правом в период наказания покидать учреждение для ведения профессиональной деятельности, получения образования, участия в семейной жизни и т.д., а также в период условно-досрочного освобождения. В этих центрах в отношении несовершеннолетних принимаются меры контроля и надзора, позволяющие осуществлять усиленный и адаптированный к их личности воспитательный и педагогический контроль.

Центры являются учреждениями для закрытого содержания несовершеннолетних рецидивистов или неоднократно осужденных в возрасте от 13 до 18 лет. Решение о помещении несовершеннолетнего в центр принимается судом на срок до шести месяцев с возможностью однократного возобновления его еще на шесть месяцев. Нарушение обязанностей, которыми несовершеннолетний связан в силу мер, повлекших его помещение в такой центр, может привести к помещению несовершеннолетнего под стражу или лишению свободы.

В соответствии со статьей L-111-6 CJPM несовершеннолетний освобождается от меры воспитательного воздействия, если будет установлено, что он исправился, а ущерб, причиненный преступлением, устранен. Судья или суд по делам несовершеннолетних также могут принять решение об успешном применении воспитательных мер к несовершеннолетнему, который полностью выполнил возложенные на него обязанности. Суд, вынесший одно из вышеприведенных решений, вправе постановить, что отбывание воспитательных мер не повлечет для несовершеннолетнего состояние судимости.

Исходя из положений статей L-11-2 – L-11-5 CJPM целями назначения наказания несовершеннолетним является их воспитание, предотвращение рецидива и защита интересов потерпевших.

Наказание может быть назначено несовершеннолетнему при условии достижения им 13-летнего возраста, если того требуют обстоятельства и его личность, и подлежит обязательному смягчению.

Помимо перечисленных выше обстоятельств, на привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности и наказанию влияет категория преступления, которая определяется с учетом общественной опасности

деяния, компетентного органа и процедуры рассмотрения уголовного дела, а также наказания, назначаемого за его совершение.

Исходя из указанных критериев, французское законодательство все преступные деяния подразделяет на три категории:

– преступления – это преступные деяния, рассматриваемые судом присяжных и предусматривающие за их совершение наказание в виде лишения свободы или пожизненного лишения свободы;

– проступки – это преступные деяния, рассматриваемые исправительным судом и предусматривающие за их совершение наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 10 лет или штрафа в размере 3750 евро или выше;

– нарушения – это правонарушения, рассматриваемые полицейским судом и предусматривающие за их совершение наказание в виде ограничения отдельных прав и свобод или штрафа.

Применительно к несовершеннолетним преступления, проступки и нарушения пятого класса, вменяемые им в вину, рассматриваются специализированными судьями и судами для несовершеннолетних; нарушения остальных четырех классов рассматривают полицейские суды (ст. L-231-2, L-231-3, L-231-9 CJPM).

Полицейский суд вправе освободить несовершеннолетнего от наказания или назначить ему наказание в виде штрафа или одно из дополнительных наказаний, перечисленных в статье 131-16 Уголовного кодекса Франции (например, лишение водительских прав или запрет на содержание домашнего животного); также суд может применить воспитательную меру в виде предупреждения.

Судья по делам несовершеннолетних, в соответствии с положениями статьи L-121-4 CJPM, может назначить несовершеннолетним в виде наказания: конфискацию предмета, использованного для совершения преступления; стажировку, или курс гражданского воспитания; общественные работы, если на момент вынесения приговора несовершеннолетнему исполнилось 16 лет.

Наказание в виде стажировки не может осуществляться за счет несовершеннолетнего и организуется в форме коллективных занятий, состоящих из одного или нескольких учебных модулей, адаптированных к возрасту, личности осужденных и характеру совершенного правонарушения (п. 1 ст. R-131-37 Уголовного кодекса Франции и ст. L-122-5 CJPM). Срок стажировки устанавливается судом с учетом школьных обязанностей несовершеннолетнего и его

семейного положения. Фактическая продолжительность обучения не может превышать шести часов, и само обучение проходит под контролем и в присутствии учебного персонала, который отвечает за его выполнение (ст. R-122-7, R-122-11 CJPM).

Общественные работы, назначаемые несовершеннолетним, должны быть для них посильны и носить воспитательный или такой характер, который способствовал бы их социальной интеграции (ст. L-122-1 CJPM). Несовершеннолетние, осужденные к общественным работам, находятся под контролем: они обязаны являться по вызову судьи суда по делам несовершеннолетних и назначенных судьей воспитателя или службы по вопросам судебной защиты молодежи, а также информировать судью по делам несовершеннолетних о любом изменении работы или места жительства и любом перемещении, которое может помешать выполнению общественных работ (ст. R-122-3 CJPM).

Суд по делам несовершеннолетних рассматривает тяжкие преступления или правонарушения пятого класса, совершенные всеми несовершеннолетними, и преступления, совершенные несовершеннолетними в возрасте до 16 лет. Суд присяжных по делам несовершеннолетних рассматривает преступления, совершенные несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет¹³.

Суд по делам несовершеннолетних и суд присяжных по делам несовершеннолетних могут назначать несовершеннолетнему наказания, ограничивающие свободу: общественные работы, отсрочку, отсрочку на испытательный срок, социально-судебный надзор и судебный надзор. Кроме того, эти суды вправе назначать наказание в виде штрафа или лишения свободы (в том числе домашний арест с электронным наблюдением), которое не может превышать половины срока или размера наказания, назначаемого совершеннолетним¹⁴.

Наказание в виде лишения свободы отбывается отдельно от взрослых, в специализированном исправительном учреждении для несовершеннолетних. В качестве исключительной меры несовершеннолетний осужденный, достигший совершеннолетия, может содержаться в этих учреждениях до 18 лет 6 месяцев, при этом он не должен контактировать с осужденными в возрасте до 16 лет (ст. L-124-1, L-124-22 CJPM).

¹³ Braconnay N. La justice pénale pour mineurs // Vie-publique.fr. 2019. URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/268619-justice-penale-des-mineurs-en-france-ordonnance-du-2-fevrier-1945>.

¹⁴ Bitton A., Ferrand C. Les peines pénales applicables aux mineurs // Village de la justice. 2021. URL: <https://www.village-justice.com/articles/les-peines-penales-applicables-aux-mineurs,40878.html>.

При назначении несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы срок наказания сокращается наполовину и не может превышать 20 лет лишения свободы. Пожизненное лишение свободы не назначается (ст. L-121-5 CJPM). Наказание в виде штрафа не может быть назначено в размере более половины наложенного штрафа или свыше 7500 евро (ст. L-121-6 CJPM). Однако если несовершеннолетний старше 16 лет, то суд своим мотивированным постановлением в исключительных случаях и с учетом обстоятельств дела, личности и положения несовершеннолетнего вправе вынести решение о не-применении к нему правил смягчения наказания в виде лишения свободы и штрафа (ст. L-121-7 CJPM).

Наказание в виде лишения свободы несовершеннолетнему может быть назначено с испытательным сроком без реального его отбывания (ст. L-122-2 CJPM), но с возложением на несовершеннолетнего обязанностей по соблюдению мер контроля и обязательств, предусмотренных статьями 132-44 и 132-45 Уголовного кодекса Франции, для пробации и мер, указанных в статье L-122-6 CJPM, которые по своей сути являются мерами воспитательного характера.

В соответствии со статьей 131-4-1 Уголовного кодекса Франции и статьей L-122-6 CJPM вместо наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за совершение правонарушения, суд может назначить несовершеннолетнему наказание в виде домашнего ареста с электронным наблюдением на срок от 15 дней до 6 месяцев, которое не может превышать половину срока наказания в виде лишения свободы.

В завершение рассмотрения правового регулирования уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в уголовном законодательстве Франции следует отметить ряд его основных положений и особенностей.

Во-первых, французский законодатель обосновывает нормы, регулирующие правосудие в отношении несовершеннолетних, в отдельном кодифицированном нормативном правовом акте, который объединяет особенности осуществления уголовного судопроизводства и привлечения к уголовной ответственности и наказанию, относящиеся к сфере уголовного права.

Во-вторых, французское законодательство предусматривает специализацию юрисдикционных органов и процедур по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

В-третьих, возможность привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности и наказанию связывается с наличием у него «разумения», в отношении которого устанавливается опровергимая правовая презумпция, и с достижением 13-летнего возраста.

Несовершеннолетние делятся на две группы: лица в возрасте до 13 лет, к которым допустимо применять лишь меры воспитательного воздействия, и лица в возрасте от 13 до 18 лет, к которым возможно применение как воспитательных мер, так и уголовных наказаний.

К воспитательным мерам относятся: судебное предупреждение, включающее официальное объявление выговора судом и влекущее передачу под присмотр родителей; судебно-воспитательная мера, состоящая в индивидуальном сопровождении несовершеннолетнего и предусматривающая целый набор инструментов воспитательного воздействия. Наказание включает в себя: конфискацию предмета, использовавшегося для совершения преступления; стажировку (курс гражданского воспитания); общественные работы; лишение свободы.

Вместо наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за совершение правонарушения, суд вправе назначить несовершеннолетнему наказание в виде домашнего ареста с электронным наблюдением. Кроме того, наказание в виде лишения свободы может быть назначено с испытательным сроком без реального его отбывания несовершеннолетним. Несовершеннолетний, находящийся под судебным контролем, на испытательном сроке и условно-досрочном освобождении, также может быть помещен в закрытый воспитательный центр.

Возможно назначение несовершеннолетнему одного из дополнительных наказаний, перечисленных в статье 131-16 Уголовного кодекса Франции, при условии совершения им правонарушения, рассматриваемого полицейским судом.

В-четвертых, несовершеннолетие правонарушителя является обстоятельством, смягчающим наказание, что выражается в сокращении срока наказания в виде лишения свободы наполовину и ограничении его верхнего предела, который не может превышать 20 лет; в неназначении пожизненного лишения свободы; в ограничении размера штрафа, сумма которого не может превышать половину наложенного штрафа или 7500 евро.

В-пятых, имеются некоторые особенности назначения наказаний несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет. Прежде всего, наказание в виде общественных работ может быть назначено несовершеннолетнему лишь в том случае, если на момент вынесения приговора ему исполнилось 16 лет. Также на основании мотивированного судебного постановления суд вправе в исключительных случаях, с учетом обстоятельств дела, личности и положения

несовершеннолетнего, вынести решение о неприменении к лицу, достигшему 16-летнего возраста, правил смягчения наказания в виде лишения свободы и штрафа.

Библиографический список

Bauer D. Mineurs délinquants, mineurs en danger // Actu-Juridique.fr. 2021. URL: <https://www.actu-juridique.fr/penal/mineurs-delinquants-mineurs-en-danger/>.

Bitton A., Ferrand C. Les peines pénales applicables aux mineurs // Village de la justice. 2021. URL: <https://www.village-justice.com/articles/les-peines-penales-applicables-aux-mineurs,40878.html>.

Braconnay N. La justice pénale pour mineurs // Vie-publique.fr. 2019. URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/268619-justice-penale-des-mineurs-en-france-ordonnance-du-2-fevrier-1945>.

Castaignède J. Le mineur récidiviste: le nouveau regard du législateur // OpenEdition Books. 2019. URL: <https://books.openedition.org/pur/132405>.

Chambris C. N. A quel âge le mineur est-il présumé capable de discernement? // Village de la justice. 2022. URL: <https://www.village-justice.com/articles/quel-age-mineur-est-presume-capable-discernement,41288.html>.

Code de la justice pénale des mineurs // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000039086952/2021-09-30.

Faille M. La responsabilité pénale des mineurs // Association des Droits Humains de la Sorbonne. 2021. URL: <https://adhsorbonne.com/2021/10/17/la-responsabilite-penale-des-mineurs/>.

Lavric S. Point sur la responsabilité pénale des mineurs // Dalloz Actu Étudiant. 2021. URL: <https://actu.dalloz-etudiant.fr/a-la-une/article/point-sur-la-responsabilite-penale-des-mineurs/h/ac8518e87534df05e0154dc29920292f.html>.

Marques B. La lutte contre la récidive des mineurs // Portail HAL dumas. 2022. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-03717402>.

Marques S. Nouveau Code de justice pénale des mineurs: les points clés de la réforme // Village de la justice. 2021. URL: <https://www.village-justice.com/articles/justice-penale-des-mineurs-est-qui-change-reserve,40481.html>.

Mineur délinquant: mesures et peines encourues // Service-Public.fr. 2023. URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1837>.

Mucchielli L. Délinquance et justice des mineurs en France: la construction juridique et statistique d'un problème social // OpenEdition journals. 2019. URL: <https://journals.openedition.org/insaniyat/20187>. DOI: 10.4000/insaniyat.20187.

Ordonnance n 45-174 du 2 février 1945 relative à l'enfance délinquante // Légifrance. URL: www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000517521.

Quelle justice pénale des mineurs face à la délinquance juvénile? URL: <https://www.vie-publique.fr/eclairage/281587-la-justice-penale-des-mineurs-face-la-delinquance-juvenile>.

Информация для цитирования

Новиков Р. В. Назначение наказаний несовершеннолетнему по уголовному праву Франции // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 157–171. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-157-171

*Novikov R. V. Sentencing of a Minor under French Criminal Law. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 157–171. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-157-171*

УДК 343.34

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-172-183

Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, совершамыми с использованием технологий искусственного интеллекта

В. Н. Щепетильников

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции им. В. Г. Ермакова

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

E-mail: vic80@rambler.ru

Аннотация: в статье рассматриваются как теоретические, так и практические вопросы применения уголовного законодательства в наиболее острых и актуальных ситуациях, связанных с совершением лицами преступных деяний с использованием искусственного интеллекта (ИИ). Выявляются основные тенденции в совершении преступлений с элементами ИИ и приводятся примеры из складывающейся судебной практики. Предлагаются некоторые уголовно-правовые средства противодействия подобным преступлениям, в том числе отнесение технологий смертоносных автономных систем к оружию массового поражения и установление уголовного запрета на их применение против гражданских объектов и мирного населения в рамках специальной нормы Уголовного кодекса РФ в главе о преступлениях против мира и безопасности человечества. Предлагается также ввести уголовную ответственность банков при наличии их вины за мошеннические действия третьих лиц при списании денежных средств с электронных средств платежа, а возможность использования технологии ИИ для совершения преступления рассматривать как квалифицирующий фактор уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступление; искусственный интеллект; уголовная ответственность; уголовное наказание; уголовный закон

© Щепетильников В. Н., 2025

Criminal Law Mechanisms to Counteract Crimes Perpetrated Using Artificial Intelligence

V. N. Shchepetilnikov

Yelets State University named after I. A. Bunin
28, Kommunarov st., Yelets, 399770, Russia

E-mail: vic80@rambler.ru

Abstract: *the article examines both theoretical and practical aspects of the application of criminal law in relation to the use of modern technologies, such as artificial intelligence (AI), in the commission of criminal acts. The main trends in crimes committed with the use of AI are identified, and examples from emerging judicial practice are provided. Some criminal law measures to counter such crimes are suggested, including classifying technologies of deadly autonomous systems as weapons of mass destruction and placing their use against civilians and civilian objects under a criminal prohibition within a specific section of the Criminal Code of the Russian Federation, relating to crimes against peace and security. It is also proposed to impose criminal liability on legal entities represented by banks in case of fraudulent actions committed by third parties while debiting funds from electronic payment systems. The possibility of using AI technology to commit a crime is being considered as a qualifying factor for criminal liability.*

Keywords: *crime; artificial intelligence; criminal liability; criminal punishment; criminal law*

Стратегия национальной безопасности России предусматривает эффективное отстаивание ее национальных интересов, то есть удовлетворение бесспорной потребности личности, общества и государства в защите от внешних и внутренних угроз¹. Только приальной защите можно говорить о реализации конституционных прав и свобод граждан, достойном качестве и уровне их жизни, гражданском мире и согласии в стране, сохранении ее суверенитета, независимости и государственной целостности.

За последние два года отчетливо проявилась новая внешняя угроза – беспилотные летательные аппараты (дроны), несущие на себе боеприпасы и используемые против мирного населения нашей страны и гражданской

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

инфраструктуры. Как отмечают ученые Международного исламского университета Малайзии Ф. М. Хасан и Н. Д. Осман, в настоящее время многие страны стремятся к использованию так называемого автономного оружия на основе искусственного интеллекта, которое после активации может самостоятельно, без участия человека-оператора, выбирать и поражать цели². С учетом скорости действия таких автономных систем вооружения контроль со стороны человека становится невозможным. Отметим, что у технологии ИИ есть как свои сторонники, так и противники.

Еще в 2010 году на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была поднята проблема автономных вооружений. В 2023 году комитет Генассамблеи впервые принял проект резолюции по смертоносным автономным системам вооружений (САС). Россия данный проект не поддержала³. В итоге получилось кривое зеркало: государства, подписавшие в 2023 году проект резолюции, призывающей остановить «роботов-убийц», в том числе Франция, Германия, США и Великобритания, сами делают всё для того, чтобы продолжать сегодня накачивать Украину различными видами вооружения, включая беспилотники.

По справедливому замечанию Министерства иностранных дел РФ, подобные документы излишни, поскольку существующих международных правовых инструментов достаточно для регулирования вооружений с элементами автономности и ИИ. В то же время указанный документ однобоко освещает результаты деятельности Группы правительственных экспертов ООН, не отражая должным образом одиннадцать руководящих принципов в отношении автономных систем вооружений; кроме того, в нем проигнорирована возможность использования указанных систем вооружений для обеспечения законных оборонных интересов государств. Позиция внешнеполитического ведомства России сводится к тому, что данные средства играют важную роль при решении задач обороны, борьбы с террористической угрозой и минной опасностью.

Вместе с тем Россия не исключает сохранения контроля человека над любой техникой, в том числе для обеспечения выполнения действующих норм международного права. А выполнять есть что. Например, статья 49 Женевской конвенции об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях от

² Хасан Ф. М., Осман Н. Д. Автономное вооружение на основе искусственного интеллекта и индивидуальная уголовная ответственность согласно Римскому статуту. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtonomnoe-vooruzhenie-na-osnove-iskusstvennogo-intellekta-i-individualnaya-ugolovnaya-otvetstvennost-soglasno-rimskomu-statutu/viewer>.

³ Черненко Е., Домбицкая А. САС не догонят. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6321221>.

12 августа 1949 г. предусматривает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Авт.) для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей Конвенции... Каждая Высокая Договаривающая Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду»⁴. Статья 50 вышеназванной Конвенции к серьезным нарушениям относит действия, направленные «против лиц или имущества, пользующихся покровительством настоящей Конвенции: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезногоувечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью». Неоднократные террористические атаки в Белгороде, Курске, Брянске, других городах и регионах России, по нашему мнению, являются фактами именно таких нарушений.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации⁵ (далее – УК РФ) содержит статьи 355 и 356, предусматривающие уголовную ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, а также за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Полагаем, что технологии САС с ИИ следует отнести именно к такому виду оружия, поставив под уголовный запрет их применение против гражданских объектов и мирного населения в рамках специальной нормы УК РФ в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества».

Другим бичом современности стало мошенничество с использованием электронных средств платежа. Не так давно в средствах массовой информации прошло сообщение со ссылкой на пресс-службу Банка России, что злоумышленники начали взламывать аккаунты пользователей в популярных мессен-

⁴ Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. С оговорками, сделанными при подписании.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.

джерах и скачивать оттуда голосовые сообщения граждан, с тем чтобы в дальнейшем, используя нейросеть, фабриковать новые сообщения и таким образом вымогать деньги у граждан. ИИ, обработав даже секундные речи, способен создать убедительный дипфейк, качественно воспроизведя интонацию и тембр человека. Эксперты прогнозируют даже использование видеозвонков с одновременным синтезом речи и изображения звонящего⁶. В такого рода ситуациях технология ИИ используется как способ совершения преступления.

В собственной практике суд отмечает, что «ответственность банка за совершение третьими лицами операций по банковской карте клиента с использованием персональных средств доступа не предусмотрена ни договором, ни нормами действующего законодательства»⁷. Очевидно, что такие нормы необходимо предусмотреть в уголовном законе. Это, кстати, еще один аргумент в пользу давнего спора о необходимости признания субъектом уголовной ответственности юридических лиц, в данном случае банков. При этом вызывает категорическое несогласие позиция суда в указанном деле, согласно которой «не имеет существенного значения, сама ли истница использовала указанные сведения для совершения операций по переводу денежных средств или сообщила информацию (умышленно или по неосторожности) третьим лицам». Извините, умысел и неосторожность в таком случае – это две большие разницы. Умысел может говорить только о соучастии в преступлении, а неосторожность граждан, клиентов банков, как раз об изощренности злоумышленников.

Еще один пример. В обычном магазине под предлогом покупки преступник выбирает товар. Сообщает продавцу о своем намерении приобрести его. Получив от продавца информацию о телефонном номере с привязанной банковской картой, на счет которой необходимо перевести денежные средства, преступник путем обмена мгновенными сообщениями в диалоге с ботом, установленным в качестве приложения на принадлежащем ему сотовом телефоне, формирует поддельный электронный чек по операции о переводе денежных средств. Далее он демонстрирует продавцу отобразившийся на экране автоматически сформированный поддельный чек и таким образом убеждает его в осуществлении оплаты приобретенного товара. В последующем он

⁶ Отраднов Р. ЦБ: мошенники научились имитировать голоса родных потенциальной жертвы. URL: <https://rg.ru/2024/01/17/cb-moshenniki-stali-chashche-imitirovat-golosa-rodnyh-potencialnoj-zhertvy.html>.

⁷ Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова Саратовской области от 25 окт. 2023 г. по делу № 2-1241/2023.

распоряжается похищенными товарно-материальными ценностями по своему усмотрению.

Конечно, мошенничество остается мошенничеством независимо от способа его совершения. В этой связи представляется излишним плодить новые «примы» к уже имеющимся в ряду статей о мошенничестве. Целесообразнее подумать о таком наказании, которое стало бы соразмерным причиненному вреду и обеспечило цель общей превенции. Например, штраф, кратный ущербу, а также принудительные работы на благо государства, причем с постановкой конкретных законных интеллектуальных ИТ-задач, от успешного решения которых зависел бы срок погашения (снятия) судимости. Такой подход, на наш взгляд, является разумным для борьбы с интеллектуальными преступлениями.

Среди коллег есть мнение, что усложнение уголовного закона, регулирующего отношения в связи с защитой прав по поиску, получению, передаче, производству и распространению информации, при применении информационных технологий требует введения более общего по сравнению с компьютерной информацией понятия «цифровая информация». Под ней предлагается понимать «все многообразие сведений, обращающихся и обрабатываемых в информационно-телекоммуникационных устройствах, их системах и сетях, в том числе при помощи искусственного интеллекта. При этом преступлением в сфере обращения цифровой информации предлагается считать предусмотренное уголовным законом виновно совершенное общественно опасное деяние, направленное на нарушение конфиденциальности, целостности, достоверности и доступности охраняемой законом цифровой информации»⁸. Сходную точку зрения, правда в контексте электронной информации, мы выдвигали в 2006 году в своем исследовании, однако законодатель, как показало время, пока не пошел по данному пути⁹.

Вместе с тем представляется спорной позиция по переходу правосудия в России на так называемую «матрицу цифрового правосудия», когда роль человека в принятии решения по уголовному делу сведется к минимуму, когда

⁸ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: моногр. / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2019.

⁹ Щепетильников В. Н. Уголовно-правовая охрана электронной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2006.

в судьях исчезнет необходимость, а решение будет приниматься по усмотрению робота с искусственным интеллектом¹⁰.

Еще одной проблемой стало применение технологий ИИ в преступной деятельности по сбыту наркотических веществ (ст. 228.1 УК РФ). Преступники организуют интернет-магазины, а с помощью программ мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров) создают аккаунты – так называемые чат-боты по продаже наркотических средств в круглосуточном режиме, где размещают информацию о поиске лиц, готовых войти в преступную группу, об ассортименте сбываемых наркотических средств и их стоимости, о номерах счетов для оплаты, статусе «заказов», об отзывах потребителей, которым осуществлялся сбыт наркотических средств организованной группой. С целью рекламы своей преступной деятельности информацию об интернет-магазинах, о местах и способах приобретения наркотических средств размещают среди лиц, употребляющих наркотические средства, и их распространителей. Подобные «магазины» создаются при помощи специальных сайтов, и при регистрации на них создают «бота» (искусственный интеллект, отвечающий за прием платежей и выдачу адресов) и интернет-сайт автоматических продаж наркотических средств, зайти на который возможно только через определенную сеть. В последующем, используя данные для входа в панель управления «ботом» и сайтом, через приложение оператор добавляет купленные кошельки в базу данных «бота» и сайта, на которые поступают платежи за продажу наркотических средств. Полученные денежные средства распределяются между соучастниками преступных групп¹¹. К сожалению, такой способ совершения преступления стал распространенным явлением современной действительности.

Технологическая составляющая, как всегда, опережает правовую составляющую, поскольку право возникает только как реакция государства на возникшие потребности общества и становится регулятором постфактум. Вот и в случае с искусственным интеллектом государственный регулятор – глава 28 УК РФ – уже не охватывает всех особенностей преступных деяний, ставших возможными с появлением данных технологий¹².

¹⁰ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации...

¹¹ Приговор Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 24 авг. 2023 г. по делу № 1-201/2023; приговор Подольского городского суда Московской области от 30 авг. 2022 г. по делу № 1-770/2022.

¹² Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: моногр. / Е. Н. Абрамова, А. П. Алексеенко, С. Н. Белова [и др.]; под общ. ред. В. А. Вайнана, М. А. Егоровой; МГУ им. М. В. Ломоносова, Университет им. О. Е. Кутафина, Моск. отд-ние Ассоциации юристов России, Междунар. союз юристов и экономистов (Франция). М.: Юстицинформ, 2021.

Есть и другая точка зрения относительно роли ИИ при совершении подобных преступных деяний. Так, в приговоре Оренбургского областного суда указано, что «любой “бот” (сокращенно от “робот”) – это специальная программа, выполняющая разные задачи и создающаяся человеком с определенной целью. Между тем анализ переписки подсудимых, зафиксированной в их телефонах, свидетельствует о том, что респонденты подсудимых в Интернете мобильно реагировали на поступающие сообщения, выдавая ответную информацию в режиме реального времени, что *исключает общение с искусственным интеллектом*»¹³. Таким образом, здесь отрицается возможность рассмотрения технологии ИИ в качестве «перспективного» субъекта преступления. Подобные рассуждения можно встретить и у других авторов¹⁴.

Исходя из признаков искусственного интеллекта¹⁵, которыми в специальной литературе наделяют данную технологию, важно отметить, что в любом случае это порождение в первую очередь интеллектуальной деятельности человека, за которое должен отвечать сам человек.

Со стороны подсудимых даже звучат разъяснения (своего рода «клик-без») о том, что система-бот не является физическим лицом, а обладает искусственным интеллектом. Интернет-магазином управляет система-бот, которая не может быть организатором преступления, поскольку лишь выдает адреса с закладками в произвольном порядке по принципу лотереи¹⁶. Или, наоборот, все преподносится так, чтобы исключить субъекта соучастия как субъекта уголовной ответственности. Например, преступник вступает в переписку с лицами под каким-нибудь «ником» посредством социальных сетей – якобы таким образом данное лицо является искусственным интеллектом, неодушевленным предметом. Но подобные доводы о невозможности вступления в предварительныйговор с «искусственным разумом» суд находит надуманными, так как договоренности на совершение преступления достигаются именно с физическим лицом, использующим «ник» на сайте, что подтверждается перепиской, имеющейся в телефоне подсудимого. При этом суд подчеркивает, что неустановление в ходе предварительного следствия конкретного лица,

¹³ Приговор Оренбургского областного суда от 7 февр. 2023 г. по делу № 2-2/2023.

¹⁴ См., например: Петрикова С. В., Анощенкова С. В., Лаврушина А. А. К вопросу о признании субъектами уголовной ответственности разработчиков и пользователей искусственного интеллекта // Законодательство. 2021. № 5. С. 60–65.

¹⁵ Иващенко М. А. Искусственный интеллект в уголовном законодательстве России // Академическая мысль. 2020. № 4. С. 64.

¹⁶ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 1 июня 2021 г. по делу № 10-1926/2021.

использующего конкретный «ник», не опровергает вывод суда о том, что злумышленник действовал именно группой лиц по предварительному сговору¹⁷.

Считаем возможным такие средства совершения преступления отнести к обстоятельствам, представляющим повышенную общественную опасность для охраняемых уголовным законом интересов личности, общества, государства, а потому отягчающим ответственность, и учитывать при назначении уголовного наказания. Представляется допустимым вернуть и применять высшую меру наказания – смертную казнь – за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, ибо это одна из основных угроз национальной безопасности страны и такое зло нужно пресекать на корню, иначе его не побороть.

При изучении мнений коллег по данной теме становится очевидным, что все мы говорим об одном и том же, но с разной степенью конкретизации. Если мы признаём, что «высокие технологии могут быть использованы не только для совершения таких преступлений против личности, как убийство, причинение вреда здоровью человека, нарушение неприкосновенности частной жизни и неприкосновенности жилища, но и для посягательств против общественной безопасности, совершения преступлений против мира и безопасности человечества», что «существует также недооцененная опасность использования робототехники террористами и экстремистами»¹⁸, то стоит ли придумывать новые статьи уголовного закона? Думается, проблема лишь в том, чтобы понять следующее: насколько использование технологий искусственного интеллекта повышает характер и степень общественной опасности совершаемых деяний и каковы могут быть последствия от преступного применения таких комплексных решений? И тогда со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что применение технологий ИИ возможно рассмотреть как квалифицирующий признак, как в свое время было сделано применительно к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

Следует добавить, что, когда в 1996 году принимался УК РФ, еще не было понятия искусственного интеллекта, но уже появилась глава 28 о преступлениях в сфере компьютерной информации. Понадобилось двадцать шесть лет, чтобы

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда от 22 марта 2021 г. по делу № 22-625/2021.

¹⁸ Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта как базовое условие экономического прорыва России: моногр. / Г. Ф. Ручкина, М. В. Демченко, А. В. Попова [и др.]. М.: Русайнс, 2023.

родилось соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ¹⁹, разъяснившее в целях единообразного правоприменения отдельные термины и положения норм об уголовной ответственности за киберпреступления. Поэтому абсолютно правы коллеги, утверждающие, что «преступления в отношении информации должны квалифицироваться как компьютерные вне зависимости от способа воздействия: механического, магнитного или программного. Рассматривать же последствия следует с точки зрения влияния на информационную систему в целом. При квалификации компьютерных преступлений не следует использовать в качестве конститутивных признаков, имеющие узкотехнологическую специфику. Технологические понятия не всегда имеют однозначное соответствие общепринятым терминам. Кроме того, они меняются со временем, что требует постоянной актуализации законодательной базы. Перечень последствий может быть открытый, а их перечисление должно иметь лишь ориентирующий характер»²⁰.

Интересной и аргументированной представляется позиция С. Л. Нуделя, согласно которой уголовная ответственность за наступление общественно опасных последствий применения искусственного интеллекта может быть реализована в рамках ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, о чем мы уже упоминали выше. Исследователем делается справедливый вывод о неизбежности разработки концепции новой уголовной политики: «С учетом того что отмеченные выше дефекты в области уголовно-правового регулирования обеспечения национальной безопасности имеют системный характер, взаимосвязаны и затрагивают не отдельные правовые институты, а уголовное право в целом, внесение корректирующих изменений в УК РФ представляется недостаточным и вполне вероятным итогом видится подготовка проекта нового Уголовного кодекса»²¹.

Теракт, вандализм, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, незаконное проникновение на охраняемые объекты, хищение и многое другое могут быть осуществлены с применением технологии ИИ. В этой связи среди коллег сложилось мнение о необходимости законодательно проработать

¹⁹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 37.

²⁰ Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Преступления в сфере компьютерной информации: критический взгляд // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13, № 4. С. 174.

²¹ Нудель С. Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 72.

вопрос «об уголовной ответственности за незаконный оборот робототехники с искусственным интеллектом; грубое нарушение правил эксплуатации роботов, повлекшее причинение вреда жизни, здоровью человека или крупного ущерба»²². Невольно вспоминается рассказ Джанни Родари «Робот, которому захотелось спать»²³, где домашнего робота, а действие происходит в Риме в 2222 году, приговорили к двум неделям тюрьмы за то, что ему удалось заснуть как обычному человеку, а потом властям пришлось договариваться с роботами. На дворе только 2024-й, а мы уже очень близки к тому, о чем писатель поведал детям в шутливой форме в 1967-м.

Библиографический список

Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178.

Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Преступления в сфере компьютерной информации: критический взгляд // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13, № 4. С. 152–176. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4. 152.176.

Иващенко М. А. Искусственный интеллект в уголовном законодательстве России // Академическая мысль. 2020. № 4. С. 62–65.

Нудель С. Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 62–74. DOI: 10.61205/jrp.2023.128.

Петрикова С. В., Анощенкова С. В., Лаврушкина А. А. К вопросу о признании субъектами уголовной ответственности разработчиков и пользователей искусственного интеллекта // Законодательство. 2021. № 5. С. 60–65.

Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта как базовое условие экономического прорыва России: моногр. / Г. Ф. Ручкина, М. В. Демченко, А. В. Попова [и др.]. М.: Русайнс, 2023.

Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: моногр. / Е. Н. Абрамова, А. П. Алексеенко, С. Н. Белова [и др.]; под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой; МГУ им. М. В. Ломоносова, Университет им. О. Е. Кутафина, Моск. отд-ние Ассоциации юристов России, Междунар. союз юристов и экономистов (Франция). М.: Юстицинформ, 2021.

²² Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 176.

²³ Родари Дж. Робот, которому захотелось спать / пер. с итал. Л. Вершинин. URL: <http://lib.ru/RODARI/27-21.txt/>.

Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: моногр. / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2019.

Хасан Ф. М., Осман Н. Д. Автономное вооружение на основе искусственного интеллекта и индивидуальная уголовная ответственность согласно Римскому статуту. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtonomnoe-vooruzhenie-na-osnove-iskusstvennogo-intellekta-i-individualnaya-ugolovnaya-otvetstvennost-soglasno-rimskomu-statutu/viewer>. DOI: 10.21202/jdtl.2023.19.

Щепетильников В. Н. Уголовно-правовая охрана электронной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2006.

Ex jure

Информация для цитирования

Щепетильников В. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием технологий искусственного интеллекта // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 172–183. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-172-183

Shchepetilnikov V. N. Criminal Law Mechanisms to Counteract Crimes Perpetrated Using Artificial Intelligence. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 172–183. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-172-183

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике научной специальности 12.00.00 – юридические науки.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Межстрочный интервал – полуторный. Размер шрифта (кегль) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единственным файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствует следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES IN EX JURE

The presented article should be original, not previously published, corresponding to the subject of scientific specialty 12.00.00 – Legal Sciences.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal "Perm University Herald. Juridical Sciences" (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure

2025. № 1

Редактор

Т. И. Ускова

Корректор *М. И. Иванова*

Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 29.01.2025

Дата выхода в свет 31.01.2025. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 15,11. Тираж 150 экз. Первый завод 25. Заказ 5

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36
Отпечатано в типографии ПГНИУ
+7 (342) 239 65 47

Распространяется по подписке и бесплатно

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8671870/?sphrase_id=396144
Подписной индекс 83987

